

Мансуров Андрей

Под игом чудовища

Тёмное фэнтези

Андрей Арсланович Мансуров

Под игом чудовища

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39284810

SelfPub; 2019

Аннотация

Враг независимой Тарсии, чародей Хлодгар, не гнушается никакими средствами борьбы – в том числе и наследием, оставшимся от Предтеч: странными и непонятно действующими аппаратами. В которых рождаются всё новые и новые виды монстров, орды которых он регулярно насылает на людей. Но вечно так продолжаться не может – и король Тарсии наконец приказывает провести глубокую разведку территорий врага...

Под игом чудовища.

1.Капитан.

Кракен старался планировать мягко и бесшумно.

Не то, чтоб он боялся кого-то распугать, или наоборот – привлечь. Нет, он никого и ничего не боялся. Просто он привык всегда так летать – спокойно, плавно, бесшумно. Солидно и с достоинством, как и подобает представителю его Племени. То есть – без суеты и ненужного шума. И без лишних затрат энергии. Вот и сейчас он затормозил только перед самой посадкой: всего в паре футов от груди намеченного трупа в элегантном хлопке раскрыл полностью свои великолепные чёрно-агатовые крылья. Разумеется, уход за ними занимал очень много времени, но оно того стоило: крылья – предмет его гордости.

Переступив с ноги на ногу, Кракен грозно встопорщил перья на загривке: нет, никто пока больше не претендует на это тело. Вот и хорошо. Потому что он терпеть не мог, когда ему мешали. И не задумываясь пускал в ход тяжёлый прочный клюв, которым легко раскалывал орехи, а при случае мог дробить и кости. Оглядев ещё раз горизонт и близлежащие окрестности, он привёл загривок в нормальный вид.

Нет, никто из огромного чёрного замка выйти и что-то сделать с трупами не торопится. А коллеги-конкуренты облюбовали себе каждый другие тела, поодаль: благо, этого добра на обширном пространстве равнины хватает.

Он посмотрел вниз. Отлично, вот и лицо, откуда обычно удаётся выклевать особо сочные и мягкие кусочки. Но что-то с этим лицом... не так. Не найдя на привычном месте ноздрей, и придирчиво повыбирав, он наконец клюнул – в то место, что всегда считал деликатесом: в глаз.

ТЬФУ! Что за гадость ему попалась?!

Это, конечно, не человек, да и вообще ни на что из того, что он пробовал до сих пор не похоже, но...

Но по-идее предполагается, что всё, сделанное из мяса, что летает, ходит, ползает и просто существует на этой земле – съедобно! Для него. А тут...

С отвращением поперебирав в клюве то, что удалось вырвать с первого раза, Кракен оказался вынужден выплюнуть это обратно.

Не-ет, это не мясо! Это, это... Какая-то странная субстанция: мало, что волокнистая, и до жути жёсткая, так ещё и с отвратительным привкусом аммиака – словно труп кто-то специально обо...ал! А ведь это невозможно. Кракен сам видел, как упал, пронзённый стрелой, этот странный... назовём пока условно – нечеловек, и больше к нему никто не приближался. Да, странно, странно...

Нужно попробовать клюнуть и в другие, не защищённые

одеждой, или доспехами, места. Может, у этого непонятного создания просто глаза так устроены?

Однако это тоже не помогло.

Ни кусок ноги, ни кисть руки, сжимающая обоюдоострый узкий меч, ни обнажившаяся при падении часть живота по вкусу и консистенции от первого куска ничем не отличались. Б-р-р!.. Мерзость. Кракен, конечно, не слишком разборчив или брезглив, но тут...

Нет, пусть *это* ест кто хочет. Например, гиены. Кроты. Или крысы – говорят, они как раз и славятся тем, что питаются любой, даже полусгнившей, падалью. А он...

Всё-таки родовая, да и личная гордость есть и у него.

Да и опасно: мало ли... Потом будешь страдать несварением желудка, или коликами в кишечнике. Весь опыт предыдущих трёхсот лет жизни предостерегал его от того, чтоб утолить обычный, а вернее, уже достаточно сильный, голод – *этим!*

Оглянувшись вокруг, он заметил, что из всех его соплеменников лишь старый Розенкат ещё пытается что-то из своего трупа выклевать. Остальные же сидят на телах с не то удивлённым, не то – возмущённым видом, а некоторые – уже явно готовясь улететь прочь! И в этом имелся смысл: если эти странные создания с оружием, бегущие на юг, будут снова нападать на людей, живущих не в такой вот твердыне-крепости, а в обычных посадах или селеньях, то обычные, в смысле, людские, трупы – точно появятся.

Значит – на юг! И он не против первым подать пример.

С возмущением каркнув, он снова расправил пятифутровые крылья, и, мощным ударом когтистых лап оттолкнувшись от неприветливой груди, унёсся прочь: туда, куда, собственно, и бежала до этого вся эта огромная орава несъедобных монстров – к плодородным пахотным землям, к стадам, лугам и полям. К обильному на дары природы приветливому сердцу лежащей за крепостью страны.

Может, все эти монстры и правда убьют несколько людей.

И тогда удастся высмотреть какую-то более привычную и съедобную...

Пищу!

Набат в какой-то степени оказался лорду Дилени кстати.

Он вовремя вырвал лорда из лап очередного мерзкого кошмара: битвы с кем-то неопишимо уродливым и смертельно опасным: когти, клыки, оскаленные нечеловеческие рожи, загребущие мускулистые конечности – твари наседали на него со всех сторон, вопя, воя и рыча, да ещё обдавая зловонным запахом из разверстых пастей... И в середине всего этого кошмара, словно воплотившего одну из сцен искушений святого Антония – он, рубящий и колющий из последних сил окружившие плотным кольцом волосатые, и остро воняющие мокрой свалявшейся шерстью, потом и мочой, лохматые тела-туши!..

С другой стороны, полностью придя в себя, отбросив по-

скорей опасности кошмара и оценив опасности действительности, но не мог не порадоваться хотя бы про себя: если с кошмаром и его порождениями не больно-то повоюешь, и ему, вероятней всего, пришлось бы опять погибнуть в муках, чтоб проснуться, здесь, наяву – всё по-другому.

Есть реальный враг, которого, как он знал по предыдущим столкновениям, можно убить! Осталось лишь выяснить, кто это будет на этот раз.

Вбежал адъютант, он же и личный денщик: сержант Буттерс, махавший рукой в направлении северной стены:

– Милорд! Там!.. Нападение!

– Да, сейчас иду. – по должности коменданта крепости Милдред лорду Дилени полагалось знать, куда он должен направиться немедленно, чтоб начать руководить своим гарнизоном, если в дополнительных указаниях возникнет нужда. Хотя вряд ли: люди отлично вышколены, опытные, и наверняка уже заняли, или занимают штатные места, как положено делать по сигналу общей тревоги.

Натянув только штаны и кольчугу, и застёгивая уже на ходу пояс с ножнами, лорд Дилени не мог не закусить губы: раз часовые или, что верней, их непосредственное начальство – командир дежурной смены – посчитали нужным ударить в набат, опасность, угрожающая замку Милдред – и правда, реальная. И серьёзная! Следовательно, нужно не мешкая, и даже не теряя времени на одевание тяжелых доспехов, бежать туда, на стены. Чтоб уже там, на месте, решать: то ли

нужно сразу вступать в сражение, то ли – пока просто принять командование, и оценить, какие дополнительные распоряжения нужно отдать до начала битвы!

Быстрым шагом проходя по тёмным и извилисто-узким коридорам, построенным так, чтоб запутать врагов, даже если б им удалось прорваться на стены и внутрь, и всё время меняющим направление и ширину проходам-переходам, поднимаясь и спускаясь по ступенькам, лорд внимательно вглядывался в окна-бойницы, и то, что за ними. Нет, никакой рассвет, или даже намёки на отблески зари не видны. Холодные и немигающие звёзды светят, как ни в чём ни бывало. Следовательно, сейчас, судя по степени сгорания факелов, и положению звезды Юпитера, что-нибудь около двух часов ночи. Или чуть больше. Потому что уже пахнет... Приближающейся зарёй.

Странно. Непонятно, почему враг предпочёл напасть ночью, обычно он старается сделать это, когда уже рассвело. Ну, или хотя бы светает.

Выйдя из дверного проёма башни на парапет северной стены, он осмотрелся.

Всё верно: он безошибочно определил угрожаемое направление: именно туда обращены взоры всех стражников, которых он видит отсюда. Собственно, можно было и не сомневаться, что новое нападение последует именно оттуда: с запада к Милдреду ближе всего – непроходимая и незамерзающая даже в лютые морозы Энгаденская трясина, а за ней

– союзная Парассия, и её столица, Лория, расположенная от Милдредра всего-то в сотне миль. На востоке, начинаясь в миле от подножия замка, простирается Бискийский залив моря Блестящих рыб, но от нападения оттуда защищает практически неприступный скалистый берег, и эти самые рыбы – чтоб проплыть по чёрно-зелёному морю, нужен не простой деревянный корабль, который изничтожается зубами этих самых рыб за пару недель, а обитый медными листами. Чего сейчас практически никто себе позволить не может – дорого!

А на юге – страна, которую и призван защищать и охранять их замок: Тарсия.

Лорд и сам подошёл к внешней стене и выглянул в одну из бойниц. Темно. Но...

Да, точно: в полумиле от замка что-то движется. Какой-то чуть более чёрный, чем просторы окружающей замок тёмной каменистой равнины – словно бы ковёр. Оживший. И состоящий, как можно, приглядевшись, понять, из отдельных, весьма быстро приближающихся, тел.

К Дилени подбежал лейтенант Кнут Расмуссен:

– Милорд капитан! Я посчитал нужным объявить общую тревогу! Вот – не угодно ли взглянуть?

Дилени кивком поблагодарил, приняв из рук лейтенанта уже раздвинутую подзорную трубу. Навёл на передовой вал нападающих. Хм-м...

Нападать они, похоже, и правда – собирались. В руках – а вернее, в коротких и мускулистых лапах! – странных че-

ловекообразных фигур имелись короткие же, узкие, и сильно изогнутые, мечи, похожие, скорее, на сабли, у некоторых имелись клевцы, и кое у кого – палицы и булавы. Левое плечо каждой твари прикрывал немаленький, но явно нетяжёлый, потому что практически, как было видно, не мешал бежать, щит: вероятней всего, из дублённых шкур, натянутых на каркас из гибких ветвей тала или лозы. С прослойкой в середине из чего-нибудь вроде ваты. Отлично помогает от стрел. И даже копий.

Примитивное, но вполне адекватно действующее оружие ближнего боя. Только вот если они и правда собираются штурмовать Милдред, где их...

– Милорд! Прикажете открывать огонь по готовности? Когда будут на расстоянии выстрела?

– Нет. – что-то помешало лорду Дилени отдать привычный и почти неизменный в таких случаях стандартный приказ, предусмотренный Уставом, – Огонь открывать только по моей команде.

– Есть, господин комендант! – лейтенант штоком с оранжево-зелёным полотнищем на древке немедленно сделал три круга над головой, ещё и трижды дунув в свисток, дублируя приказ начальства, и лучники, уже добежавшие из казарм в подвалах, и занявшие свои привычные места возле бойниц, чуть отступили, сняв стрелы с уже натянутых тетив.

– Лейтенант, распорядитесь немедленно начать переноску на стены дополнительных валунов.

– Уже сделано, сир!

– Отлично. Значит, будем ждать.

– Простите, милорд, но вы... – в тоне, да и во взгляде лейтенанта Дилени услышал и увидел недопонимание. Если назвать это столь мягким словом, – Так спокойны! Ведь наверняка сейчас на нас нападут! И с такими тварями мы раньше не встречались!

– Да, верно. С такими – не встречались. – лорд старался говорить медленно и действительно спокойно. Хотя сам этого самого спокойствия отнюдь не ощущал. Но не за способность держать в узде свои эмоции его назначили командиром гарнизона чуть ли не самого главного замка северных рубежей – хотя в том числе, конечно, и за неё. А за наблюдательный и острый глаз. И ум, делающий спокойные и логические выводы там, где обычный человек наверняка бы увидел нечто ужасное и неизвестное, и поддался, если не панике, то порыву принять. Недальновидные или – что куда хуже! – поспешные и ошибочные, пусть и привычные, стандартные, предусмотренные Уставом, решения.

– Твари, без сомнения, новые. И вооружены неплохо. Однако.

Я не вижу ни одной осадной лестницы, или чего-то вроде катапульт для метания камней или зажигательных снарядов. И летать бескрылые существа вряд ли могут. Залезть же по нашим стенам с помощью когтей им тоже будет проблематично – потому что тогда придётся выпустить из рук – вер-

нее – лап! – оружие и щиты. Но если они всё же полезут, нам же легче: станут лёгкими мишенями. Стрелять же нам в этом случае никто не помешает: я не вижу у них ни луков, ни арбалетов! Так что повторяю: стрелять – только по моей команде. Не нужно расходовать стрелы зря – у них отличные щиты.

– Так точно, милорд капитан. Понял, милорд капитан. – в глазах лейтенанта теперь было искреннее восхищение, но в голос он уж постарался его не пускать. Из соображений сохранения остатков элементарного самоуважения, как понял Дилени. – Разрешите идти?

– Ступайте. Прикажите дежурным через... Нет, прямо сейчас – разжечь сигнальные костры на башнях. Все пять.

– Есть, милорд!

Лейтенант убежал, и какое-то время Дилени слышал его нарочито громкие и уверенные распоряжения. Которые исполнялись буквально в ту же секунду – в чём, в чём, а в выучке и дисциплине его людям отказать ну никак нельзя.

Гарнизон у них в крепости небольшой, только-только оборонять периметр стен. Не более двухсот человек. Две роты. Но – из ветеранов. Да оно и правильно: где же ещё их использовать, как не на самом рискованном направлении, и в самой надёжной и укреплённой приграничной крепости? Дающей возможность «работать» из-под прикрытия высоких прочных стен. Поэтому и навыки, и дисциплина, и боеспособность – на высочайшем уровне.

Повезло ему с ними.

Теперь бы не свалить дурака, и не допустить напрасных потерь среди доверивших ему свои жизни людей. Верящих в правильность принятых им решений. А он...

Так ли он действительно уверен, что нападающие не начнут вот так, без подготовки, и оборудования, и прямо в лоб – штурмовать чёртовы пятидесятифутовые стены?!

Нет, он в этом не уверен. Потому что враг, с которым им все эти годы приходится воевать, отбивая всё новые и новые прямые атаки, и ликвидируя предательские поползновения исподтишка, изобретает всё новые и новые ходы и способы. Одна только атака гигантских кротов, пытавшихся подрыть землю в основании фундамента четыре года назад чего стоит. Хотя... Этим-то не позавидуешь: почвы у фундамента Милдредра – кот наплакал: фута два. Каменистой, жёсткой, неплодородной. И уж конечно стены их повидавшего виды замка стоят не на ней. А – на скальном основании! Так что кротов, поневоле выдавших своё местоположение предательскими кучками камней и земли, или сотрясением почвы, быстро перебили. И даже выкопали нечто вроде рва вокруг стен – чтоб уж никто больше незамеченным!..

А нашествие гигантских крыс на поля и посадки окрестных фермеров?! А гигантские же летучие мыши-вампиры, перепортившие массу скота, и могущие заразить человека проказой с одного укуса?..

Да мало ли...

Но вот новые твари и приблизились на расстояние пятидесяти ярдов – теперь странные и угрожающие лица-морды видно отлично, поскольку в котлах на стенах разгорелись дозорные костры. И в таганах под котлами со смолой – тоже. А на башнях – огромные сигнальные.

А странно выглядят нападающие, и их действия. Будто они или очень храбрые, или очень глупые. (Ну, или таковы их непосредственные начальники!) Никаких шлемов или забрал на головах. Тела прикрывают только щиты и что-то вроде тощеньких на вид кольчуг – нет даже обычных пластинчатых щитков на плечах, груди и предплечьях.

Следовательно, череп у тварей должен быть сам по себе очень прочным: нужно предупредить людей, чтоб не старались попасть стрелой, копьём, или мечом в голову.

Сами морды не показались Дилени уж слишком безобразными – враг не заморачивается больше конструированием отвратительных образин в попытках сразу напугать людей. Поскольку они привыкли, и не пугаются. Нет, тут всё функционально: огромные глазницы, с глазами, явно отлично видящими в темноте и сумраке: уже заметен их непривычно большой размер, и даже вертикальный зрачок – оптика у его трубы отменная. (Спасибо мастеру Хориносу!) Вместо носа – просто два чёрных отверстия: ноздри. Рот... Нет. Скорее – пасть. С хорошо видимыми, и отсвечивающими в свете дозорных костров, факелов, и разгоревшихся в полную силу на всех пяти башнях огромных сигнальных костров, жёл-

то-оранжевым цветом, мелкими зубами. (Ну, относительно мелкими – то есть, почти как у человека!) Но здесь ещё имеются и дюймовые клыки: чтоб, стало быть, рвать куски из тел противников, если дойдёт до рукопашной.

Значит, до неё допускать никак нельзя!

– Внимание, гарнизон! – Дилени знал, что голос у него грозный и громкий. Как поговаривали, в ветреную погоду с подветренной стороны замка капитана слышно за пару миль! Да и кричать ничто не мешает: противник несётся к стенам молча, без обычного рёва или визга, – Целиться в туловище, и шею! В голову стараться не стрелять и не бить мечами и копьями! Огонь приказываю открывать по готовности, как только полезут на стены! Хозяйственное отделение! Приготовить котлы со смолой и камни! Применять только по моей команде!

Котлы на подставках-таганах, с уже начинавшей закипать смолой, подогреваемой топливом из жаркого каменного угля, уже пытели тягучими пузырями и дымились тут же, в простенках, наполняя воздух тяжёлым неприятным запахом и копотью от подгорающего битума, а валунов было навалено рядом с каждой бойницей – кучами, но так, чтоб не мешать подходу к штатным местам для стрельбы. И в почти каждом таком месте уже стояли его лучники.

Дилени заставил себя выдохнуть, и ещё раз оглядеться: нет, никакой паники, все собраны и деловиты. А то, что за этой деловитостью скрывается готовность и способность

хладнокровно и методично делать неприятную работу – то есть, проще говоря, убивать! – он знал. И был очень даже доволен, что никто в рядах их гарнизона не засоряет свою психику, как чёртовы барды, сектанты-пацифики, и веганы, «высокими» соображениями на предмет того, что «Убивать любые живые существа, пусть они и не люди – плохо! А уж есть их – вообще грех!». Таких моралистов в армии Тарсии попросту нет. Да даже и среди фермеров-веганов их сейчас почти не осталось. Научены горьким опытом.

Есть тварей чёрного лорда – ладно, нельзя. (Да они как правило и несъедобны: даже собаки нос воротят!)

А вот убивать – очень даже можно. И нужно. Чтоб выжить самим. И не позволить убить или покалечить своих родных и близких!

Дилени увидел, как первая стрела, выпущенная лучшим стрелком их гарнизона – ефрейтором Догерти! – нашла свою цель: особо крупный монстр, действительно сбросивший под стену щит и засунувший за спину меч, с разбегу попытался «взлететь» вверх, уповая на прочные когти, по зацепкам, имеющимся в местах выщербленной стене, и щелям меж слагающих её камней. Ну вот и получил попадание прямо в горло. И неплохое, надо сказать, попадание: стрела вошла почти до самого оперения! Тело, правда, упало с небольшой высоты – всего футов с десяти. Но забралась тварь туда быстро. Удивительно: какая цепкость! Словно у мухи. Или геккона. А ещё лорда поразило то, что тварь не разразилась, как

бывало с поражёнными обезьянами, крысами или летучими мышами, предсмертными оглушительно-раздражающими визгами агонии, и рёвом.

Странно. Немые монстры им попались, что ли?!..

Начали стрелять в пытающихся забраться и остальные лучники. Было чертовски приятно, что его указания выполняются чётко: кольчуга, или то, что её заменяло тварям, действительно оказалась слабенькой: проникновению в тела стрел с закалёнными бронебойными наконечниками, выпущенных из тугих армейских луков на расстоянии менее ста футов, практически не препятствовала! Хорошо.

Взять в руки свой лук, уже принесённый вместе с двумя колчанами сержантом Буттерсом, лорд однако не спешил: ему сейчас важнее выяснить, какие ещё сюрпризы несёт тактика и стратегия использования врагом этих, новых, существ. А для этого он должен держать глаза широко открытыми, и не отвлекаться на то, что профессионалы сделают и без него. И сделают хорошо.

Ага: вот это интересно.

Когда первый вал нападавших словно откатился назад, потеряв до полусотни убитых в первую же минуту, очевидно, последовала какая-то команда. Потому что те твари, что сломя голову продолжали нестись к крепости, перегруппировались: стали собираться в кучи! И выстраивать под стенами крепости, увязая в липкой полужидкой грязи, что осталась во рву после последнего дождя, нечто вроде пирамид! Тела

тварей громоздились друг на друга, достигая местами высоты в десять-двенадцать футов, но выше подняться не могли: стрелы гарнизона выкашивали тех монстров, что стояли в основании таких куч-прамид, и живые лестницы всё время колебались и разрушались, распадаясь на распластанные недвижно по земле, или ещё корчащиеся тела!

Спустя не более чем через ещё пару минут явно последовала какая-то новая команда, потому что все нападающие вдруг развернулись и кинулись назад, от стен!

Дилени мог бы поручиться, что не слышал ни этой команды, ни рога, ни барабанов, ни свистков, ни вообще – всех тех средств, которыми обычно на чертовски шумном поле боя отдаются те или иные команды воинам. Однако с очевидным фактом не поспоришь: в непривычной тишине, без обычного злобного рычания и пронзительного визга нелюдских глоток, или стонов и воя раненных, разрозненная толпа, бегущая не в строю, а явно так, как кому удобно, даже не в шахматном, как случилось однажды, порядке, ринулась назад от стен Милдредра практически одновременно, и быстро. И не прошло и минуты, как даже последние, ближайšie, её ряды оказались вне зоны поражения даже из самого мощного лука – в трёхста шагах!

Дилени крикнул на всякий случай:

– Прекратить стрельбу! – но лучники и сами уже практически перестали стрелять: разумно. Стрелы нужно поберечь. Ведь враг сегодня не оказывает «ответную любезность» –

своими стрелами гарнизон не обстреливает. Так что воспользоваться трофейными орудиями, дистанционно несущими смерть, то есть, проще говоря, чужими стрелами, не удастся, – Интендант и хозяйственный взвод. Отставить камни и смолу!

Вот теперь на него оказалось обращено несколько десятков недоумевающих глаз: обслуга котлов явно хотела насладиться огненным шоу, и теперь разочарована! Да и ... с ними: смолу тоже лучше приберечь. До следующего раза. А в том, что он рано или поздно состоится, лорд Дилени не сомневался.

Гарнизон было загудел, но под внимательным оком начальника очень быстро прекратил обсуждение произошедшего, и вернулся на свои боевые места: нападение не закончено! Враг не отбит, а лишь отступил. Возможно, чтоб снова перегруппироваться. Возможно, чтоб дождаться прибытия более подходящих орудий или механизмов. Возможно... Да мало ли! Так что команды отбоя тревоги никто пока не отдал!

А вот сам лорд теперь, после отступления тварей, призадумался.

Потому что никаких признаков того, что штурм возобновится, не имелось.

Зато имелось кое-что похуже: разрозненные толпы тварей внезапно так же, как до этого к замку, неспешным, монотонно-крейсерским, бегом, пустились себе дальше – на равнину

за крепостью! И те, что продолжали набегать с севера, тоже сразу направились туда же, обтекая, словно поток – валун, их твердыню! И имея конечной целью явно проникновение в глубину страны.

Это что же – получается, их крепость будут просто... Игнорировать?!

Дилени подозвал лейтенанта. Когда тот прибежал, приказал:

– Никому пока со стен не уходить. Стрелять – только если снова полезут на штурм. Если это, или что-то на ваш взгляд подозрительное или необычное, случится – звать меня! Я у себя в кабинете.

– Есть, милорд!

Быстрым шагом Дилени двинулся к себе в кабинет. Сейчас, когда он был вдали от костров и смолы, в воздухе уже совершенно отчётливо ощущался тот неповторимо свежий запах, что бывает перед самым рассветом – значит, твари выбегут к посадам и селениям как раз к восходу солнца. Опасно! Для людей. Впрочем, население вокруг Милдредра – не глухое, и так и так не дремлет: разбужено набатом. И сигнальные костры на башнях им отлично видно.

Бумага, чернильница и перо для посланий у коменданта Милдредра всегда находились на рабочем столе, наготове. Сев, лорд Дилени сощурился. На секунду закусил опять губы. Вздыхнув, аккуратно, мелкими каллиграфическими буквами, написал:

«Сир!

Сегодня в три часа ночи нас атаковало не менее пяти тысяч новых тварей. Выглядят человекообразно, и размером почти с людей. Вооружены мечами, цепями, булавами, клевцами и лёгкими щитами. Одеты в кольчуги. Тяжёлого оружия, или осадных орудий пока не видно. Лучников или арбалетчиков пока тоже нет.

После первого штурма стен Милдредра, произвести который пытались, карабкаясь с помощью когтей прямо по стенам, отступили. Мы отстреливались в штатном режиме. Кольчуги вражеских солдат на близком расстоянии пробиваются шестигранными наконечниками легко. Твари от стен отошли, выйдя из зоны эффективного поражения, и потеряв убитыми примерно сто бойцов, но систематическую осаду не производят, и, насколько я могу судить, не собираются. Вместо этого со всей возможной скоростью бегут, огибая замок вне зоны поражения из наших луков, вглубь страны.

Общую численность пока точно определить невозможно, но мимо нас уже пробежало никак не меньше десяти тысяч тварей, и новые всё прибывают с севера, и движутся сразу вглубь страны. Это представляется существенным: раньше противник к такой тактике не прибегал. Считаю, что всё мирное население, особенно фермеры, находится в непосредственной и немедленной опасности. Мы в такой ситуации сделать с этими ордами вряд ли что-либо сможем: их на удивление много, а Вы сами знаете, что для вылазок у нас

сейчас просто недостаточно сил.

Жду Ваших распоряжений,
Ваш покорный слуга,
Комендант Милдредра, капитан Дилени».

Помахав листком, чтоб просохли чернила, лорд ещё и по-дул на него. Быстро и аккуратно свернул в маленький плотный цилиндрик. Вложил в тонкостенную берестяную капсулу. Взял колокольчик, стоящий тут же, на столе, но удержал руку от того, чтоб позвонить. Вместо этого отложил колокольчик в сторону. Придвинул к себе новый лист. И написал второе, слово в слово повторяющее первое, послание.

После чего встал, и лично прошёл в почтовую башню, заодно убедившись, что побледневший ночной сумрак из-за начинающегося рассвета уже окрасил стены замка и всё ещё бегущих мимо него тварей в тёмно-серый цвет.

Наверху, в главной комнате почтовой башни, всё было наготове: дежурный капрал, его помощник, клетки, горящий факел. Отдав нужные распоряжения, лорд проследил, как старший птицевед аккуратно и надёжно прикрепляет цилиндрики с его посланиями к лапкам двух самых быстрых голубей из клетки с надписью сверху: «Клауд».

Выпустил пожилой морщинистый мужчина вестников с интервалом не больше минуты. Обернулся к лорду, словно тот не смотрел на всё происходящее лично:

– Готово, милорд!

Лорд, кивком показав пожилому профессионалу, что удо-

влетворён, прошёл снова на северную стену: теперь, даже если с одним из голубей что-то случится, можно быть почти уверенным в том, что его послание дойдёт. И, возможно, это позволит сохранить чьи-то жизни. А уж если долетят оба...

Дилени не сомневался, что и это поймут правильно. Лорд Говард умён.

Ладно, какой-то резерв времени у окрестных сёл на подготовку к обороне есть, поскольку набат их колокола слышно более чем за десяток миль. Близлежащая округа замка малонаселенна – почвы неплодородны и каменисты. (Иначе просто не из чего было бы возводить его стены!) И от Милдредра до Дробанта, столицы, стоящей среди густонаселённых лучших пахотных земель Тарсии – верхом часа три. Правда – галопом. Но никто из тварей не был верхом. Значит – не менее пяти-шести часов, даже быстрым бегом.

А вот лёту – всего час, или даже меньше. Король должен получить послание с достаточным запасом времени на принятие нужных решений.

Осторожный, а затем и более громкий и требовательный стук в дверь заставил лорда Говарда скривиться: пришлось повернуться на левый бок, и проклятая рана опять отдалась в рёбрах острой болью. Сдерживаясь, чтоб не морщиться, и не шипеть, он крикнул:

– Войдите!

Дверь подозрительно быстро распахнулась, и дежурный

капитан – сегодня ночью эту роль исполнял Густав Паулюс – с факелом в правой руке буквально вбежал в спальню. В левой руке у озабоченно хмурящегося усача были зажаты два клочка бумаги:

– Милорд! Простите, но думаю, вам нужно немедленно ознакомиться!

Сдержав очередной стон, лорд Говард сел. Взял в руки обе протягиваемые ему бумаги. Он сразу узнал характерный размер почтовых донесений, и понял, что голуби скорее всего прибыли из замка Милдред. (А откуда же ещё!) А ещё подумал, что раз уж голуби прибыли, снаружи уже рассвело. Тем лучше. Лорд Роберт Дилени не из тех, кто поднимает шум из-за пустяков. Следовательно, на его послание придётся как-то реагировать. И, как бы ни сложилось, хорошо, что это будет происходить днём, а не во мраке безлунной ночи.

Да, верно: почерк лорда Дилени: аккуратный и разборчивый. Лорд Говард мог бы поручиться, что таковым он остался бы даже в случае, если б коменданту Милдред только что отрубили в схватке ногу. Или руку. Но хочется верить, что до этого не дошло.

Прочтя оба послания, лорд позволил себе подумать несколько секунд. Спросил:

– Эти голуби прилетели вместе?

– Нет, милорд! Второй прибыл буквально через минуту после первого. Дежурный ловчий принёс мне первое послание, а когда я уже выбегал из кордегардии, его помощник

прибежал со вторым посланием.

Лорд Говард отлично знал, как устроена голубиная почта в их замке. Стоит почтовому посланцу сесть на жердочку у входа в отчую голубятню, в комнате персонала, дежурящего как раз на такой случай, звенит колокольчик. И если промежуток времени, пока дежурный снимает послание с ноги вестника, и момент, когда его читает старший дежурный офицер гарнизона, больше минуты, голубятника могут наказать. И весьма серьёзно. Поэтому когда ловчий бросается с депешей к получателю, на его место заступает помощник – нельзя ни на минуту ослаблять бдительность!

– Вы сами прочли послание, капитан?

– Разумеется, милорд!

– Отлично. В таком случае вы знаете, что делать.

– Так точно, милорд!

– Я подойду в зал Совета через десять минут. Чтоб к этому моменту все офицеры Штаба были там.

– Есть, милорд!

– И пришлите немедленно моего ординарца! Мне нужно разослать приказы!

Ещё не затихли звуки топота сапог по плитам коридора, а лорд Говард уже нацепил прямо на ночную рубашку кирасу, и натянул на ночное трико кольчужные штаны. Влез в сапоги. Одел каску. Плевать на этикет – король должен узнать о произошедшем (И, похоже, происходящем!) немедленно!

Но вначале – несколько фраз о ближайших незамедли-

тельных действиях приграничных и внутренних гарнизонов прибежавшему стремглав, тоже явно наспех накинувшему камзол, и застёгивавшему штаны на бегу, лейтенанту Фруму – что конкретно написать комендантам каких гарнизонов, тот отлично сообразит и сам!

Потому что стандартный план действий для таких случаев разработан.

И разработан давно!

Бежать, словно какой-нибудь юный (Ну, сравнительно!) капитан, лорд Говард считал ниже своего достоинства. Да и не по чину и возрасту. Но и мешкать в таком деле – преступление!

Он дошёл до королевских апартаментов быстро – замок у них, конечно, большой, и запутанный – дань архитектурным традициям запутывать врагов! – но его положение верховного Главнокомандующего даёт ему привилегию жить меньше чем в паре минут ходьбы, и даже на одном этаже-уровне с покоями его Величества. Дежурные гвардейцы из личной гвардии чётко вскидывали руки к каскам в приветствии, и щёлкали сдвигаемыми каблуками – лорд отвечал не останавливаясь.

Стучал в дверь королевской спальни лорд Говард сразу сильно и уверенно. Едва начал было стучать повторно, изнутри прозвучал вполне громкий и отнюдь не сонный ответ: – Да, лорд Говард, войдите уже, чёрт побери!

То, что король у них вполне на своём месте, и отличается завидным здоровьем и неплохими мыслительными и прочими способностями, лорд Говард знал и так – так что очередное подтверждение в виде имеющейся в королевской постели прикрытой откинутым одеялом пикантно-стройной миниатюрной фигуры очередной фаворитки было ему для этого вовсе не нужно. Ну а то, что монарх сходу догадался, кто это позволяет себе стучать ему в дверь именно таким образом во внеурочное время, говорило о том, что тот тоже всегда настороже и готов ко всему.

Лорд мысленно вздохнул. Он и сам почти всегда ощущал себя так же: словно сидишь на пороховой бочке – мало ли что может случиться! Враг у них такой, что ни на секунду не позволяет расслабиться, или утратить бдительность и отменную физическую форму. Именно поэтому тренировки гарнизона – ежедневные! И не глупая и бессмысленная муштра с чисткой до блеска того, что чистить вовсе не обязательно, или топанье по плацу с отбиванием чёткого шага, а – занятия с оружием, тренировка выносливости, стрельба в цель, и отработка приёмов именно – боя.

Пока король читал оба послания в свете факела, который лорд Говард просто прихватил из ближайшего к монаршим покоям держака, прикрикнув на стражу, чтоб озаботилась срочной доставкой нового взамен позаимствованного, бугор под одеялом, завлекательно выглядывший даже в таком виде, лежал не шелохнувшись. Но лорд всё равно догадался, кто

это может быть: на последнем ужине сир Ватель из династии Рюген, их король уже четырнадцать лет, уделял вполне адекватное внимание, хитро улыбаясь себе в усы, леди Маргарет Рашель, вдове лорда Генри Рашель. Вот теперь стало понятно, почему после смерти лорда в бою с гигантскими крысами (А вернее – от воспалившихся ран, нанесённых их зубами!) полтора года назад, король не разрешил бездетной леди удалиться от Двора в фамильный замок мужа. И приказал присутствовать на всех официальных приёмах и празднествах.

Но траурный наряд леди сняла в положенный срок: ровно месяц назад.

Лорда Говарда немного коробило, разумеется, то, что настоящую королеву, леди Наину, честно выполнившую супружеский долг, и подарившую его величеству двух наследников и трёх наследных принцесс, уже лет пять король не удостоивает, если можно так сказать, положенным вниманием. С одной стороны – отвратительный пример для подданных. Но с другой – разумеется, дань условностям и традициям: нужно же выглядеть достойно в глазах всех этих послов, и собственного Двора. Отец сира Вателя, сир Галевин, менял фавориток каждый год. Каждую весну. И до самого момента смерти от ран, полученных на охоте от дикого вепря, на которого этот упрямый и могучий мужчина охотился так, как завещали предки – с одним копьём! – выполнял в постели то, что положено там выполнять. Да так, что позавидовали бы и иные молодые!

Поэтому традиции династии Рюген нужно соблюдать. Потому что «оружие», которым не пользуются – ржавеет. Да и для досужих сплетен при дворах как союзников, так и потенциальных (А откровенных врагов у их страны сейчас нет!) врагов нужно давать пищу. Поэтому любовницы нужны. Положение обязывает, так сказать!

Ну и, разумеется, фавориток его король меняет всё же не столь часто, как соседи и союзники, а почти как отец: не чаще одной в год. А не каждые два месяца, как, например, сир Филипп, правитель Карпадоса. Или раз в полгода, как лорд Бромберг, герцог Сапании. И уж конечно, не так, как сир Эрих, король Парассии – тот не довольствуется одной дамой сердца, а имеет всегда не меньше трёх одновременно: одна – в фаворе, две – дожидаются очереди на королевскую, так сказать, милость. В виде внезапного визита-посещения.

А ещё нужно отдать справедливость его синьору в смысле трезвости подхода: три из четырёх его предыдущих фавориток тоже были вдовами, а одна – ещё незамужней фрейлиной леди Наины. Так что никаких недовольных и потенциальных мстителей-предателей в виде мужей-рогоносцев *у них* при Дворе не водилось. Всё-таки, вероятно, в том числе и *поэтому* сейчас у них при дворе куда меньше интриг и напряжённости, чем бывало при...

Да, разумеется, как тут не вспомнить мамочку короля – при ней уж такого точно не бывало. В принципе. Она буквально спать не могла, если вокруг не происходило чего-то

этакого. Подковёрного. Или – открытого. Конфронтация. Скандалы, дуэли. Сплетни, толки, клевета. Да, уж королева-мать явно чувствовала себя не в своей тарелке, и, вероятно, считала, что жизнь проходит тускло, и бессмысленно, если вокруг не кипели страсти, не было интригующих, злословящих, ненавидящих, и завистников – люто завидующих тем, кого осознанно провокационно – то есть, прилюдно! – привечают и осыпают милостями... А завтра – гнобят! Или вообще – отправляют в изгнание. Или темницу. Вон: камер в подвалах Клауда, королевского замка – десятки! Правда, сейчас большая часть – пустует.

При леди Рюген такого точно не бывало.

Потому что уж королева-мать не сидела сложа руки, и собаку, как говорится, съела в смысле столкнуть лбами своих подданных. И действительно буквально пила мёд, когда кто-то кого-то... А уж «изменников-заговорщиков» как ловко отлавливала!.. Удивительно, как это она ещё самог о лорда Говарда не трогала. Возможно, оттого, что он и во дворце-то почти не бывал: фактически всё время проводил в инспекционных поездках по замкам-крепостям, да на манёврах.

Ладно, про мёртвых – ни слова хулы.

Сир Ватель дочитал. Опустил руку с бумажками на белоснежную простыню. Закусил ус, как обычно делал в минуты задумчивости. Поднял глаза:

– Лорд Говард, зная вас, я не сомневаюсь, что вы уже распорядились...

– Да, сир. Я разослал и гонцов и голубей во все гарнизоны на севере, приказав немедленно выступать. Тем, что на востоке и западе – велел приготовиться к обороне наших вспомогательных фланговых валов и редутов. Гарнизоны при столице уже тоже оповещены, и готовятся выступить. И я приказал членам Совета собраться в зале Совета.

Ждут только нас.

– Прекрасно, прекрасно, лорд Говард. В вашем высочайшем профессионализме и здравом уме я и не сомневался. Но...

Пока мы наедине – что *вы*, вы сами, думаете насчёт всего этого?

– Я думаю, сир, что положение наше весьма... Сложное. Раз лорд Дилени пишет, что твари – новые твари! – размером с людей, многочисленны, длительных и заведомо бессмысленных схваток, могущих задержать их, то есть – с профессиональными войсками в крепостях, избегают, хотя и вооружены, значит, фермерам точно придётся солоно. Это если сказать мягко. Урожай... Вероятней всего погибнет.

Ведь пшеница и ячмень как раз вызрели, а кое-где уже и подсохли – до покоса оставалось не больше недели. И весеннее сено... готово. Время выбрано точно. Если потравить и сжечь удастся больше, чем половину урожая наших северных угодий – голод населению Тарсии почти что гарантирован. А если они прорвутся дальше к югу, может погибнуть и весь урожай! Что будет тогда, вы и сами понимаете.

– Плохо.

– Плохо, сир. Идёмте?

– Идёмте, милорд. А, да. Минуту. – последовал сильный хлопок королевской дланью по тому месту, где явно круглились аппетитные полушария окончания спины, после чего воспоследовала естественная реакция: из-под одеяла сказали: «Ай!»: – Дорогая. Если хоть кто-то хоть что-то узнает про наш с лордом Говардом разговор, я прикажу тебя четвертовать. Как *государственную* преступницу. Мысль понятна?

Из-под одеяла донеслось сдержанное всхлипывание, и вполне разборчивый ответ чуть охрипшим (Вероятно, от волнения!) голоском. То, что их король слово своё держит, прекрасно знали все: от последнего пажа до Главнокомандующего армией:

– Да, мой повелитель!

В зал Совета король входил уже в полной походной форме: в сапогах, кольчужных штанах и кирасе. И, разумеется, шлеме с шикарным плюмажем. Одеться сюзерену помог, снова наплевав на этикет и традиции положенной многоступенчатой и сложной процедуры, сам лорд Говард: не до дотошного и скрупулёзногоковыряния вышколенных холуёв-лакеев – время не терпит!

Члены Совета, командующие дивизиями пехоты и стрелков, флотом, и кавалерией, уже расселись за огромным дубовым столом, занимавшем весь центр пятидесятифутовой в

диаметре комнаты. Потолок круглился сводом в добрых сорока футах над столом.

Сделано это было неспроста: так от стен, не покрытых даже гобеленами, любого говорящего отделяло не меньше двадцати футов – не больно-то подслушаешь, даже через дыры в стене! Наличие которых контролировалось регулярно.

Король не стал изображать задумчивость или выдерживать паузу. Быстро пройдя к своему месту, он просто командовал не терпящим возражений тоном:

– Прошу садиться, господа. Дело, как вы все уже, несомненно, догадались, срочное. И важное. Я бы даже сказал – самое важное за последние десять-пятнадцать лет. Не буду вас томить: лорд Говард, будьте добры, зачитайте послание лорда Дилени.

Жаль, что во время неторопливого и чёткого чтения депеши лорд Говард почти не имел возможности проследить за лицами присутствующих – поэтому не мог точно сказать, кто что чувствует и думает. Зато когда он закончил чтение, подняв голову, реакция командующего флотом, адмирала Хьюго Ван Ден Граафа, недвусмысленно показала, что этот пожилой и уважаемый человек испытывает:

– Проклятые твари! Это... Это просто нечестно и подло – *так* воевать!

Лорд Говард подумал, что командующему флотом, собственно, легче всех. Наверняка никакой особой задачи в предстоящих действиях армии ему отведено не будет: реки,

по которым могут плавать его корабли, в пресной воде только и имеющие возможность существовать, вряд ли будут задействованы – твари атакуют по суше!

Сир Ватель покачал головой, в возникшей паузе переглянувшись с лордом Говардом, и понимая, что остальные присутствующие пытаются не поддаваться эмоциям, а осмыслить ситуацию, и подобрать наиболее разумные способы справиться с ней. На реплику командующего флотом ни он, ни кто-либо другой не отреагировали: вот именно – одни эмоции, никакой конкретной конструктивной мысли. Наконец король прервал молчание:

– Лорд Говард, как Главнокомандующий, уже взял на себя инициативу. Разослал всем нашим северным гарнизонам через гонцов и почту приказ немедленно выступить, чтоб перекрыть западное и восточное направления возможного прорыва. Так же наверняка уже заняли свои места и гарнизоны при западном и восточном валах. Путь к столице наш Главнокомандующий приказал пока оставить открытым – у нас есть вал Адриана. Туда мы сейчас и поведём основные силы армии.

Однако не думаю, что с новой напастью удастся справиться быстро. Лорд Дилени всегда трезво и объективно оценивает ситуацию, поэтому если он пишет, что мимо Милдредра пробежало около десяти-пятнадцати тысяч тварей, значит, так оно и есть. А такое количество пусть и более слабых, чем наши бойцы, воинов – это очень... Существенно.

Ясно, что в короткий срок, особенно если они рассредоточат силы, или просто разбегутся по полям, действуя как партизаны-диверсанты, вряд ли управимся. Нам не известно самое важное: какова главная цель этого нападения. Одно дело – если они хотят попытаться просто потравить и пожечь наш урожай. Другое – если убить всех фермеров и других жителей приграничных земель. Первое мы восстановим сравнительно легко. Второе...

С этим вторым будут значительные проблемы.

Если население приграничных районов окажется истреблено, нам будет *очень* трудно заселить эти земли вновь.

Возникшую гнетущую паузу снова никто не прервал. Король побарабанил пальцами по столешнице:

– Ладно. От предполагаемых последствий вернёмся к непосредственным насущным проблемам. То есть – к тому, как бы нам поскорее справиться с этим нападением. Кто-нибудь хочет высказаться?

– Позвольте, сир? – голову от столешницы поднял лорд Жорес, командующий первой сухопутной дивизией.

– Прошу, лорд Жорес.

– Я вот что хотел бы сказать. Я не знаю, кто и что надумил нашего врага применить новую тактику, но думаю, она может оказаться весьма... Действенной. Да, если вырежут наших фермеров – нет сомнения, что заселить снова приграничные земли будет трудно. Чертовски. Но вот что странно. Раньше ведь враг не применял такую трусливую тактику?

Ну, я имею в виду, конечно, не крыс и летучих, а обычных – сухопутных тварей. Ну, тех, обезьяноподобных. Враг тогда там, у замка, останавливался, и, как положено, начинал капитальную осаду Милдредра. С осадными орудиями и таранами. И не пренебрегал осадой и окружающих нашу главную северную твердыню соседних крепостей.

Что же заставило его отступить от, так сказать, традиций?

Лорд Говард взглянул на короля:

– Позвольте, сир?

– Прошу, лорд Говард.

– Лорд Жорес, я хотел бы вам напомнить, что ни о какой «традиционной» тактике у нашего врага речи быть не может. И было бы неправильно говорить о том, что ему делать «положено» и что «не положено». Враг у нас – не человек. А колдун. Ну, или считает себя таковым. Он коварен, подл и беспринципен. И насыляет на нас то полчища крыс, то ядовитых летучих мышей-вампиров. А отряды привычных нам сухопутных монстров, достаточно похожих на самых обычных обезьян, он применял против нас лишь дважды: пятнадцать, и девять лет назад. Причём во второй раз отряды тварей были и более многочисленны, и лучше вооружены. И – главное! – отлично обучены. И организованы. Вот они-то и пытались, действительно, осадить наши приграничные крепости «как положено».

И что это нашему противнику дало? Вот именно: недвусмысленное понимание того факта, что против дисциплини-

рованной и отлично обученной профессиональной пехоты, и действующих под прикрытием надёжных стен профессиональных лучников его недоноски-недоумки ничего сделать не могут.

В самой первой кампании, пятнадцать лет назад, наши потери составили не больше взвода. Во второй «обезьяньей» кампании число наших убитых достигало одного полка. При том, что у врага было убито до двух дивизий. Или больше. И все кампании отличались скоротечностью. Не более нескольких дней. И с точки зрения тактики или стратегии враг не показал ничего выдающегося. Он действовал словно по шаблону: вероятно, именно поэтому мы и справлялись столь – не скажу легко, но без особых проблем. Потому что знали примерно, чего ожидать. Если вспомните, у нас тогда больше всего времени и сил ушло на закапывание всех этих трупов.

А поскольку мы имеем дело явно не с обычным человеком, типа наших соседей – других сюзеренов, говорить о какой-либо привычной, или изощрённой «стратегии» смысла вообще нет. Сейчас речь идёт о том, что враг нашёл подлый и сравнительно простой способ вероятней всего – убить часть наших северных земледельцев, и при этом напугать жителей приграничных районов, да и всех остальных граждан страны. И измотать и обескровить экономику нашего государства. А, соответственно, и его обороноспособность. И мне искренне жаль, что в своё время, три года назад, мы не нашли времени и сил, чтоб продлить на запланированные пять

милль частокол у вала Адриана – его всё ещё можно обойти. Поэтому сир, – лорд Говард перевёл взор с лорда Жореса на короля, – Я вновь прошу вас: когда эта кампания закончится, нужно во что бы то ни стало восстановить вновь в полном объёме эту систему укреплений!

Король не мог не поморщиться:

– Лорд Говард. При всём уважении – мы уже много раз обсуждали этот вопрос. Вы же сами согласились, что серьёзной помехой организованному войску, или крысам, и уж тем более – крылатым тварям частокол, и эта система рвов и валов – не преграда. Как, собственно, и хорошо организованному и руководимому опытным стратегом войску. Можно достаточно быстро прорубить брешь в частоколе. Или засыпать фашинами на небольшом участке ров глубиной и шириной даже в тридцать футов.

– Но сир! Пока враг прорубает брешь, или засыпает такой ров, он, во-первых – привязан к этому месту, а во-вторых – пока он этим занят, туда как раз очень даже легко подтянуть войска гарнизонов близлежащих крепостей и форпостов! Или резервы. А так – лорду Дилени даже не было смысла выводить гарнизон на вылазку: вокруг – чистое и почти ровное поле! У врага же – море возможностей не подвергать себя риску смерти: беги себе, не вступая в бой, и просто держась подальше от лучников – сколько душеньке угодно!

– Хорошо, лорд Говард. Позже мы обсудим эту проблему ещё раз. Потому что теперь ясно, чего добивался наш враг.

Того, чтоб мы уверовали, что он якобы проникся уверенностью в неэффективности «традиционных», отрядами сухопутных монстров, нападений, и их больше не будет. А заодно выжидал, пока за эти девять лет осенние ливни и оползни не приведут ров и палисад вала Адриана в более легкодоступный для прохода его тварей вид. Согласен: наше упущение, что не озаботились углублением рвов. Однако сейчас нам нужно решить другую, куда более остро стоящую задачу.

Как нам быстрее и лучше спасти тех, кто сейчас изо всех сил сражается за себя, своих близких, и свой урожай.

Марат проснулся от нехорошего предчувствия. И точно: тут же в уши ударил раскатистый далёкий гул: набат с башен Милдредра слышно в ночной тишине отчётливо, хоть и доносится он через разделяющие их восемь миль!

Значит, на замок кто-то напал!

Собственно, нетрудно догадаться, даже с одного раза – кто!

Хлодгар.

И его очередные твари.

Проклятый колдун, чёрный маг, непримиримый и неукротимый враг всего живого на земле! Изощрённый монстр, чудовище, насылающее то орды волосатых уродов, похожих на древних орангутангов, то ядовитых летучих мышей, то гигантских крыс! Действующих то огромными стадами, то небольшими, словно партизанскими, отрядами. А в

прошлом году были ещё чумные комары – у пострадавших так дико чесались укусы, что расчёсывали до кровавых волдырей! Конечно, заноса в ранки разную заразу... Двое из их посада, старая Летифе, и её внучка Каринэ, даже умерли – от заражения крови.

И что там на этот раз?!

Запрыгнув в сапоги толстой кожи, и на ходу натягивая подшиту толстым войлоком куртку, Марат кинулся в сени. Штаны натягивать ему было не нужно: все мужчины их деревни спали в штанах. Научены. Горьким опытом. Вслед раздался встревоженный голос жены, которая и сама быстро одевалась:

– Рукавицы! Рукавицы не забудь! И шапку!

Разумно. Потому что от укусов каких-нибудь летучих-ползучих тварей именно рукавицы и шапка с пришитым задником, закрывающим шею и уши, спасает неплохо.

Из оружия Марат выбрал огромный нож-кинжал, саблю, и, разумеется, мощный составной лук: в колчане всегда хранится не меньше тридцати стрел!

Рукавицы засунул за пояс с оружием, шапку напялил на голову.

Дьяк Андрон уже залез на колокольню их маленькой церквушки, и разжёг сигнальный огонь из приготовленных и политых маслом и смолой сухих дров на его выложенной кирпичами-черепицами крыше. И теперь вовсю наяживал, колотя в небольшой приходской колокол, сопровождая в переры-

вах оглушительный трезвон истошными выкриками:

– Тревога! Тревога! Набег! Мужчины! Берите оружие! Женщины! Прячьтесь сами и детей прячьте в погреба!

Марат подумал, что можно было бы и не орать: всё население Рохнака прекрасно знает, что кому надлежит делать, когда звучит набат Милдредра. Сам Марат во весь дух бежал ко второй башне – их небольшое селение окружал частокол из наклонённых наружу заострённых десятифутовых кольев-брёвен, а башен у квадратного в плане палисада с идущим по всему периметру помостом на удобной для стрельбы высоте, имелось всего четыре – по углам. Но вот он и преодолел тридцать восемь досок-ступеней.

Роберт и Локхид уже ждали там, на площадке, Роберт, приставив ладонь козырьком к глазам, пытался что-то рассмотреть в непроходимой, и чёрной, словно кишки кашалота, чащобе леса, отделённого от палисада небольшим вырубленным пространством. Дохлая затея. В темноте, рассеиваемой только искорками редких тусклых звёздочек, невозможно было разглядеть ничего – потому что огонь сигнальной вышки бросал оранжевые блики только на те стволы и кусты, что стояли впереди, в тридцати шагах. А то, что находилось дальше, тонуло в мрачной и угрожающей опасности, подчеркываемой всё ещё гудящим набатом Милдредра, темноте. Абсолютной. Марат чертыхнулся про себя.

И угораздило же чёртовых предков расколошматить чёртову Луну! Говорят, она светила очень даже прилично. Да и

ладно: сожалеть смысла нет. Он буркнул, подойдя:

– Привет, Роберт, привет, Локхид.

– Привет, Марат. – говорящий вполголоса Роберт даже не глянул в его сторону, продолжая что-то выглядывать за стволлами, а Локхид только кивнул, проворчав что-то типа «угу!». он как раз натягивал тетиву на лук.

А что – это дело! Да и явно пора. Кто бы ни напал на замок лорда Дилени, на лошади оттуда как раз четверть часа! Марат и сам в два движения привёл оружие в боевой вид, проверил колчан за спиной: порядок! На помост палисада под ними между тем взбегали всё новые и новые посадники, но поток «подкреплений» иссяк через минуту: всё боееспособное население, умеющее держать лук и меч в руках, уже было тут, на стене!

Марат окинул освещаемое уже угасающим сигнальным костром воинство: плохо. Сейчас их осталось всего сто семь мужчин. И это – считая восемнадцать двенадцати-тринадцатилетних юнцов, едва могущих удержать в руках тяжеленный боевой лук, и восемью ветеранами – пятидесяти-шестидесятилетними, согнутыми радикулитом и подагрой, седовласыми беззубыми старцами. А до набега крыс было сто двадцать восемь. А до летучих мышей – сто сорок шесть. А до...

Его невесёлые мысли прервал Роберт, прошипевший:

– Вижу! Вон там! И там! – он указал прямо пальцем. И точно: приглядевшийся и привыкший к темноте глаз Марата выделил за кромкой обращённых к костру оранжевых ство-

лов, движение более плотных невысоких теней!

– Да, я тоже вижу. Локхид?

– Не знаю, какого ... вы там увидели. – их напарник подслеповато шурился, поворачивая голову то чуть налево, то чуть направо, – Для меня вокруг – только стволы!

Марат подумал, что оно и верно: Локхиду скоро пятьдесят три. И если с возрастом приходит боевой опыт и мудрость, то кое-что и отнимается. Например, острота зрения. И слуха. Но вслух Марат сказал не то, что думал:

– Да и ладно. Не бери в голову. Когда полезут – сам увидишь.

– А... Как хотя бы выглядят?

– Ну... Фигуры похожи на людские. – не повышавший голоса Роберт и сам шурился, не забыв, однако, наложить стрелу, – Только ростом пониже. Короче: коренастые и мускулистые. Ходят на двух. А ещё покрыты шерстью. Или чешуёй? Ну, там, где не прикрыты кольчугой. Но, вроде, лохматые не так сильно, как те, орангутанги. Из оружия вижу мечи и щиты... А, ещё дубины-палицы. Но луков, вроде, нет. И копий тоже.

– Отлично. Значит, даст Бог, успеем нанести какой-никакой урон, пока будут бежать и лезть.

– Ага.

Больше никто не сказал ни слова, но Марат с одобрением оглянулся на шум внутри посада, после которого сразу стало гораздо светлее: дьяк Андрон как раз умудрился огромными,

приспособленными именно для этого, вилами, закинуть на крышу центральной сторожевой башни новую порцию промасленного хвороста, громко матерясь и шипя: явно опять что-то свалилось сверху, и дьяка наверняка снова обожгло!

На северо-западе, где, как помнил Марат, располагался посад Борисовоглебский, начало разгораться обширное зарево: наверняка это твари что-то подожгли! Не то – сам посад, (что маловероятно) не то – поля ржи и овса вокруг него.

А вот это плохо. Значит, соседи останутся без урожая! И похоже, что скоро подожгут и их поля – они к югу от Рохнака. И соседям, да и односельчанам Марата, если удастся отбиться, грозит голод. Если же не удастся... Вот именно – им будет уже всё равно.

Трепещущее зарево теперь явственно обозначилось на горизонте, светя ярче, чем даже восходящее на востоке светило.

Свора чудовищ за стволами словно только этого и ждала: хотя Марат не услышал ни слова, но сомневаться в том, что кто-то отдал команду, не приходилось: плотными рядами огромная толпа волосатых и отсвечивающих оранжевым по кромке кольчужных силуэтов, тел, выскочила из леса и понеслась к тыну! Марат злобно усмехнулся: добро пожаловать, твари! Наконечники стрел закалённые, бронебойные. Набивший руку за тридцать лет кузнец Коростас, познакомившись девять лет назад с чудодейственным рецептом, делает их такими, что не помогают даже латы, которые нацеп-

ляют на себя, например, элитные отряды короля! А тут – какие-то жалкие кольчужки, и дохленькие щиты!..

Первых двух монстров Марат уложил, даже не задумываясь, как именно всё-таки выглядят их враги на свету. Автомат внутри его рассудка чётко определял точку, куда целиться: первому – в шею, не прикрытую щитом, второму – прямо в центр груди! Подбежавшего совсем уж близко третьего удалось застрелить, попав в глаз: вот когда рассмотрел лицо – тьфу ты – рожу! – и выматерился про себя: ну и уроды!

Выстрелы его коллег тоже легко находили свои жертвы: щиты из чего-то лёгкого, явно типа каркаса из прутьев, обтянутого кожей и проложенного несколькими слоями плотной ткани, или ваты, практически почти не ослабляли силы и пробивной способности стрел, выпущенных из мощных составных луков – спасибо мастеру Карфагу! (Впрочем, похоже, щиты предусматривались не для стрел в упор, а для ближнего боя с пехотой!)

Но вот враг и преодолел тридцать шагов вырубки. Теперь вокруг орала и ругались, откладывая луки и хватаясь за мечи и сабли, собравшись по оружию. Марат же продолжал стрелять, даже когда твари попытались с разбегу запрыгнуть на верх частокола брёвен: идиоты! Брёвна снаружи политы скользким до умопомрачения секретом из желёз белок-спирменов: ...рен залезешь!

Так и получилось: первый вал атакующих, словно налетев на невидимую преграду, скаля зубы от злобы и разочарова-

ния, повалился на землю, размахивая в воздухе короткими мускулистыми конечностями: не ждали, гады!

Пока там, внизу, царила неразбериха и паника из копошащихся во рву тел, Марат, несколько удивлённый отсутствием визга гнева или предсмертной агонии, продолжал стрелять, стараясь попасть туда, где этих самых тел было побольше: пусть он так разит и не насмерть, но его попадания могут лишить раненных тварей подвижности, крови, и, соответственно, сил! Кое-кто из его собратьев по оружию, увидев, что частокол тына остался пока неприступен, снова похватал луки: пример Марата впечатлил!

Скольких тварей он успел уложить, Марат так и не узнал: враги сориентировались в ситуации быстро. (Ну, или опять – получили неслышный приказ!) Теперь монстры начали строить и громоздить пирамиды прямо из своих тел: в нижний ряд вставало десять – пятнадцать приземистых коренастых тварей, на их плечи залезало пять-шесть, и уж с плеч этих полисад оказывался доступным тем монстрам, что, теперь тихо визжа, вереща, и скалясь, споро ползли прямо по спинам!

Марат пострелял ещё – по пирамидам. Но на место убитых быстро вставали всё новые и новые монстры, а ещё новые и новые орды прибывали и прибывали из леса – казалось, потоку тварей не будет конца! Да сколько же их там!..

Но вот пирамиду, и не одну, построили и вблизи их башни. Пришлось взяться за саблю и кинжал.

Щитов Марат не признавал принципиально: во второй

руке он держал обычно кинжал, поскольку почти одинаково владел как левой, так и правой. Это помогало. Особенно против орангутангов, которые были вооружены лишь мечами, без щитов. Теперь враг постарался эту тактическую оплошность исправить, но не слишком преуспел: Марат видел, что те из тварей, что забрались-таки на помост тына, щиты всё равно побросали там, внизу – те им явно мешали! Ну так и славно: вам же, идиотам недоделанным, хуже!

Первую тварь, размахивавшую шипастым шаром на цепи при деревянной рукояти, Марат просто обезглавил, внезапно сделав быстрый гигантский шаг навстречу, и позволив лезвию сабли выскочить вперёд, до самого ограничительно-го шара! Тварь явно не подозревала, что сабля у него – на более чем футовой рукояти, и глубина зоны поражения таким оружием достигает пяти футов!

Со второй пришлось повозиться: эта каким-то образом умудрилась отбить своей кривой саблей его удар, и вступила в ожесточённую сечу: Марат понял, что уж эта-то гадина прошла обучение! Но поскольку щит его противник оставил, как и большинство других влезших, внизу, кинжал Марата уже через три секунды вонзился тому прямо в горло! А саблю монстра Марат просто блокировал своей. Зато морду этого чудища Марат успел-таки как следует разглядеть и вблизи. Его мнение несколько не изменилось – урод он и есть урод! Пусть и не такой мерзкий, как те, обезьяноподобные.

Однако передохнуть не позволяла ситуация на помосте: кое-где людей потеснили, и некоторых даже убили, и сейчас лавина волосатых тел пёрла неудержимым потоком туда, где в защите гарнизона образовалась брешь! И самым плохим Марату показалось то, что прорвавшиеся твари вовсе не стремились зайти к защитникам стены в тыл, нет! Вместо этого они, словно зная, где искать, разбегались по избам, пытаясь взламывать двери, и явно намереваясь вскрыть и погребя!

А там отсиживаются самые драгоценные жители Рохнака: женщины и дети.

Марат заорал, показывая рукой. Воевода Сантос, тоже вполне оценивший угрозу, явно что-то подходящее приказал тем, кто находился возле него. Вероятно – перегруппироваться в строй номер два. Люди, яростно вопя, и размахивая копьями и мечами, кинулись вперед по помосту стены, стремясь ликвидировать брешь в своей обороне!

Но силы были слишком неравны.

Монстры всё прибывали и прибывали: вот уже они прорвались внутрь и в ещё одном месте стены, и ещё... Марат увидел, как какой-то особенно крупный и противный монстр вспорол живот от паха до груди Ленуру – тринадцатилетнему мальчишке, только год, как начавшему держать меч одной рукой: кишки вывалились на помост, тварь запуталась в них, оскользнулась, и оскалившийся и, похоже, не чующий боли в угаре боя Ленур смог возить свой кинжал, зажатый, как и у

Марата, в левой руке, твари в живот. Тварь, раззявив пасть в почти неслышном крике, вдруг отбросила свой меч. И схватила мальчишку обеими лапами за плечи, словно собираясь в гневе отгрызть тому голову... Ленур в ответ зарычал, оскалив зубы. Так они, сцепившись, и упали внутрь посада.

Какое-то время Марату было не до наблюдений: на него надело сразу три твари, оказавшихся очень настырными и живучими, он рычал и матерился, уже вслух, рубя и раздавая щедрые пинки налево и направо кованными носками сапог, но затем на него сверху, кажется, с крыши их же башни, прыгнула ещё одна тварь, и его сбили с ног!

Барахтаясь внизу, под лавиной скользких и воняющих потом и мочой тел, и понимая, что это, скорее всего, конец, Марат, оказавшийся лицом кверху, заорал, и рубанул что было сил кинжалом по шее у головы, щёлкавшей огромными дюймовыми клыками прямо возле его глаза...

Из дальнейшего он запомнил только, что ему прямо на лицо, слепя и заставляя отплёвываться, вылился буквально обжигающий поток омерзительно воняющей всё той же мочой, крови.

Но тут кто-то ударил его по шапке – по затылку.

И внезапно зрение, а затем и сознание, померкло...

То, что твари всё ещё бегут мимо замка, так и обегая его, словно ручей – камень, хотя и не такой густой толпой, как в первый час, сказала лорду Дилени, что, похоже, ресурсы

врага истощаются. Разве что он припас кого в резерве – у границ. На случай контратаки.

Но их враг обычно так не поступает: он просто сразу кидает всех тех монстров, что понасосоздавал там, у себя, летучих, ползучих и бегающих – в бой! В том количестве, что удалось подкопить к выбранному моменту нападения – вот как сейчас. Единым кулаком. Чтоб, стало быть, нанести максимальный возможный ущерб до того, как командование Тарсии найдёт действенные и адекватные методы противодействия. А проще говоря – способы с гарантией и максимально быстро поубивать прорвавшуюся, или принявшуюся за осаду, нечисть.

А работа этой нечисти уже видна. Вон: в трёх местах на юго-западе, на юге, и юго-востоке полыхает – будь здоров! Наверняка это горят подсохшие и готовые к косьбе поля, и заготовленные на зиму стога со скошенным ещё весной сеном.

Ладно, плевать на потери пищевых ресурсов, король, как обычно, выделит пострадавшим семьям на прокорм из стратегического запаса. Главное – другое: если гарнизоны близлежащих крепостей не подспеют на выручку, твари могут вырезать и людей из посадов.

Вот тогда – конец фермерству в северных приграничных районах: никто не решится вновь заселиться на эти земли. В дома, хозяев которых убили, заселяться нельзя.

Примета! Нельзя жить в поселениях, население которых

было вырезано!

А нет ничего более стойкого, чем традиции и верования землепашцев. Передают же их изустно – от поколения к поколению. От деда – к отцу, от отца – к сыну...

– Внимание, взвод Бомпага! Приготовиться к вылазке. Сержант Харпер! На вашем взводе – прикрытие! лейтенант, распорядитесь открыть ворота. – Дилени уже спускался вниз, в узкий и всё ещё тёмный колодец двора, чтоб принять командование. Вылазку со взводом пехоты и взводом лучников он хотел возглавить лично: ему казалось, что вблизи, с поверхности, он сможет лучше понять, что же и как им делать.

Лейтенант попытался протестовать:

– Но милорд! Вы не должны сами...

– Знаю! – Дилени, когда хотел, мог быть резок, и сейчас в голос не забыл подбавить стали, – На время моего отсутствия вы, лейтенант, остаётесь за старшего. Проследите, чтоб за нами закрыли засовы. И следите за нашими флангами.

Выходили на просторы каменистой равнины лучники сомкнутым строем. Пехотинцы, идущие точно так же впереди, прикрывали: щиты держали так, чтоб при необходимости быстро принять построение «черепаша». Однако этого не понадобилось. К тому времени, как они перешли опущенный мост и отошли от ворот на сто шагов, число тварей вокруг, бегущих на юг, исчислялось буквально считанными особями!

Лорду однако это не помешало:

– Лучники! Растянуться в цепь! Стрелять во всё движущееся! Харпер! Ваши люди пусть прикрывают. *Просто* прикрывают. Без ненужной инициативы. – он видел, чуял, что люди готовы кинуться вслед тварям, и убивать, убивать... Но это – не их дело. Их дело – сохранить крепость во что бы то ни стало. А сейчас – просто провести разведку. И взять, если получится, языка.

Спокойно держась на расстоянии трёх шагов друг от друга, его люди уверенно двигались вперёд – туда, куда Дилени указал рукой: на север. Вокруг падали твари, поражённые стрелами его лучников. Однако через полмили твари, бегущие навстречу, вдруг закончились. Лорд, выругавшись про себя, приказал:

– Возвращаемся в замок! Стрелы из убитых не вынимать!

Возвращаясь, лорд подумал, что его люди реально – профессионалы. Никто из поражённых монстров не проявлял признаков жизни: какой тут, к чертям, «язык»!..

Не доходя до замка шагов сто, лорд, стиснув зубы, издали пронаблюдал, как огромный ворон сел на грудь одной из лежащих на спине убитых тварей, попереступал могучими чешуйчатыми лапами. Клюнул в глаз. И застыл на какие-то мгновения, склонив голову набок – словно не мог решить, что делать дальше. Глотать или не глотать.

Кусок оказался выплюнут, птица затрясла головой. Лорд уже не сомневался, что и последовавшие за первой попытки

откусить от лапы и живота окончатся неудачно: мясо явно несъедобно! Даже для падальщиков.

Ничего необычного: твари лорда Хлодгара почти всегда несъедобны.

Наконец ворон, возмущённо каркнув, улетел прочь, а лорд, подошедший к этому времени на десять шагов к оставленной птицей мёртвой телу, сказал:

– Сержант Бомпаг. Прикажите вашим людям перенести вот этот... Этот и этот, – наплевав на приличия и этикет, Дилени указал прямо пальцем. – трупы внутрь. Пусть положат посреди двора, пока не станет светлее, я их осмотрю. Потом спустите в ледник.

Слушать отрывистые и конкретные команды сержанта было приятно: человек раздаёт их чётко, громко, компетентен, деловит. Твари оказались не тяжелы не только на вид, но и на самом деле: по двое солдат на тело оказалось вполне достаточно.

Ладно, придётся и правда – попытаться получше изучить, что за уродов их враг натравил на них на этот раз, поскольку убить удалось не больше ста двадцати: причём около пятидесяти сразу, при штурме, «отборных» и словно более крупных. И ещё пятьдесят или около того – когда стали собираться в пирамиды. Остальных же, похоже, самых медленных и небольших, и, следовательно, слабых – сейчас.

То, что зрение, как и сознание, вообще вернулось снова,

Марата поразило.

Те, первые твари, орангутанги, и вторые, больше похожие на горилл, не останавливались, пока не перегрызали человеку горло, или даже не отгрызали эту самую голову напрочь... Раненных после их прохода не оставалось. Только мёртвые.

Но сомневаться не приходится: всё тело страшно ломит, словно сам, вместо волов, таскал тяжеленный двойной плуг. Причём не один день. В голове шумит, и во рту привкус чёртовой мочи... Но радует то, что, похоже, хотя бы все члены на месте: и руки и ноги ощущаются. И даже кое-как двигаются.

Марат попробовал поморгать, и разлепить глаза, сквозь которые пока кроме мутной пелены ничего видно почему-то не было.

Ага – чёрта с два!.. Лучше видно не стало.

Но с помощью пальцев правой руки удалось наконец расковырять спекшуюся и шершавую снаружи корку, что не позволяла открыть правый же глаз.

О...ренеть!

Набег-то продолжается!!!

Вон: видно в свете занимающейся зари, как мимо стен, и сквозь открытые ворота, пробегая посад, словно он – просто часть пути, несутся всё новые и новые твари, покидая очищенное от защитников селение через вторые ворота в южной стене!

Марат застонал, и удивился: вон оно как обстоит дело!

Он совершенно ничего не слышит, даже себя! Только слабый звон и гул в ушах. Как это называется-то?.. А, да: контузия! Видать, неплохо ему приложили по башке...

Ну так погодите же, твари вонючие! Дайте ему только встать... И добраться снова до лука...

Однако это намерение привести в исполнение оказалось не так просто, как он надеялся. Во-первых, прямо на него оказалось навалено штук пять трупов поганых монстров: вот почему так тяжело было шевелить руками и ногами! А во-вторых...

Во-вторых всё вокруг словно плыло и качалось, будто он стоит на несущейся во всю прыть телеге, которую тащат понесшие от укуса овода лошади... Их посадский знахарь, дед Бобур, называл такое состояние, кажется, «сотрясение мозга».

В том, что это именно оно, Марат убедился, когда спихнул с себя испачкавших его с ног до головы своей вонючей липкой кровью, тварей, и смог кое-как, придерживаясь рукой за перила, встать на ноги. Голову повело куда сильнее, и что-то словно ударило его под дых: желудок вывернуло наизнанку, и он буквально повис на этих самых перилах, извергая слизь и желчь, кашляя и стеная.

Однако рвота прекратилась быстро, и после неё Марату вроде как полегчало.

Доковыляв до своего лука, валявшегося тут же, рядом с трупами Роберта и Локхида, на лице которого застыло вы-

ражение дикой ненависти, Марат заставил себя сжать зубы, и поднять верно служившее ему все двенадцать лет «взрослой» жизни, оружие. Колчан из-за спины, что странно, никуда за это время не делся. Скользкими пальцами он нащупал стрелу. Не-ет, так не пойдёт.

Пальцы он тщательно вытер о тыльную сторону рубахи, еле найдя сухой клочок: льняная одежда была пропитана чужой кровью почти насквозь.

Вот теперь тетива не вырвется из пальцев!

Он наложил первую стрелу. Прицелился, особо не выбирая: твари, словно его и не существовало, продолжали себе бежать и мимо частокола, огибая посад, и сквозь него, широким потоком вливаясь в распахнутые настезь северные ворота, чтоб не задерживаясь, вылиться через точно так же распахнутые южные.

Первого монстра Марат свалил выстрелом в спину: не до этики и совести! Второго удалось поразить сбоку в грудь, стрела вошла прямо подмышку! Оба монстра словно налетели на невидимую преграду: так и грохнулись оземь, не сделав и пары шагов!

Твари возле убитых вскинулись, злобно, но тихо, словно вполголоса, заверещали – он не слышал, но догадался по тому, как оскалились гнусные рожи! – и метнулись к нему: похоже, увидели, что он поднялся на ноги!

Пока к нему бежали, Марат успел сделать ещё три выстрела. Но потом обнаружилось, что тридцать отборных стрел в

колчане закончились! Пришлось отбросить ставший бесполезным верный лук, и снова схватиться за саблю – благо, она валялась тут же, у затылка Роберта! А вот кинжал куда-то запропастился – а искать некогда!..

Твари, забравшись по лестнице, и подбежавшие было к нему, повели себя странно. Остановились в двух-трёх шагах. Марат в свете уже в полную силу разгоревшейся зари видел, как ноздри примерно десятка залезших к нему монстров расширяются и сужаются – похоже, те пытались что-то унюхать! Марат так и замер – со сжатой обеими руками перед собой саблей, и готовый при первом же шаге к нему рубануть наиболее здоровенную тварь, недоумённо оглядывавшуюся вокруг, но...

Но монстры, не то снова получив какую-то команду, не то сами по-себе, словно чего-то искомого не найдя, вдруг кинулись прочь, и продолжили свой неудержимый бег на юг – словно Марата и не существовало!

Да что же это за!..

Марат тряхнул головой. Прислонился к одному из столбов башни, поддерживавшим крышу – странно, но все четыре столба сохранились.

Почему же твари не кинулись на него, и не прикончили?! Он-то отлично сознавал, что в таком состоянии, когда всё вокруг качается и плывёт, и ноги так и норовят подогнуться, немного навоевал бы!..

Может, всё дело в том, что у него закончились стрелы?

Или в том, что он замер?

Проклятье! До него вдруг дошло!!!

Ведь они – *нюхали*! А он – весь в крови убитых им и не им монстров!

Следовательно, он и пахнет – не как человек, а как монстр!

Но почему они руководствуются при выборе врага не зрением, как делают все нормальные существа из ныне живущих, а обонянием?! Может, так сделал их Хозяин, когда посчитал, что человек может замаскироваться, и спрятаться за кирасу и стальной шлем – и не узнаешь?! А вот запах...

Запах человека скрыть не удастся – что бы ты с ним не делал!

Так что получается – хорошо, что он измазан в чёртовой тварью крови, словно свинья – в грязи!

С этой немудрёной мыслью он и позволил ногам подкопиться, и телу – упасть снова на помост. И понял, что теперь можно и потерять сознание.

Он в безопасности.

Покои леди Маргарет Рашель отличались удобством расположения – окна обеих комнат, что спальни, что будуара, выходили прямо на южную сторону замка. Это давало и отличный обзор, и тепло – даже в лютые зимние морозы солнце нагревало чёрную поверхность толстых каменных стен так, что это становилось ощутимо. Иногда леди даже казалось,

что чудовищных размеров камин, что располагался в разделяющей её комнаты стене, чтоб нагревать их обе, даёт тепла меньше, чем исходит к вечеру от наружной стены. А ведь редкий зимний день в этом самом камине не сгорало чуть не полдерева...

Сидя перед старинным трюмо с почерневшим деревом столика и полок, и потускневшим от времени зеркалом, леди Рашель расчёсывала густые и шелковистые (Не зря же она каждое утро мыла их в настое ромашки!) волосы. То, что они огненно-рыжего цвета, ей нравилось. Потому что это отлично гармонировало с изумрудно-зелёным цветом её глаз. Она отлично помнила, как на праздновании её пяти лет отец, лорд Яппет, сказал на ушко матери, думая что за шумом праздничного застолья Маргарет не расслышит:

– Мать! Кого мы выродили? Она же влюбит в себя всех окрестных придурков!

И действительно, через какое-то время она уже отлично понимала, что отец оказался прав – обычно после первой же встречи, поглядев в её действительно ясные и большие глаза редко какой из юных (Да и не очень!) рыцарей не заливался густой краской, и не терял на какое-то время способности связно выражаться.

Ах, молодость, молодость... Повезло лорду Рашель – его удостоили чести получить её руку. Что же до сердца... Это мать настояла, чтоб она проигнорировала то, что душа совсем не лежит к тридцатипятилетнему ветерану постоянных

войн с врагами Тарсии, с безобразным шрамом поперёк правой щеки. И с суровым взором орла и чуть сутулой спиной – словно он не был аристократом в девятнадцатом поколении, а зарабатывал перетаскиванием мешков на пристани, как обычный простолюдин-разнорабочий.

Поэтому тот факт, что и после пяти лет брака она всё ещё испытывала к своему мужу вовсе не те чувства, что полагались бы в счастливом браке, а только уважение и настороженность, не позволил ей слишком уж расстраиваться его смерти в очередном бою очередной кампании. Она отлично понимала, что это – прямой долг и обязанность всех боеспособных лордов: быть профессиональными воинами и командирами. И защищать родную страну. А ещё она отлично понимала, что о том, что она не испытывает к мужу пламенной любви, известно не только самому мужу, но и всем окружающим, включая простых смердов из принадлежащих лорду Рашель деревень. Но сейчас, спустя почти два года после его смерти, она отлично осознавала, что отец и мать настояли на их браке не зря: лорд Рашель действительно ввёл её в Высший свет, поскольку попасть просто так в состав королевского Двора провинциальной баронессе, будь она хоть трижды красавица, нереально.

И вот она – на вершине.

Потому что дальше, будем честны хотя бы с самой собой – забираться по «карьерной» лестнице просто некуда: она в свои двадцать девять – фаворитка короля.

Нет, не то, чтобы леди Маргарет никогда не думала о том, чтоб стать и полноправной королевой – ведь леди Наина, после родов последнего, шестого, ребёнка, который умер почти сразу после родов, выглядит, словно бледная тень самой себя – прежней. Похудела, осунулась. Хотя – стан горделиво выпрямлен, и лицо поражает правильностью и красотой черт. Но на всех пирах, устраиваемых его Величеством его супруга сидит с отрешённым видом – словно всё происходящее вокруг, пышные красноречивые тосты, песни-похвалы её красоте и плодовитости от менестрелей, и обращаемые на неё иногда недоумённые взгляды придворных её никоим образом не касаются. И иногда кажется, что она вот-вот... Если выразиться в духе отца Маргарет, который не любил и не признавал этикета, высокопарных словесных реверансов, и прочих тонкостей стиля общения аристократов, и называл вещи своими именами – вот-вот пошлёт всех куда подальше, простыми и доходчивыми словами, и просто отправится к себе в покои – отсыпаться.

Однако леди Рашель отлично понимала, что у неё недостаточно союзников, да и просто – доброжелателей, чтоб ещё и поспособствовать ускорению процесса отдаления королевы от её официальной роли, и воцарению там себя, любимой...

А главное, что удерживало Маргарет от хоть какой-нибудь работы в этом направлении – отличное понимание того, что требовать с неё его Величество, если решится придать их от-

ношениям официальный статус, будет только одного. Но – главного. Для продолжения славной династии Рюген.

Наследника.

Но вот родить...

Лорд Рашель в своё время озаботился – выписывал лекарей, причём самых лучших, и из Лории, столицы Парассии, где, по слухам, тем удалось продлить жизнь короля Хлодвига до девяноста четырёх лет, и из Церна, где лекаря могли сделать плодовитой и пятидесятилетнюю старуху, и...

И – ничего.

Не смогла она понести, хотя лорд Рашель, нужно отдать ему должное, прилагал к этому все усилия, почти каждую ночь, когда бывал дома. А не находился в очередном походе, или на очередной охоте.

Но добился он только одного: леди Рашель освоила и научилась получать удовольствие во всех вариантах «взаиморасположения», которые они перепробовали в попытках обеспечить это самое зачатие, и легко могла некими действиями придать лорду и его уставшему красноголовому воину живость и твёрдость. В исполнении.

Наконец, спустя уже три года брака, лекарь из далёкого Эзенгарда, в отличии от своих предшественников долго и тщательно осматривавший её обнажённое тело не только снаружи, но и раздвинув с помощью странных инструментов те сокровенные части её организма, которые мог и имел право рассмотреть только законный супруг, сказал лорду Ра-

шель то, что не решались сказать его многочисленные предшественники:

– Боюсь, милорд, что не смогу подарить вам надежду. Весь мой опыт говорит о том, что понести леди Рашель не сможет. У неё нет самого важного для этого чуда, органа. – наклонившись к уху лорда, лекарь прошептал это слово ему на ухо. Но Маргарет и сама догадалась.

Нет у неё матки.

В древности такую болезнь врачи Предтеч называли мутацией.

А сейчас – просто уродством. Врождённым. С которым уже ничего сделать невозможно – это раньше, говорят, древние медики могли чуть ли не искусственно оплодотворить женщину. Или даже вырастить младенца вообще – без тела матери!

Но слухам и домыслам об этом уже лет триста никто не верил, и они ходили, особенно среди простого люда, в виде легенд и сказок... Не слишком правдоподобных. Что не мешало детишкам хлопать широко раскрытыми глазами, разевать рты, и восторгаться.

В дверь вежливо постучали. Маргарет, поймавшая себя на том, что невидящим взглядом уже несколько минут смотрит в окно, на начинающиеся в паре миль густые заповедные леса Дуссерской равнины, вскинулась:

– Лейла!

Камеристка, она же по совместительству и главная слу-

жанка, и наперсница, и няня, переехавшая с Маргарет вначале из замка отца, где она её растила и пестовала хозяйку с полутора лет, к мужу, а затем – и в замок короля, с тяжким вздохом поднялась с табурета, где она ждала распоряжений хозяйки, штопая свою ночную сорочку. Прошла к двери:

– Иду, иду... Кого это там принесло...

Принесло доверенную фрейлину королевы, леди Ханну Осберг.

– Могу ли я видеть леди Рашель? – её чуть надтреснутый гнусящий в нос голос узнать было вовсе не трудно. Вот уж не заморачивалась находящаяся в летах особа работой над тем, чтоб придать внешности – привлекательности, а голосу – медоточивости.

– Разумеется, миледи. – Маргарет быстро поднявшись, вышла в приёмную, отлично осознавая, что вряд ли это – визит вежливости. И, скорее всего, от неё что-то нужно именно королеве. Поскольку она отлично знает, что его Величество отбыл, а с ним – и вся армия. (Кроме, разумеется, гарнизона крепости, где остались королевские отпрыски и Двор.) А, следовательно, оттягивать или скрывать под предлогом болезни, или того, что ещё не встала, нет смысла. Отлично весь замок знает, что она встала. И где провела ночь.

– Доброго дня, миледи.

– Доброго дня, миледи. Чем обязана?

– Моя госпожа, её Величество, – вредная старуха не упустила случая выделиться тоном эти слова! – королева Наина,

просила спросить вас, не смогли бы вы, миледи, выбрать время и возможность... Посетить её. – глаза снулой рыбы на густо запудренном, чтоб, очевидно, не возиться с макияжем, лице, моргнули. – Прямо сейчас.

– Безусловно. – леди Рашель удержалась от того, чтоб нахмурить чело, но подумала, что румянец мог всё равно выступить на щеках и шее, – Передайте её Величеству леди Наине Рюген мои самые искренние заверения в моей нижайшей покорности, и сообщите, что я прибуду, как только смогу привести себя и свою причёску в надлежащий вид.

– Великолепно. – ни голос пожилой женщины, ни её взгляд не выразили удовлетворения от того, что стрела явно попала в цель, и презренная интриганка-выскочка отлично осознаёт своё подлинное место в иерархии династии Рюген. – Я немедленно передам её Величеству полученное от вас любезное согласие.

Дверь за сухопарой дамой в старинном кринолине закрылась, и леди Рашель подумала, что, собственно говоря, следы возраста видны у той лишь на лице. А фигурой она запросто даст фору самой стройной и изящной молодой фрейлине её Величества – хотя возможно, конечно, что тут вносит свой вклад и перетянутый корсет.

По коридору затопали уверенные неторопливые шаги – а молодец старушка. Осанки и хватки не потеряла. Наверняка подкралась на цыпочках, и ещё минут двадцать предварительно подслушивала у двери – не проболтается ли о чём но-

вая фаворитка своей доверенной служанке. Ну и леди Маргарет Рашель не вчера родилась. Кое-чему научила мать, а кое-чему – и муж. Лорд Рашель.

Услышать, как она разговаривает с Лейлой не смог бы и шпион, стоящий в двух шагах. Потому что они больше использовали знаки-буквы: языком глухонемых Маргарет овладела в пять лет, поскольку часть горничных и поваров были из деревни, где эта болезнь почему-то скосила чуть ли не всё население. Но вот готовили они великолепно, да и работали не лентясь.

А то, что они мало говорят, устраивало лорда Яппета как нельзя лучше.

Болтунов у них в семье отродясь не водилось.

Покои королевы находились, собственно, по другую от королевских апартаментов сторону, и выходило на восточное крыло замка. Её Величество изволили любить зрелище восходящего светила.

Поэтому дошла леди Рашель за каких-то две минуты. Пришлось только спуститься на один уровень: королева в последние три года предпочитала жить поближе к земле – на втором этаже. Возможно, так ей было удобней наблюдать за внутренним двором, где обычно играли в небольшом, разбитом прямо под её окнами, чистеньком и уютном садике, дети. Королевские отпрыски.

Вот и сейчас, после того, как леди Маргарет впустили в

высокие и просторные – не то, что у неё! – покои, королеву она застала в третьей комнате, у стрельчатого широкого и высокого окна, смотрящей куда-то вниз.

Маргарет приблизилась на положенные этикетом пять шагов. Присела в реверансе:

– Ваше Величество!

Королева не сразу оглянулась. А оглянувшись, вдруг вместо приветствия приказала:

– Подойдите ко мне, леди. Плевать на этикет – становитесь прямо сюда. – леди Наина указала на место в фуге от себя. Леди Рашель осторожно подошла, радуясь, что кринолины давно отменили, и только упрямая ретроградка леди Ханна упорно не желает отказываться от этой моды – возможно, пытаясь таким образом оставаться в тенетах ностальгии по прежним временам. Или просто выказывая таким образом протест тенденциям – надо признать, быстроменяющимся! – очередного витка столичной моды. А вот нынешние, почти свободные, и удобные платья или юбки позволяют стоять буквально – вот именно почти вплотную друг к другу. Иначе им у окна вдвоём бы и не поместиться.

– Взгляните. – жест тонкой мраморно-белой руки, несколько, впрочем, худобой её изящную линию не портившей, указал на трёх девочек и старшую горничную, возившихся сейчас внизу, у скамейки, на которой были разложены куклы и кукольный домик, с распахнутым нутром, обнажавшим сейчас банкетный, он же – парадный зал. В котором всё, как

поняла Маргарет, было приготовлено к обеду: расставлены чашки и тарелки. И дочери короля, их высочества – девочки девяти, семи и шести лет – как раз раскладывали вилки и ножи, что-то оживлённо приговаривая.

С минуты никто из женщин ничего не говорил.

Убедившись, что леди Рашель вполне прониклась духом мирной игры, царившим внизу, в десятке ярдов, королева отошла от окна, и проследовала к трону. На который, осторожно взойдя по трём ступенькам, и очередным явно отработанным изящным жестом чуть придержав подол платья. Уселась. Нарочито медленно и спокойно. Леди Рашель не осталось ничего другого, как снова встать перед этим тронном в положенных пяти шагах, и снова склониться в реверансе. Молча.

Королева, долго и – странное дело! – с явным одобрением рассматривавшая стройный стан, красивое лицо и пышные волосы соперницы, тоже не спешила начать диалог. Затем соизволила чуть улыбнуться:

– Вам нравятся дети?

– Да, миледи. У вас очень милые дочери. И смышлёные и крепкие сыновья.

– Да, смею надеяться. Правда, я считаю, что его Величество напрасно взял в сегодняшний поход нашего старшего – Дэниэля. Впрочем, он – король, ему и решать. А младший сейчас на занятиях. Кажется, сегодня он изучает бой на рапирах. – и, внезапно, без всякого перехода, – Так вот, миледи

ди. Я позвала вас именно сейчас потому, что наш король, да хранит его Господь, уехал. Следовательно, нам никто не помешает.

Мне хотелось показать вам это. – чуть заметный кивок и глаза, обращённые в сторону окна. – Чтоб вы прониклись. Пониманием того, что я очень люблю своих девочек. А тем более – сыновей.

Поскольку возникла пауза, Маргарет, которая отлично видела, что всех обычно спящих вокруг королевы фрейлин и приживалок нет, и даже слышала, как дверь после её прихода в комнату закрыли и заперли снаружи, вполне оценила опасность. Сказала:

– Ваше Величество. Я как никто другой понимаю, что любовь к детям – самое святое и светлое чувство. И оно, несомненно, именно тот стимул, тот двигатель, который направляет все помыслы родителей. И обуславливает все их поступки.

– Вот-вот, именно – *все*. Как добрые, разумные, так и... Не будем поминать *никаким* словом мать нашего повелителя – да пребудет с её душой милость Господня.

И я очень рада, что вы, миледи, поняли меня. И прошу и в дальнейшем воздержаться от того, чтоб... – королева не докончила и эту фразу, недвусмысленно глянув на свой живот, из которого уже вышло шесть носителей королевской крови, но Маргарет и без этого всё отлично поняла. И отреагировала на недвусмысленную угрозу:

– Разумеется, ваше Величество! Впрочем, вы ведь наверняка отлично знаете, что в данном вопросе никаких проблем для династии Рюген нет и быть не может. Господь лишил меня возможности создавать жизнь, и таким образом дарить мне и кому бы то ни было, кто мог бы претендовать на почётное звание отца, как радость...

Так и хлопоты.

– Превосходно. – по тону королевы невозможно было догадаться, говорит ли она серьёзно, или иронизирует, но смысл сказанного она наверняка поняла, потому что после паузы, нарушить которую Маргарет даже не помышляла, её Величество продолжила, – А ещё на втором месте по значимости для меня благополучие его Величества. И Страны.

Маргарет позволила кончикам губ чуть приподняться: в этом вопросе их интересы полностью совпадали:

– Ваше Величество! Поверьте: интересы и благополучие его Величества... И страны... В *моём* списке приоритетов – на первом месте. И все мои помыслы и стремления направлены именно к достижению этой цели. Я не настолько глупа или наивна, чтоб не понимать этого. Впрочем, об этом вы, несомненно, догадались и сами.

– Я рада, что мы столь быстро пришли к взаимопониманию. Что ж. Хочется верить, что в таком виде ситуация сохранится и в будущем. Благословить в том деле, что сейчас занимает всё ваше время и силы, разумеется, не могу. Но и препятствовать не вижу смысла. Пока его Величество счаст-

лив и удовлетворён, я... Тоже удовлетворена.

Не смею больше отнимать ваше драгоценное время. – королева трижды хлопнула в ладоши, и дверь – только сейчас, услышав, как вновь провернулся ключ в замке, Маргарет поняла, что королева рассчитывала на свои силы, и в случае, возникни у них «недопонимание», легко «разобралась» бы с ней. Кинжал, брошенный тренированной рукой. Дротик с обмазанным ядом кончиком. Люк в полу. Да мало ли!..

Поскольку «школа», которую леди Наина получила у упомянутой королевы-матери явно отличалась многообразием способов «решения проблем несговорчивых».

Дверь щёлкнула и открылась. Холодок банального страха пробежал по позвоночнику леди Рашель – разрази её гром! Ведь и правда: в распоряжении её Величества наверняка оставались все те яды и их носители – от отравленной шкапулочки до кружевного платочка! – что заботливо и скрупулёзно изготавливала и копила её почившая свекровь.

Но леди Рашель прекрасно понимала и то, что ей после состоявшегося разговора бояться нечего. Вроде. И держаться нужно с достоинством, что бы она ни думала, или не помнила про способы разделаться с неудобными, которыми венценосная свекровь обожала пользоваться. По поводу и без повода.

Склонившись в третьем глубоком реверансе, леди Рашель с затаённым удовлетворением подумала, что королева у них – рационалистка. И реалистка. С одной стороны понимает,

что фаворитка его Величеству положена по статусу, с другой – она сама должна изображать если не оскорблённое этим фактом, то хотя бы – недовольное Величество.

И если она не будет вести себя так, по Двору могут пойти нелицеприятные и даже гнусные слухи. О том, что, дескать, наша королева утратила хватку. И своё влияние на его Величество. А так – недалеко и до потери лица. И уважения. И статуса.

Собственно, мысль о том, что рано или поздно её вызовут на что-то вроде вот таких «разборок», Маргарет посещала часто. И произошедшую только что беседу она предвидела и мысленно проиграла варианты давно. Ещё в те далёкие дни, когда после похорон со всеми подобающими почестями её мужа, его Величество сир Ватель приказал ей переселиться в её теперешние апартаменты. И прямо приказал даже не помышлять о том, чтоб вселиться в законную вотчину – замок династии Рашель. Уже тогда она вполне оценила перспективу стать (Разумеется, после положенных восемнадцати месяцев глубочайшего траура!) новой фавориткой.

Такое положение дел, если честно, леди Рашель устраивало.

Потому что в замке мужа до сих пор полноправной хозяйкой являлась уже её свекровь, пережившая и своего свёкра, и своего мужа, и своего единственного сына. Что её непреклонного характера, и сварливого нрава, разумеется, не улучшило. Ну а поскольку здоровьем Бог леди Дайану Ра-

шель не обделил, леди Маргарет Рашель предстояло выяснить на практике, как удержать сердце... И другие органы своего короля – возле себя. И желательно подольше. Потому что в отцовском замке вступил в свои права старший брат, Людвиг. И возвращением овдовевшей а затем и «разжалованной» из фавориток сестры он вряд ли будет доволен.

Так что нужно думать, искать пути и способы, и стараться продержаться в роли фаворитки для начала – хотя бы больше года.

Ни одной из предыдущих пяти красавиц этого не удалось.

И, как теперь понимала Маргарет, не потому, что были некрасивы – вот уж нет! – а потому, что быстро наскучили сиру Вателю. И жеманными гримасами и капризами, как леди Кора, и вспышками то гнева, то – безудержного веселья, как леди Паула, (Вот уж отвязная и развязная была особа, это признавали даже её так называемые подруги!) то – просто приступами меланхолии и беспробудным пьянством, как леди Бьянка Монтгомери... Позволявшая себе к тому же оскорбительные высказывания при свидетелях в адрес её Величества.

Так что то, что королева будет тем или иным способом намекать, что если леди Рашель не хочет скоропостижно и весьма мучительно скончаться, как та же леди Бьянка, от недоброкачественных якобы грибов, то должна отлично осознавать своё место и свои обязанности, Маргарет понимала превосходно. Поскольку не ленилась пользоваться мозгами.

А думать её научил отец. При всей своей прямолинейности он обладал неплохим даром чётко раскладывать на составляющие и понимать тонкости любого вражеского построения и задумки – будь то в бою, или в хитрой интриге. Словом, аналитическим умом она, кажется, пошла как раз в него. Зато неувядающей долго, хочется верить, что годов до пятидесяти, красотой и статностью – в мать. Та и в пятьдесят выглядела на тридцать. А сзади – так и вообще – на двадцать. И талия у матери до сих пор – пятьдесят семь.

Нет, по здравом размышлении леди Рашель понимала, что разговор с королевой прошёл куда проще и легче, чем мог бы. Но, похоже, что их королева тоже брала уроки у кого-то вроде её отца: она – пусть и ханжески практична, но и – гуманна. Ясно дала понять, что с её стороны никаких репрессий, если будут соблюдаться условия их негласного договора, не последует. И то, что Маргарет не может рожать, королеве тоже на руку.

А ещё её Величеству на руку то, что у сира Вателя самая красивая, и, похоже ещё и самая умная и рассудительная фаворитка за всю историю Тарсии. И то, что все официальные послы и гости обзавидуются, облизываясь, вообще замечательно.

В какой-то степени это тоже поднимает престиж их страны.

То, что разбудил Бориса оглушительный отрывистый, и

словно нервный, сигнал горна, сказало сразу о многом.

Во-первых, о том, что это – не учебная тревога.

Перед учебной тревогой всегда можно по каким-то намёкам догадаться о том, что ночью предстоит или марш-бросок в полной выкладке, или тренировочный бой с другим подразделением на деревянных мечах, или – стрельба из лука в темноте, рассеиваемой лишь неверными сполохами двух-трёх факелов, по хаотично движущимся мишеням. И традиционно-обязательный и изнуряющий марш-бросок состоится только после неё. И – только для тех, кто не выбил положенную норму очков. Те, кто выбил – пойдут на правах привилегированных стрелков в казармы. Досыпать.

Поэтому уж что-что, а стрелять Борис умел – куда там многим ветеранам. Собственно, он и сам понял, что многие новобранцы и его приписывают уже к этому почётному словию. Оно и верно: он в лучниках уже, почитай, девять лет... Капрал!

Так что то, что намёков на учебную не было, говорит об очередном набеге.

А «намёки» эти обычно выражаются в том, что сержант особо строгим тоном, и хмурия брови, велит перед ужином привести в порядок оружие. Или в том, что на ужин дают огромную порцию бекона или говядины. Или в том, что в башнях королевского дворца, а точнее – крепости – Клауда – до отбоя и много позже горит свет в зале для совещаний высшего военного руководства...

Да мало ли!

Но на памяти Бориса два раза состоялись и настоящие, не учебные, тревоги. Первая – когда им пришлось в марш-броске преодолеть пять миль, и, рассыпавшись цепью по лесу Ривендолл, отстреливать и рубить в капусту огромных крыс – те упорно не желали отступать, пытаясь прорваться к густонаселённым провинциям, ближе к центру Тарсии. Ну и хорошо. Потому что так их куда легче оказалось поубивать, чем если бы они попрятались по норам, а вылезли только на следующий день.

Во второй раз, полтора года назад, бегать никуда не пришлось.

Зато пришлось забраться на крышу казармы, и все сторожевые вышки лагеря, и потратить практически весь запас стрел, убивая всё прибывающих и прибывающих с севера огромных плотоядных летучих мышей, про укус которых им сообщили, что он – ядовит! Когда кончились стрелы, в ход пошли и мечи, и копья, на которые гнусно верещавшие твари так и кидались! словно сами желали приблизить свою смерть!

Впрочем, может, твари и действительно не понимали, что нападать с когтями и зубами на подготовленных и отлично владеющих любым оружием профессионалов – просто самоубийство. Хотя позже, обсуждая с сослуживцами эту проблему, Борис и его друзья и коллеги пришли к неутешительному выводу, что как раз они, Армия, и являлись приоритет-

ной целью гнусных тварей. Ведь выведи Армию из строя – и плохо вооружённые и слабо, или вообще не тренированные, и обычно не защищённые надёжными шлемами и кирасами фермеры адекватного сопротивления оказать не смогут!

Сосед Бориса по нарам, тоже капрал, Гарри Остерманн, свесившись с верхней полки, выпятился на Бориса:

– Никак, тревога?!

– Да, похожа на настоящую. Ну, чего застрял? Высоты боишься?

В ответ капрал спрыгнул мускулистым пузом прямо как был, в одних трусах, прямо на спину уже вскочившего с нижнего лежака Бориса:

– Точно! Спасибо, что спас моё тело от удара о грешную землю!

Борис ничего не ответил, но его локоть очень точно въехал прямо под ребро коллеги. После чего у того сразу пропала охота беречь своё тело от «соударения с землёй». Как и говорить. Разве что шипеть и материться.

Оделись быстро: тренировки!

Построение перед казармой, на плацу, состоялось меньше чем через минуту после сигнала тревоги. Старший сержант Симон Борде, с горящими глазами, и раздувающимися от предвкушения схватки с очередным врагом, ноздрями, скомандовал:

– Равняйся! Смирно! Взвод! Слушать вводную!

Вслед за остальными сержантами, выстроившими на об-

ширном плацу свои взводы, ту же команду повторили и лейтенанты рот, и капитаны батальонов.

Полковник Люциус, с видимым удовлетворением убедившийся, что шеренги замерли в полной неподвижности, не стал ходить вокруг да около. Его зычный голос отлично доходил бы и до самых потаённых закоулков, если б таковые имелись в обнесённом пятиметровым тыном трёхтысячном лагере:

– Солдаты, сержанты и офицеры! Вы, разумеется, уже догадались, что тревога не учебная. Всё верно: на нас опять напали. Если присмотритесь, – полковник махнул рукой, – отлично видно чёрный дым. Это горят нивы и луга наших фермеров! Наш заклятый враг, проклятый колдун Хлодгар, опять натравил на нашу страну новых тварей. На этот раз – двуногих. С руками, ногами, как у нас, и головой с очень прочным черепом! Эти твари – самые, пожалуй, опасные. Поскольку явно обладают умом и боевыми навыками. И – хорошо вооружены!

По имеющимся у нас сведениям – саблями, булавами, клевцами и топорами. То есть – оружием ближнего боя. Есть у них и кольчуги – но слабенькие, на небольшой дистанции бронебойную стрелу не задерживают. Ещё есть щиты. Правда, тоже – лёгкие, из прутьев, не то обтянутых каким-то толстым войлоком, не то – внутри набитыми ватой. Они от стрел защищают неплохо – зарубите себе это на носу, и не тратьте боезапасы зря!

Зато! По данным разведки, у врага нет ни тяжёлого осадного оружия, ни луков. Бегут они без определённого боевого построения – разрозненной и неплотной толпой. Так же и дерутся – поодиночке! И сотрудничают друг с другом, помогая и подставляя спины лезущим наверх, только при штурме посадских тынов. А атакуют *все* встречающиеся по дороге населённые пункты.

Но по данным той же разведки они в первую очередь всё-таки стремятся сжечь всё вызревшее зерно, и просохшее сено. И, конечно – под корень вырезать всё мирное население тех посадов, что удастся взять сходу, штурмом. Понятное дело, что убивать они будут вообще всех, кто живёт в Тарсии – до кого сумеют добраться!

И убивают – всех. Не разбирая, без жалости. Начиная от грудных младенцев, до дряхлых стариков! Им на руку играет то, что их очень много. Более десяти тысяч.

К счастью, донесение из замка Милдред поступило вовремя, и гарнизоны западных и восточных крепостей уже выступили, чтоб перекрыть дороги и подходы к нашим самым плодородным землям, и густонаселённым районам. Оборона западного и восточного валов тоже уже в порядке. Но основная масса монстров, по данным разведки, движется прямо на нас. К столице. И её пригородам и посадам грозит немедленная опасность.

Значит, действовать будем так.

Сейчас – марш-бросок в полной выкладке и с двойным

запасом стрел. До равнины Ундинос, где у нас имеется основная линия обороны. Враг не сможет переправиться через Теннор, поскольку мосты уже убраны, и пакетботы адмирала Ван Ден Граафа заняли позиции на фарватере. Следовательно, врагу деваться некуда, и он выбежит прямо туда – к валу Адриана. К нашим траншеям и редутам. Наша задача – добраться туда за час! Занять оборудованные заранее позиции. И в первую очередь стремиться убить как можно больше тварей – стрелами. То есть – не подпуская врага на дистанцию ближнего боя максимально долго. И уж только потом, если твари подберутся вплотную – вступать в рукопашную. Повторяю: мы должны убить *всех*, кто будет нас атаковать!

Как нашему руководству кажется, это должно получиться. Потому что – повторю: враг атакует не организованными отрядами, или плотными рядами, с надёжными бронированными щитами, а – нестройной массой. Толпой. Где каждый – сам по себе. Собираются они воевать, следовательно, не по какому-то определённом плану, а – навалом! То есть – за счёт только численного перевеса! И не берут пленных, да и сами – не сдаются живыми.

Наша задача – доказать им и их владыке глупость и ошибочность их амбиций и тактики.

Потому что я верю: все вы – отлично тренированные воины! И запросто попадаете даже ночью – белке если не в глаз, то в задницу – уж точно!

Бойцы! Помните – жизнь и безопасность населения Тар-

сии – в ваших руках!

Поэтому разбирайте оружие, и – вперёд!

А сейчас нале-во! В Арсенал бегом марш!

Бег в полной выкладке, да ещё с двойным запасом стрел, по даже отлично выровненной дороге с хорошо утоптаным покрытием, ночью, в свете чадящих и бликующих факелов, удовольствие, мягко говоря, на любителя. Мимо, подпрыгивая в такт шагам, пролетали стволы и кусты подлеска, в топоте сотен сапог по дороге еле слышно было тяжёлое и частое дыхание сотен же ртов. Глядя, как покрывается потом шея и спина переваливающегося перед ним Остерманна, Борис ругался. Мысленно, разумеется. Чтоб не сбивать себя с ритма и дыхания.левой-правой, раз – два! И пусть бег в составе взвода и происходит не в максимально быстром темпе, который они, тренированные профи, способны развивать в критических ситуациях, на поддержание даже его всё равно уходит чертовски много сил. Единственное, что утешает – вид мерно подпрыгивающих в такт шагам, уставших, потных, и перекошенных гримасами, лиц и затылков вокруг, уставших ничуть не меньше, и озабоченных тоже лишь единственной мыслью: скорее бы всё это закончилось!

А закончиться оно может лишь в единственном случае: если они и правда – перебьют поголовно всю эту очередную орду!.. Нет: не «если», а – когда! Даже в мыслях нельзя давать врагу ни малейшего шанса: их армия – сильнее! А

враг...

Враг у них непредсказуемый. Интересно, что там за тварей чёрный Властелин придумал на этот раз... В кольчугах? Со щитами? Хм-м...

Но Борис не позволял себе отвлекаться на посторонние мысли, чтоб и правда – не сбиться с шага и дыхания: через десять минут они уже должны быть на месте: вон, впереди, в чаще леса Ривендолл, по которому они бегут, появился ширящийся просвет! Значит, выход на равнину Ундинос, к их готовым позициям у вала Адриана – близко!

А хорошо, что позиции подготовлены давно. С другой стороны – как им не быть подготовленным?! Ведь если убраны наплавные мосты через глубокую, быструю и полноводную реку Теннор, перебраться на другой берег без ну очень большого количества заранее подготовленных плавсредств – никак невозможно. Да и корабли адмирала не станут просто смотреть на такое! А полковник сказал, что у очередных тварей с собой только мечи и щиты. Значит, рано или поздно они как раз к линии траншей и редутов и выбегут.

Стволы вокруг наконец расступились, и они оказались на обширной равнине, в это время года покрытой подсохшей, высотой по колено, травой. Правый фланг укреплённых башенок, разбросанных в, казалось бы, хаотичном порядке, редутов, на самом деле чётко укладывается в тактическую схему: расставленные на расстоянии ста шагов друг от друга, башни не перекрывали друг другу сектор обстрела, и в то же

время могли подстраховать – если противнику удалось бы вклиниться в оборону глубже, чем на ту же сотню шагов.

А обычно этого не происходило – полоса из двух параллельных траншей десятифутовой глубины и ширины, с земляными стенами, укреплёнными фашинами из плетней на ближайшей к редутам стороне не позволила бы преодолеть эшелонированную линию обороны так просто, сходу. Особенно, если у противника не имеется лестниц или мостков.

А у противника не имеется.

– Внимание, взвод номер один! Ваши редуты один и два. Взвод два – ваши – третий и четвёртый! Третий!..

Пока лейтенант Фриланд чётким звонким голосом раздавал команды, Борис оглянулся вокруг.

Всё отлично. Сказывается огромная практика и долгие изнуряющие тренировки: что пехотинцы со своими копьями и двуручными мечами, что они, лучники, с мощными и тяжёлыми армейскими составными луками и коротенькими саблями-мечами для ближнего боя, уже чётко рассредоточились по своим позициям: даже сержанту Борде не нужно отдавать никаких дополнительных команд, хотя он не из тех, кто упустит случай показать своё рвение:

– Первое отделение! Редут номер один. Второе. Ваш – второй. Третье отделение – выстроиться в цепь за линией пехоты между первым и вторым!

Два первых отделения их взвода уже и сами полезли на лестницы трёхметровых, собранных из толстенных брёвен,

редутов, которые внутри на три четверти высоты были засыпаны утрамбованной землёй – для вящего удобства, а также для того, чтоб поднимающиеся до пояса брустверы из брёвен давали хоть какое-то прикрытие, если б враг надумал стрелять по людям. Огромнейший частокол кончавшегося здесь двухмильного тына, прикрывающего вход в лес своими пятнадцатифутовыми, вкопанными на половину немаленькой длины, заострёнными стволами, оказался от Бориса всего в сорока шагах. И уж он-то знал, что на эту преграду можно положиться, поскольку пришёл в армию именно в тот год, когда строительство этого тына как раз заканчивалось. Но попотеть при установке последних трёхсот футов успел.

Тридцатифутовые стволы – от курайской ели. То есть – просмолёны насквозь. (Поэтому когда ворочали их, казалось, что это не деревья, а мраморные колонны – тяжеленные до ужаса!) Зато их вкопанные части не сгниют в земле ещё лет этак триста... А от того, чтоб кто-нибудь попробовал забраться прямо по ним, защищены надёжно: промазаны с наружной стороны. Хеклом.

Пехота быстро заняла позиции у второго, ближайшего к редутам, рва, забравшись на насыпи, имеющиеся перед траншеями, и рассредоточившись в цепь. И приготовив копья. Борис и все его соратники из третьего отделения тоже растянулись в цепь, встав за спинами легших наземь пехотинцев. Три метра длиннющей ямы и ещё полтора – насыпи за мощным плетнём, и поставленные стоймя фашины – достаточно

хорошая защита от тварей. Особенно, раз те – без осадных лестниц, мостков и луков!

Что само по себе казалось достаточно странным, учитывая предыдущие нападения. Ну, с теми, первыми обезьяноподобными, и вторыми – совсем уж обезьянами. Про крыс и летучих мышей вспоминать смысла нет – против таких противников валами и рвами не защитишься. Правда, и хлопот они доставили всё же поменьше. Но вот теперешние твари...

Борис невольно ловил себя на том, что рука тянется всё время к затылку – помочь мозгам думать. А думать никто пока не мешал. И время тянулось чертовски медленно. Казалось, с тех пор, как они прибежали, заняли места и отдышались, прошли часы, хотя внутренне Борис отлично понимал, что пока в ожидании прошло не больше десяти минут. Солнце, поднявшееся над равниной, освещало поле будущего боя отменно. Единственное неудобство – оно же и нагревало спину и бок, прикрытые кирасой так, что струйки пота вскоре начали прокладывать себе дорожки вниз, у пояса сливаясь в одно неприятно мокрое, и охлаждающее тело, пятно.

Ничего: во время схватки ему будет не до этих привычных мелких неудобств. Пусть казённое обмундирование и не всегда удобно, и тяжеловато, зато вот именно – защищает. Жизненно важные органы и части тела. Оставляя свободными руки.

Дозорный, стоящий на высоченной башне дозорной вышки, вдруг заорал во всё горло, и принялся истоиво наяри-

вать, колотя изо всех сил в маленький колокол, подвешенный к стропилам вышки, и оглашая поле будущего боя поясняющими выкриками: «Вон они! Бегут!», дублируя уставной сигнал колокола.

Ну вот. Сейчас начнётся!

Борис встал поудобней, поёрзал носками и каблуками сапог, удобней зарываясь в утопанную землю бруствера. Для меткого и сильного боя из его массивного оружия нужна не твёрдая рука, и не меткий глаз... А – уверенная и надёжная стойка!

Через пяток минут из-за длинного плоского увала в дальнем конце поля показался противник – он и правда, двигался разрозненно, поодиночке, и без какого-либо намёка на упорядоченное боевое построение.

Борис невольно прищурился, чуть поворачивая голову то влево, то вправо – чтоб лучше видеть. Да, видно теперь хорошо. Действительно, твари бегут без вот именно – строя, хаотично, и расстояние между отдельными воинами доходит до десяти шагов. Странно. И наивно: от прицельного поражения из луков такой строй, даже с рывками и прыжками бегущих в разные стороны – не спасёт! И враги не могут этого не знать. Проверяли уже. Нет, не совсем так: это их предшественники проверяли. А знает – их хозяин.

Теперь Борис думал, что хорошо, что они, то есть, армия, построили десять лет назад, после самого первого нападения обезьяноподобных, тын из пятиметровых брёвен. Выводя-

щий стремительно несущегося врага прямо к Валу. И пусть этот тын охраняет поверху всего один батальон, рассредоточенный по длинным мосткам, проходящим по всей тыльной его стороне, на метр ниже заострённых концов по всей его двухмильной длине, такой защиты вполне хватает, чтоб контролировать и пресечь попытки любого проникновения. Да и зачем бы противнику лезть под убийственный огонь, и штурмовать скользкие высоченные брёвна, если впереди открыта вся огромная равнина Ундинос: забегай – не хочу!

Но это только хитро рассчитанная их Штабом тактическая уловка: на самом-то деле, из-за увала и не видно, что узкое и кажущееся легко доступным горлышко равнины, там, в глубине, надёжно перекрыто. И тот, кто оказался зажат между руслом трёхсотфутовой глубокой и полноводной реки, и пятнадцатифутовым частоколом тына, вдруг поймёт, что оказался в бутылочном горлышке, перед отлично продуманной и организованной, и даже дублированной, линией обороны! До этого – просто невидимой!

И выход у такого нападающего теперь имеется лишь один.

Вернее – два: или отступить, пробуя прорваться к плодородным внутренним землям богатой Тарсии где-нибудь в другом месте, преодолевая густые непролазные дебри тайги, и гиблые торфяные болота, или... Или сходу ломануть вперёд, принять неравный бой, и, скорее всего, потерять если не всю, то – большую часть своих озверелых орд.

Сержант проорал, снимая наконец со спины и свой, особо

мощный, лук:

– Ждать, пока приблизятся на дистанцию поражения!
Один монстр – один стрелок! Стрелять только в тех, кто бежит прямо на тебя! Огонь по готовности!

Приказы стандартны, и можно было бы их и не отдавать – и пехотинцы и лучники и сами отлично знают, что делать. Однако всю эту привычную лабуду поспешили повторить и сержанты остальных взводов, и Борис услышал, как череда отрывистых команд, словно по цепи, передаётся всё дальше – туда, где другой фланг линии обороны надёжно перекрывает полноводный Теннор. И пакетботы адмирала.

Но вот твари и приблизились. Можно бы, конечно, приглядеться, и рассмотреть получше те мерзкие рожи, что видны теперь, отблёскивая чем-то вроде чешуи, в лучах поднявшегося уже достаточно высоко солнца. Но – зачем?!

От знания того, что из себя представляет, и как выглядит рожа мерзкой тварюги, которую нужно убить единственной стрелой, целиться удобней не станет! Поэтому с тем же успехом это может быть не лицо, а просто пятно – словно из тех, что намалёваны на тренировочных мишенях.

Борис сжал губы, наложил первую стрелу. Выдохнуть. Отодвинуть от груди лук, оттянув тетиву. Прицелиться. А теперь плавно...

Есть! Первая же тварь, в грудь которой он направил бронбойный наконечник, оказалась словно отброшена назад невидимой огромной рукой: торопливый бег прервался, и

тварь грохнулась оземь там, где стрела её и настигла: в семидесяти шагах от рва! И когда тварь перевернулась на бок, Борис чётко увидел, что стрела сделала даже больше, чем он мог рассчитывать: измазанный в крови бронебойный шести-гранный наконечник торчал из кольчуги на спине наружу на добрую ладонь!

А вот теперь, увидав, что твари и правда, очень даже легко поражаются прямо сквозь дохленькую, хоть и отблёскивающую полированными кольцами, кольчугу, принялись стрелять и остальные соратники Бориса! Твари так и посыпались на землю, словно спелые груши под осенним ветром! Борис ещё успел подумать, что очень глупо поступил тот, кто приказал им бежать разреженным строем – лучники успеют поразить так очень много «отдельных мишеней», прежде чем хоть кто-то доберётся хотя бы до первого рва. Который и выкопан для того, чтоб тот, кто бы ни преодолевал его, вынужден был бы приостанавливаться, перехватывать оружие, и карабкаться на противоположный склон-отвес, подставляя себя под огонь в эти моменты вынужденной малоподвижности...

Правда, вскоре Борису некогда стало думать над тонкостями фортификации или руководства тварями: работа пошла хоть и привычная, но очень напряжённая. Буквально за пять минут он расстрелял весь первый колчан с его тридцатью стрелами, и скинул его с плеча на землю, чтоб тут же приняться за второй. Когда через ещё десять минут закон-

чился и этот, пришлось выхватить меч, и встать в ряд. Плечом к плечу с коренастыми и ошетилившимися остриями копий в сторону второго рва, пехотинцами. Наблюдая, как из глубины этого самого второго рва уже лезут первые прораввшиеся, негромко вереща и злобно клацающая челюстями!

Оказалось, что череп у чёртовых тварей чертовски прочен! Первую же, которую Борис рубанул что было сил, прямо в лоб, не убило, а просто отбросило! Но и так получилось неплохо: потому что упав, она зацепила и прихватила с собой на дно рва двух лезших рядом тварей!

Ладно, учтём. Вторую Борис рубанул в место, где шея переходила в плечо. Ну, вернее, это место он определил, скорее, логическими размышлениями: не имелось у тварей никакой шеи, а просто голова сидела, будто прилепленная неумелым или ленивым скульптором, прямо на туловище! Но получилось тоже хорошо: кольчужная рубаха, призванная защищать торс твари от мечей и сабель, кончалась всего в двух пальцах от того места, куда пришёлся удар, перерубивший до половины эту самую условную шею!

Тварь, выпучив громадные глаза и разевая рот в совсем беззвучном теперь крике, завалилась назад, сразу потеряв способность к сопротивлению. Борис заорал:

– Бейте в шею, сразу под челюстью, и над рубахой! Шея перерубается!

Он не знал, последовали ли его совету остальные, да и услышали ли: в азарте кровавого дела все воины-люди обыч-

но и орали, и ругались, и кололи и рубили, с хрипом и присвистом втягивая воздух в разгорячённые лёгкие, и вряд ли слушали – разве что автоматически прислушивались бы к командам сержанта, реагируя на знакомый голос. Но сержант, как краем глаза успел увидеть Борис, сейчас как раз отбивался от троих особо настырных и здоровенных тварей. Подумав, Борис просто отбросил назад в ров пинком в живот очередную тварь, и быстро сделав три шага, одну из пытавшихся разделаться с его непосредственным начальником тварей поразил ударом снизу вверх – в спину, в область печени, пронзив насквозь кольчугу, что здесь явно была потоньше.

Тут уж не до «честности» или порядочности!

Тварь «поразилась», замерев на долю секунды, а потом просто шмякнувшись на землю бесформенным мешком, выронив клевец из лапы.

Ещё одну тварь пришлось ранить, наотмашь рубанув её под коленом.

Прикончил тварь сержант, к этому времени справившийся с единственной остававшейся перед ним. Однако он успел буркнуть, отдуваясь и смахивая пот с глаз:

– Капрал! Кто приказал оставить позицию?! Немедленно вернитесь! – и, чуть тише, – Спасибо!

Борис мгновенно оказался на своём месте, успев как раз к появлению над плетнём очередной головы – замечательно! Поскольку одна рука монстра была занята мечом, а другой он

цеплялся за палку плетня, Борис, присев на колено, просто перерубил шею – тварь даже не успела втянуть голову, или увернуться.

Решив, что такой способ куда лучше, чем ждать на расстоянии пяти шагов, как предписывает Устав, появления противника наверху бруствера, Борис и следующую тварь убил точно так же – благо, ничто этому не препятствовало. Когда завалил четвёртую, заметил, что и его коллеги, и другие пехотинцы на их насыпи стали делать так же, подойдя к кромке на два шага ближе. Ну правильно: Устав составляли после нападения мертвяков и первых обезьян, а у тех имелись хлысты и арканы – чтоб валить с ног, и подтаскивать к краю бруствера опрокинутых и беспомощных людей! Даже странно, что у *этих* монстров не имелось ничего, поражающего противника больше, чем с расстояния вытянутой руки. Даже копий. Непонятно, да.

Собственно, пока противник изображает из себя тупое пушечное мясо, Борис возражать не собирается! Нравится тварям гибнуть в явно неравной борьбе – пусть их!

Однако битва довольно скоро подошла к концу: твари закончились! Нет, не то, чтобы потерявшие большую часть армии враги отступили, видя бессмысленность такого нападения, они просто, вот именно – кончились! Борис больше не видел на равнине новых, несущихся к ним на убой, коренастых фигур.

Сержант проорал:

– Осмотреться в рядах! Раненные, кто ранен легко – шагом марш на перевязку в тыл! И прихватите с собой тяжело-раненных!

Этот приказ тоже был стандартным, и Борис увидел, как вдоль всей цепи редутов назад, в тыл, потянулись люди: прихрамывавшие, или согнувшиеся, держась за живот, или придерживающие руку на весу...

Что же до тяжелораненых, то таких он насчитал всего с десяток – их несли на носилках по четыре бойца. Собственно, и легкораненых имелось немного: в пределах видимости не больше сотни.

Отлично, чтоб ему провалиться!

Кавалеристам двух полков, что стоят за валом в резерве, ожидая прорвавшихся, похоже, в дело уже вступить не придётся. Не осталось пытающихся прорваться. Стало быть, и победоносной жестокой сечи с гиком и лихими присвистами, чем отличаются уланы и драгуны, не будет. Но то, что тылы кавалерия прикрывала, всё-таки как-то успокаивало и грело душу: эшелонированная оборона куда надёжней и лучше простой.

Получается, даже нападение летучих мышей нанесло людям больше ущерба: тогда от заражения крови и какой-то болезни умерло более трёхсот воинов! И ещё двести кое-как оклемались, правда, оставшись полукалеками: двигались такие пострадавшие с трудом, словно замедленно, и сражаться не могли: оружие просто не держалось в руках.

Всех их списали в запас. С полной пенсией. За отчизну же пострадали!.. И жили все такие ветераны в особых домах – для ветеранов. Где за ними ухаживали подростки и лекари. Прокорм и жильё – за счёт государства.

Но сейчас ни о каком «отравленном укусе» речи явно не шло.

Надо же. Борис сплюнул: похоже, они и правда – победили.

Впрочем, рано радоваться: наверняка посадам там, на севере, досталось куда хуже, как и тем бойцам, кто из северных гарнизонов прикрывал восточные и западные валы и регионы. Хотя тамошние укрепления и валы ничуть не меньше, чем главный. Правда, они не замаскированы, и не скрыты за естественными природными преградами – как Адриана. Поэтому врагу сразу видно, на *что* он идёт.

Потери в людях там наверняка будут. Да и урожай на северных землях, откуда твари прибежали, наверняка погиб весь...

Сняв шлем, Борис отёр пот со лба рукавом. А быстро они управились – судя по положению солнца, сейчас часов девять. Получается – за час. Может, полтора. Странно.

Но об этом он уже думал.

Впрочем, никто не поручится, что это не была, так сказать, разведка боем. Вдруг за перебитыми ордами последует набег новых: числом и вооружением побольше и получше!

Хотя в такое верится с трудом: пусть их главный враг и на-

стоящий чародей, какие-то ограничения есть и у него! Если мертвецов можно воскресить, летучих мышей – заколдовать и сделать укус – заразным, а крыс – увеличить, то вот таких, явно специализированных, и вполне себе живых монстров, нужно создать. Специально. Что долго.

Возможно, конечно, что они просто – сильно увеличенные, переделанные, обученные и заколдованные ящерицы, но...

Но даже ящериц нужно создавать. Или, что гораздо проще, откуда-то доставать – где они там водятся... Ну, или уж разводить – на какой-нибудь ферме. Или даже специальном питомнике. (Эк, куда его повело – начал задумываться над «производством» монстров!) А сейчас, получается, те, что были в этой «партии» – все готовы. Мертвы. Следовательно, какое-то время до следующего нападения у них есть.

И никто не гарантирует, что его будут осуществлять именно такие, проявившие себя, если честно, не слишком-то хорошими бойцами, монстры-переродки. Главный враг у них – изобретателен. Борис считал, и многие, как он знал, разделяют это мнение, что лорд Хлодгар не столько хочет немедленно, и любой ценой, поработить их, и захватить земли Тарсии, сколько использует их население и войска как подопытных. Проверая на них всё новые и новые средства и силы нападения. И уничтожения.

Собственно, вероятность именно этого варианта, насколько знал Борис, обсуждалась и на самом высоком уровне –

так, его знакомый лейтенант как-то в разговоре с капитаном соседнего батальона, в трактире «У рыжего коня» проговорился, что на большом Совете, в Штабе, Главкомандующий лорд Говард, настаивающий на «карательном» походе вглубь территории противника, так и сказал: «До каких пор мы будем позволять использовать себя в качестве полигона для испытания всё новых монстров?!» На что его Величество резонно ответил: «До тех самых, пока именно наши земли граничат непосредственно с территорией, оккупированной чёрным Властелином».

На это и правда – нечего было возразить. Поскольку всем остальным странам Семиречья так не «повезло». И их земли нигде не соприкасались с территорией, лет сто назад объявленной проклятым чародеем своей собственностью.

Собственно, на эти земли так и так никто не претендовал: ведь именно там до сих пор в лесах и гиблых болотах встречалась и рогатая Жаба, и Лягуха, и чудовищный двадцатиметровый питон-дракон, и лисица-перевёртыш... Да мало ли монстров и уродцев водилось на землях к северу от Тарсии – именно потому, что на них до сих пор лежало Проклятье! Ведь именно там, северней их границы, и проходили, по данным Хроник и устных преданий, основные боевые действия армий звёздно-полосатых и краснорубашечников. (Хотя кто это были, и чем отличались друг от друга, и чего именно не поделили, никто толком уже не помнил...)

И именно там Предтечи и применяли своё непонятное,

легендарное и сверхразрушительное, оружие...

Так что то, что чародей Хлодгар вообще выжил на этих заражённых и опустошённых, покрытых непроходимыми дёбрами и топями, населённых только упырями и монстрами-мутантами, землях, вообще было удивительно.

Вероятно, первые восемьдесят лет он только тем и занимался, что – вот именно старался выжить, и обустроить хоть как-то свой быт, и существование своего государства. Поэтому и не нападал ни на кого. (Счастливое, оказывается, было времечко!)

Ну а то, что он, судя по-всему, комфортно устроился, а ещё и набрался сил, и изобрёл новые заклинания, может размножать монстров в «промышленном масштабе», и теперь норовит разработать и проверить в бою оружие и армию для захвата вообще всего Семиречья – так и вообще чудо! И, возможно, нужно было действительно объединить силы с Ритонией и Парассией, и вторгнуться на территорию врага – ещё после самого первого набега. Чтоб выкорчевать с корнем Зло, что окопалось там, в Проклятых землях.

Но не выгорело.

Тогдашние короли соседних стран вполне понимали ситуацию, и не хотели рисковать.

Да и зачем?! Их вполне устраивало, что буферным государством на пути орд Хлодгара выступает Тарсия – маленькая, но независимая и гордая страна, принципиально до этого ни с какими соседями в Альянсы и Союзы не вступавшая.

И вот она: оборотная сторона их принципиального многолетнего нейтралитета.

Каждый, делающий вид, что обижен, сосед, теперь припоминает и пеняет: «А вот тогда-то мы предлагали вам объединиться для выступления против тех-то, а вы...»

Да и ладно.

Не такая у них слабая страна и Армия, чтоб, и правда – не справиться с ордами тварей своими силами! Правда, как уже из другого источника, приближённого к казначею страны, слышал Борис, на содержание этой самой армии, и кавалерии, и Флота уходит более пятидесяти процентов годового бюджета Тарсии. А доход в этот самый бюджет приносят только налоги, да торговля. Причём последняя – девять десятых всего объёма.

Лес. Мёд. (Натуральный!) Лён. Рожь: территория полей под ней – почти половина всех возделываемых земель! Овёс. Конопля.

Ну и, само-собой – броневая сталь.

Именно в коях Гленкана, сердце Тарсии, добывают руду, богатую марганцем и вольфрамом, старинными добавками к стали, делающими булат ковким и невероятно прочным! И это именно изделия из этой стали – клинки, наконечники копий и стрел, кинжалы и кирасы, и дают в бюджет львиную долю дохода от торговли!

Так что – что будет, если вдруг (Не попусти Бог!) закончатся запасы этой руды в многомильных штреках и шахтах

легендарной горы Ыбылыс, думать даже не хотелось.

Финансовая, и, соответственно, военная катастрофа.

Ну а сейчас всей их дивизии придётся всё равно сидеть здесь, на укреплениях вала, и ждать. Для начала – обеда, который обычно к полудню подвозят из Дробанта, столицы. Потому что кашевары начали готовить его в полевых кухнях тогда же, когда армия выступила. Система взаимодействия «тыл-фронт» у них работает как часы. Всё давно продумано и неоднократно опробовано – и на манёврах, и на учениях, и в боевых условиях.

Ну и, разумеется, нужно дождаться данных разведки от летучих отрядов лёгкой кавалерии, позволивших бы гарантировать, что нападающие действительно закончились, и на подходе к северным рубежам нет новых, ещё более многочисленных, орд монстров. И, следовательно, можно начинать копать групповые могилы, чтоб свалить туда трупы тварей. А затем смело отправиться домой – в казармы.

Лорд Говард почтительно поклонился, прижав правую руку со сжатым кулаком к груди. Король кивнул. Лорд Говард сказал:

– Мы получили данные разведки, ваше Величество. Новых орд, или других тварей на наших рубежах нет. Убитых монстров сейчас перетаскиваем в три места, где будут общие могилы. Подсчёт трупов ещё не закончен, но цифры, названные лордом Дилени, подтвердились достаточно хоро-

шо. Здесь их было не менее двенадцати тысяч. Те, кого убили гарнизоны, перекрывшие западное и восточные направления, составляют ещё примерно три тысячи. Их закопают прямо там, на местах сражений.

– И сколько человек им удалось...

– Профессиональных солдат и офицеров из лагерей Восточный и Западный ранено, в основном – легко, всего несколько сотен. Убито – не больше пары дюжин. Убить же из гражданского населения тварям удалось в-основном жителей посадов. Погибших фермеров и их родственников – три посада. И одна неогороженная тыном деревня. Но там жили не фермеры, а ремесленники – по большей части плотники и лесозаготовители. И, разумеется, их семьи. Всего – около полутора тысяч человек. Включая женщин, младенцев и стариков. Твари снова вырезали всех. Не разбирая. Вырезали просто всех людей. Так что в таких поселениях в живых никого не оставалось. Однако... Есть сведения, пока непроверенные, что несколько младенцев опять...

Похищено.

– Откуда вы это знаете, лорд? Догадались сами, или есть...

Свидетели?

– Так точно, сир, есть. В посаде, на который напали первым, перед самым рассветом, в Рохнаке, выжил один мужчина. Охотник.

– Пусть его приведут ко мне в палатку. – король слез с коня, небрежно кинув поводья пажу, – Что с гарнизонами

остальных наших крепостей? Северных.

– К сожалению, не все коменданты оказались столь умны и предусмотрительны, как лорд Дилени. Раненных около ста, убитых восемнадцать. Комендант крепости Олонец, выведший вопреки приказу свой гарнизон в поле, и допустивший эти потери, мной уже арестован, и сейчас сидит в подвале Олонца, в ожидании полевого суда.

Коменданты остальных приказы командования выполнили. Тварей от стен отбрасывали, но вылазок не делали.

– Понятненько. А как там валы западного и восточного лагерей? Или... Твари применяли там другую тактику?

– Валы удержаны, как я уже имел честь сообщить вашему Величеству. Монстры, ничего не выдумывая, как и здесь, пёрли, (простите за грубое слово, но оно отражает положение дел!) лавиной, прямо к укреплениям Западного и Восточного валов, словно бараны на бойню, пока тоже – просто не закончились. Там убитых тварей, по предварительным примерным подсчётам, ваше Величество, как я упоминал, до трёх тысяч.

Похоже, враг имел чёткие указания: после пересечения перешейка, где стоит Милдред, и три других наших укреплённых замка, разделить основные силы на три подразделения. Действующие каждое – в своём направлении. Одно и правда – пыталось обойти нас с востока, другое – с запада. А третье, самое многочисленное, всей массой устремилось в центральные, самые густонаселённые и плодородные, рай-

оны нашей страны. Устремилось, как мы и думали, по главным дорогам.

– Пятнадцать тысяч тварей. Цена – полторы тысячи земледельцев и ремесленников. Сорок убитых солдат. Три сотни раненных. Печально, конечно. Но, в-принципе, не так плохо, особенно, если учесть наши людские потери в предыдущих кампаниях. Ладно, я у себя. – король кивнул, и прошёл в королевскую палатку, разбитую тут же, прямо на опушке леса Ривендорлл, у кургана Айзенаха, главного и самого высокого холма знаменитой Дусерской равнины, где конница и пехота Тарсии столь успешно на этот раз встретили основные силы новой армии Хлодгара. Лорд Говард видел, что король сердит и недоволен, поскольку думает, что потери среди гражданских поистине чудовищны на самом деле, и заселить вырезанные посадки теперь проблематично. Если сказать мягко.

– Слушаю, сир! – собственно, лорд Говард и не сомневался, что король захочет лично допросить выжившего, поэтому Марата часа три назад просто привезли к лагерю. На телеге. Поскольку ходить он ещё не мог: охотника мутило, кружилась голова, и ноги не держали. Поэтому лорд Говард отрядил на работу с контуженным личного лекаря.

Повернувшись к дежурному ординарцу, лорд Говард буркнул:

– Сержант Перри. Проверьте, может ли уже этот охотник, Марат, сам ходить. Если нет – доведите его верхом к палатке его Величества. Сир Ватель должен поговорить с этим че-

ловеком. Марат сейчас находится в лазарете кордегардии, у моего личного лекаря.

Сержант, откозыряв, и сообщив, что приказ понял, погнал коня к самой большой палатке, где армейские лекари пользовали, а точнее, уже закончили «обрабатывать» всех раненных – благо, в этот раз их оказалось немного. Лорд Говард слез с Ястреба, и пешком довёл до своей палатки. Где и передал повод выскочившему на его окрик пажу.

После чего вошёл, откинув полог привычного походного жилища, и окинул его внутренность вполне удовлетворённым взором.

Отлично. Вот что значит – тренировки и сноровка строительного подразделения. Установлена чуть на пригорке, так что если пойдёт дождь – не затопит. Все стены и крыша натянуты равномерно. Все углы прямые. Кровать...

Кровать уже подготовлена ко сну. Но он ещё не собирается спать.

Нужно кое-что сделать. В частности, описать для своего преемника и последующих поколений ход состоявшегося утром сражения.

Потому что кому как лучше всех виден этот самый ход, как не Главнокомандующему, расположившемуся на самом удобном и высоком холме – кургане Айзенаха – над равниной Ундинос, по которой, как и предполагали они со Штабом и его Величеством, и проследуют в попытках прорваться в страну, основные силы орд очередных монстров. Так что

нужно это сделать хотя бы для того, чтоб зафиксировать прецедент. И дать возможность и себе осмыслить и переосмыслить, и будущим командующим армией, да и главнокомандующим, оценить: что было сделано верно и вовремя, а с чем они... Напортачили.

А напортачили она сегодня, к счастью, только с обозом.

Не успели его возницы выстроить телеги в защитное кольцо. Вот и прорвались твари внутрь, да порубили и поколотили приличную часть маркитанток и торговцев! Ну, вернее, не столь уж много, но человек двадцать точно пострадало: у них в Тарсии такие торговцы, да и женщины-профессионалки, что в обиду себя уж точно не дадут. Даже тренированным подвыпившим распоясавшимся воинам – не то, что каким-то там вшивеньким полунемым тварям!..

Вот это и нужно описать. И то, как эффективны оказались стрелы с бронебойными наконечниками – хорошо, что они, наплевав на трудоёмкость изготовления, их стоимость, и сложности с доставкой особой, легированной, руды из рудников горы Ыбылыс, форсировали производство, и снабдили этими самыми наконечниками всех штатных лучников. Для *полного* боекомплекта стрел. И оснастили всю пехоту – бронебойными наконечниками копий.

Дохлаенькие кольчужки, что имелись на тварях, совершенно не защищали тех от тренированных сильных рук с этими самыми копьями, и от стрел, выпущенных из тугих армейских луков. А уж про щиты врага... Лорд Говард до сих

пор недоумевал: как это враг решил оснастить своё (И очень немаленькое, надо признать!) войско столь дохленькими щитами! Ведь даже стрелы землепашцев, по словам этого, как бишь его... Марата, легко пробивали и эти щиты, и кольчуги...

Да, странно.

Но работать надо.

Лорд сел за стол, бумага и перо с чернильницей уже ожидали – молодец паж Бахром. Даром, что денщик в третьем поколении – лорду Говарду служил ещё дед этого мальчика, Алишер. Уж он описал и Бахрому, и его отцу Рашиду, павшему, к сожалению, еще в полном расцвете лет от зубов проклятых мышей, какими привычками и традициями отягощён лорд Главнокомандующий, можно сказать, с детства, а какие, включая неизбежное старческое брюзжание, проявились лишь к старости... И что уставший лорд Говард обычно делает, вернувшись после очередного сражения.

Пишет!

Иногда лорд Говард даже подумывал о написании мемуаров – а что? Материала у него для этого сколько угодно! Ведь когда он сам перечитывает то, что записывал, пусть в сухих и точных, казённых, как любил приколоть «мемуариста» его «любимый» племянник, формулировках, о ходе битв и маневров, поневоле всплывали и сопутствующие этим делам обстоятельства.

Например, когда он перечитывал главу о битве с огром-

ными крысами в день осеннего равноденствия, само-собой всплывало воспоминание о том, что биться пришлось и вечером, и почти всю ночь. А крысы жутко воняли мокрой шерстью – шёл дождь! – и верещали: душераздирающим визгом, словно кто-то водит миллиардом иголок по миллиону оконных стёкол, казалось, было пронизано всё: и леса, и поля, и даже кольцо обоза, куда тогда телеги установили как надо. Многих тогда покусали только оттого, что пытались ещё и уши затыкать – от душераздирающего визга-скрипа жутко болели уши и голова!..

А ещё запомнилось, что котлована, вырытого для закапывания тушек убитых, не хватило – трупы всё скидывали и скидывали, а они всё не кончались и не кончались, поскольку их подносили и пехотинцы, и подвозили всадники кавалерии – волоча иногда по десять за раз, привязанных за мощные голые хвосты.

Пришлось тогда выкопать новую яму, чтоб слой земли, которым засыпали вонючих тварей, был не меньше шести футов...

Ещё лорду вспоминалось, при чтении, скажем, записей о нападении летучих мышей, что ночи тогда как нарочно – стояли жаркие и влажные. Люди, бившиеся с напастью, задыхались, пот заливал глаза, рукоятки оружия выскальзывали из ладоней... И он даже записал крамольную мысль: не овладел ли их исконный враг тонкостями управления погодой?!..

Но довольно рассусоливания. Нужно работать.

Он макнул перо в чернила:

«Голуби с посланием лорда Дилени о нападении на Милдред новых тварей лорда Хлодгара прибыли в половине четвёртого ночи. Заседание Совета Штаба состоялось через пятнадцать минут, и обсуждение плана действий длилось не более получаса. На сборы пехоты и лучников ушло менее часа. Выступили из замка в пять, когда уже начало светать. Пехота направилась на равнину Ундинос, куда добежала форсированным марш-броском за час, когда уже рассвело. Кавалерия заняла позиции в лесах Чернореченском и Росселя, соответственно в миле и полумиле за валом Адриана.

Первые отдельные воины противника стали появляться ближе к семи – когда уже солнце стояло высоко. Позиции наших войск как всегда позволяли встречать врага, бегущего с северо-западной стороны, так, что восходящее солнце светило им в глаза, мешая и ослепляя. В этом смысле расчёт средней скорости бега тварей и время их прибытия на равнину оказался верен.

Первых, единичных, тварей, бегущих напролом, лучники по нашему приказу встретили стрелами, выжидая подхода основных сил врага. Продолжали лучники выкашивать живую силу противника и когда тварей стало больше. И так происходило, пока не закончился двойной запас бронебойных стрел. Эффективность армейских луков и новой формы бронебойных наконечников в виде шестигранников ещё раз доказала их полную адекватность и действенность на дистан-

ции менее пятидесяти шагов даже против пассивных средств личной защиты в виде кольчуг и лёгких щитов.

Впрочем, по поводу «подхода главных сил»: нельзя сказать, что основные силы противника оказались как-то особо отделены от авангарда – нет, просто немного увеличилась плотность набегающей массы его пехоты. Но так могло получиться само-собой, как если бы впереди прибежали самые быстрые и выносливые, а основная, средняя, масса, просто не могла бегать столь быстро.

Так же необычным было и то, что не имелось и привычного арьергарда.

Да и вообще: твари бежали не в строю, а так, словно каждая – сама по себе! Я бы назвал такой строй – рассыпавшейся цепью. Вернее – шеренгами, рассыпавшимися и бегущими без определённого интервала, несколькими десятками, или, скорее, сотнями, таких цепей. Однако очень быстро число выбежавших на равнину воинов противника стало настолько большим, что лучникам оказалось трудно справляться, часть прорвалась сквозь оба рва, и в дело вступила пехота.

Лучники до того, как окончились стрелы, огонь вели прицельный, прямой наводкой. Примерно половина из общего числа нападавших оказались убиты в первые же полчаса – стрелами. Остальные, почему-то не имевшие ни фашинов, ни мостков, начали поодиночке, неорганизованно, штурмовать траншеи – невзирая на чудовищные потери, и чисто технические трудности. Создавалось такое впечатление, что сами

твари не особенно хорошо понимают, что или кто их гонит вперёд, и что им грозит – они просто слепо повиновались чьему-то приказу, даже не осознавая, что их начальство просто использует их как слепое и тупое пушечное мясо! (Вот, кстати, важный момент – как раз насчёт интеллектуальных и боевых возможностей и способностей новых тварей. Похоже, лорду Хлодгару не удалось научить их владению более сложным оружием, типа луков или копий. Ну, или этого не позволяло сделать устройство их странных рук-лап.)

За полтора часа наши бойцы справились со всеми нападавшими, фактически не пропустив их через вал Адриана. Кавалерии так и не пришлось вступать в бой.

Потери противника по самым скромным оценкам только у вала Адриана составили более двенадцати тысяч.

«... я понял, что это она из-за обезвоживания так ослабла. Даже мычала и стонала с трудом. А уж двигаться!..

Когда развязал, она буквально рукой пошевелить не могла! Ну правильно: бедняжке за эти двое суток пришлось капитально попотеть! Да и не больно-то пошевелишь руками, вывернутыми из плечевых суставов! (Ха-ха.)

Теперь, когда ворочал её, словно тряпичную куклу, вместо звуков изо рта доносилось только что-то вроде хрипов. А полуприкрытые слипшиеся от гноя глаза вообще не фокусировались.

Блин. Ушла, стало быть, девушка «в себя».

Не-ет, мне обессилевшая и отупевшая до полубеспамя-
тства равнодушная кукла не нужна. Она должна быть в *пол-
ном* сознании. И *ощущать* всё происходящее с ней. Чтоб уж
мне заметна была её ответная реакция.

Поэтому когда привязал её к станку, даже дал попить –
о, как она жадно глотала! Но я знал, что много сразу давать
нельзя – всё просто выйдет с тут же выступившими бисерин-
ками пота. Поэтому позволил ей не больше стакана. Чтоб
хоть как-то привести в сознание, даже дал отлежаться. Ну,
минут пять. После чего влил ей ещё полстакана. А через ещё
пять – и ещё полстакана. Ну и ещё чуть-чуть.

Нормально. Глазки прояснились, и в них снова возник-
ла ненависть. И страх. Я оказался настолько «добр», что да-
же прочистил ей уголки глазниц – убрал кончиком носового
платка желтоватую плёнку и комочки гноя. Промыл и водой.
Глазки заблестели. А ротик оскалился – белые зубки пока
при ней, и один раз она даже чуть было не подловила меня:
еле успел отдёрнуть пальцы!

Посмеялся, конечно, но ей даже не попенял – пускай её
делает, что хочет.

Ну хорошо. В себя она явно пришла. Всё, стало быть,
вспомнила и понимает. Ситуацию оценивает правильно. Те-
перь сможет реагировать. Адекватно. И кричать, а не хри-
петь. Причём кричать уж так – чтоб аж мороз по коже!

Впрочем – нечего эту козу баловать: кроме самой обыч-
ной воды из кувшина, который висел тут же, в подвале, вне

пределов её досягаемости, видимый ей, но недоступный, ничего ей больше не дал. Руки, вывернутые на дыбе из суставов, я вправлять обратно не стал – зачем?! А в таком состоянии их кисти очень даже хорошо привязались к плоским поперечинам станка: я тщательно притянул к доскам каждый её пикантный крохотный пальчик с накрашенными по последней моде маникюром ноготками. Разумеется, не забыл и ремни у локтей и плеч. Затем притянул поплотней и ремень на талии, и ремни, проходящие по суставам у её обворожительно пикантных бёдер, у промежности – а она, оказывается, успела неплохо похудеть за эти двое суток! Готов поспорить обо что угодно, что если б теперь на неё нацепили корсет, он свободно затянулся бы до самых последних дырочек: семнадцать дюймов в объёме! Вот была бы фигура... Но ей она уже не понадобится, поскольку я не планирую позволить ей выжить! (Ха-ха – два.)

Проверил я и то, как закреплены и раздвинуты её ноги: отличная горизонтальная растяжка, каждую ножку тянет за щиколотку от станка к стене груз почти в двести фунтов. Что ни говорите, а гипертрофированно широко раздвинутые и надёжно зафиксированные женские ножки – очень даже возбуждают! Похоже, мы все это осознаём, сознательно, или бессознательно, (Иначе как же объяснить непреодолимую тягу всей нормальной составляющей мужской половины человечества, у кого ещё не на «полшестого», к древнейшему искусству, сейчас запрещённому Конклавом: к Бале-

ту!) но только избранные, вроде меня, применяют средства для достижения этого на практике!

Всё закреплено и растянуто отменно, и боюсь теперь только одного: как бы бёдра не вывернулись из суставов! Аристократка же, мать её за ногу – ноги не тренированы ходьбой или работой, а, значит, и суставы слабоваты.

Зато длинные стройные ножки раздвинулись – воистину шикарно!

Ну, готова моя голубка к дальнейшим экзекуциям!

Да и хватит отдыхать и отлынивать: вся ночь была в её распоряжении. А уж если ей не удалось удобно расположиться, (Ха-ха – три. Как бы она «расположилась» – связанная-то?!) или выспаться на холодном и жёстком каменном полу – это не моя проблема!

Похлестал её для разминки плетью-семихвосткой. Бил несильно, но в-основном – в область нежной внутренней поверхности бёдер, и в промежность: пусть-ка её нежные губки и куночка опухнут, чтоб оказать мне более сильное сопротивление! Леди вполне очухалась, и уж будьте уверены: и кричала, и визжала, и проклинала меня – заткнуть бы уши, которые сворачивались в трубочку от тех выражений, что эта благородная особа, оказывается, знает! Но, если честно, зря она орала: я бил не в полную силу. Так, чтоб оставались лишь синяки и рубцы: то есть, на тянул плети вниз, а просто ударял. Не хотел, чтоб она мне всё моё «прокрустово ложе» кровью из открытых ран на нежной коже забрызгала. Или меня

испачкала – я брезглив.

Ну вот, десяти минут «обработки» хватит. Пока у неё там, в «обработанных» местах, всё горит и саднит, можно переходить и к нормальным пыткам.

Начать основную часть программы я решил с гвоздей, потому что угли в жаровне как раз разгорелись как надо: до красного каления.

Гвозди у меня тонкие, но длинные: почти по два дюйма.

Входят всегда с восхитительным шипением и «аппетитным» запахом жаренного мяса! Как не вспомнить барбекю, или шашлыки...

Так было и на этот раз: когда засовывал клещами самый первый ей под наманикюренный ноготок мизинца, она уж так орала, так орала – я сразу понял, что вода глотку промочила как положено! У меня даже в низу живота засвербило – не то от страха, не то от вожделения! А уж умоляла – так унижаться себе не позволяли даже простолюдинки! Нет, некоторые, конечно, ломались быстро, и готовы были меня в задний проход целовать, только бы я прекратил их мучения, но попадались и такие... Стойкие. Духом.

Эти и проклинали меня, и костерили на чём свет стоит – я даже некоторые, особо цветистые, обороты, записывал – чтоб вставить при случае в эти чёртовы мемуары.

Одна так вообще не сдалась до самой смерти – и вы бы видали её посмертный оскал. И, конечно, остекленевшие и широко распахнутые глаза!..

Даже у меня прямо кровь стыла в жилах – сколько бывает ненависти и гнева в человеческом взоре! Впечатлила. Неприятно. (Хотя, с другой стороны, чего я ждал? Благодарности? Вот именно – три ха-ха.)

Но эта – сдалась практически сразу. А ещё носит гордое звание леди в двенадцатом поколении! Только позорит, на мой взгляд, наше гордое сословие!

Однако её вопли и визги не помешали мне методично и уверенно загнать все остальные девять раскалённых гвоздей из первой партии на полную длину под её изящные ноготки – извиваться-то она могла сколько душевнышке угодно, да только себе же хуже делала, ставя новые синяки, уже на рёбрах: я выдвинул штыри из ложа станка на полдюйма.

Маникюр на «обработанных» ногтях сразу выгорел. Дама изволила потерять сознание на, кажется, девятом ногте.

Ладно, пусть пока отдохнёт: остальные сорок гвоздей я загоню, когда очухается, и я справлю, так сказать, свою похоть. А то я как-то чрезмерно возбуждился – плоть только что не звенит!

Но вначале...

Сунул я ей под нос склянку с их дурацкими женскими солями, которые, на мой вкус, больше отдают самой обычной мочой, да и подержал, пока не зачихала и не завертела головкой. Зрачки, закатившиеся под верхние веки, вернулись назад, куда им положено.

Привет, голубка! Думаю, ты как раз готова. К приёму мо-

его красноголового воина. Чтоб порадовать её, я даже достал его, и продемонстрировал: все девять дюймов.

Подошёл я туда, где край станка открывает доступ к её маленькой, конвульсивно начавшей дёргаться и сжиматься, кошечке, и...»

Щелчок ключа и лязганье засовов двери заставили лорда Юркисса отложить перо.

Всё правильно: в проёме двери, набранной из мощных, трёхдюймовых дубовых досок, ещё и окованных на всякий случай с внутренней стороны медными листами, возникла фигура лорда Говарда. А, собственно, кого же ещё лорду Юркиссу ожидать?!

Дверь за вошедшим закрылась, вновь загрели засовы. В окошечке нарисовалась настороженно-озабоченная физиономия дежурного офицера: похоже, сегодня это лейтенант Стиг Сидорссон. Да и ладно. Всё равно то, что они с гостем будут говорить друг другу, останется тайной: смотреть можно сколько угодно, слышать нельзя – окошечко забрано старинным бронебойным стеклом. Секрет изготовления которого давно утрачен, но небольшая партия ещё тщательно берегается в секретных арсеналах в подвалах Клауда.

– Лорд Юркисс.

– Лорд Говард.

Настороженное молчание лорд Юркисс прерывать не торопился: это его посетителю что-то от него надо. Вот пусть и

потеет, и играет желваками на скулах, думая, как бы полочеe начать явно неприятный разговор!

А то, что разговор будет неприятным, лорд Юркисс понял сразу. Потому что не было ни единого случая, чтоб лорд Говард пришёл просто поболтать. Или уж, тем более – поблагодарить за услуги Отечеству.

Нет, ему всегда чего-то было надо от лорда Юркисса. Собственно, каждый раз только одного. Совета.

Опять, значит, лорд Хлодгар предпринял очередное нападение.

Оно отражено – иначе его освобождали бы победители! – но у армии явно имеются проблемы. С которыми самим бравым воякам не справиться – попал, стало быть, в глубокую задницу их великоумный Штаб.

Как и всегда, впрочем, когда речь идёт о нынешнем владельце и повелителе Проклятых Земель...

Вот и хорошо. Для него. Выпустить его отсюда, конечно, не выпустят, (Единственная гарантия от его побега!) но поторговаться вполне себе можно. Вдруг удастся ещё какие льготы и привилегии заполучить!

Потому что хоть камера – вернее, три совмещённые камеры! – у него и просторная, и удобная, и тёплая, но как-то скучновато здесь, в трёх десятках футов ниже поверхности земли, вдали даже от камер остальных узников королевского замка!

Лорд Говард между тем, явно всё ещё думая, как начать,

подошёл к столу, не выходя из-за которого лорд Юркисс и встречал его, снова опустившись в любимое кресло из серого ореха. Садиться в кресло для посетителей, стоящее напротив, лорд Говард пока не спешил. А лорд Юркисс ему и не предлагал. Положение не обязывает.

Лорд Говард наконец разлепил рот:

– Смотрю, ты всё ещё работаешь над своими мемуарами? – они не утруждали себя обращением на «вы», поскольку знали друг друга чуть не с рождения, а иногда в детстве и играли вместе...

– Да. – Юркисс не стал вдаваться в подробности, просто ожидая.

– Неужели ты и правда думаешь, что кто-то кроме тебя будет их читать?

– Разумеется. Могу поспорить на свой годовой запас орехов кешью, что ты первый и будешь. И не только и не столько из любопытства. (Хотя бы, например, потому, что третья из описываемых мной жертв ну *очень* походит на твою жену, Розамунду. В молодости, разумеется. Девяносто-пятьдесят-девяносто. Ангельский лик. Гибкий стан, грация домашней кошечки. Милая улыбка, полный ротик белоснежных маленьких зубочков. Ну и так далее. А уж голос: «Милый! Нас свела сама судьба!..») А потом, прочитав, даже прикажешь снять с них рукописную копию. И не одну. И будешь продавать за немалые деньги старикам вроде тебя. Озабоченным, но утратившим былую... Силу. И возможность. Для то-

го, чтоб чтение *этого*, – лорд Юркисс небрежно сделал жест холёной кистью, – этой, как ты её именуешь, похабщины, и яркого и натуралистичного описания мерзких извращений и пыток, хоть на краткий миг вернуло им ощущение своей мужской... Состоятельности! Чтоб то, что у них в штанах – зашевелилось и воспряло, как в лучшие годы. И чтоб, может быть, даже попробовать после чтения – ...!

А дело всё в том, что в каждом из вас, аристократов с... ных, живу маленький, и запятанный в самую потаённую щелку души, гнусный Я! И все вы втайне мечтаете сделать, или хотя бы прочесть, как другие сделали это... Даже ты.

Со старой и расплывшейся в бесформенную ворчливую кучу, до дрожи обрыдшей женой. С вожделенной, молодой и фигуристой, но недоступной женой соседа. С... маленькими девочками... Тельце которых ещё не налилось упругой плотью и не приобрело должных форм, но уже так и манит запретностью девственности и молодости... А мозг, понимающий, что этому телу немного осталось шалить и радовать хозяина, и уставший от приевшейся однообразной процедуры секса с женой, так и хочет чего-то новенького, изошрённо-возбуждающего... Да мало ли какие фантазии хочется терпящему силу и кондиции аристократу вопло...

– Заткнись, ты, садист доморощенный! – лицо лорда Говарда уже после упоминания имени его жены пошло красными пятнами, и по мере того, как рот лорда Юркисса извергал всё новые и новые фразы, покрылось бусинками пота, –

Ты знаешь – я не такой! И как только ты сдохнешь, прикажу просто сжечь все твои так называемые «записочки»!..

– Я, конечно, могу и замолчать, Говард. Но тот пошленький и циничный голосок, что шепчет тебе ночью в ушко нежнейшими устами, особенно после очередного, устроенного осточертевшей и обрюзгшей женой беспричинного скандала, не замолчит никогда!

И ты всё равно прочтёшь!

Хотя бы из любопытства. И желания знать – где та тончайшая грань, что отделяет трусливого лицемера, воображающего себе всё то, что я проделывал, лишь в собственном мозгу, лёжа в постели перед тем, как заснуть, от смельчака, честно признавшегося себе в том, чего он хочет *на самом деле*. И даже осуществившего свою мечту, наплевав на правила и условности так называемого цивилизованного-культурного, гуманистического Общества. Храбреца, воплотившего *в действия* свои, как ты и твои ублюдки-ханжи судьи это называете – изошрённые и гнусные эротические фантазии!

– Если б ты, сволочь поганая, – по учащённому дыханию, ставшему буквально бардовым, лицу, расширившимся во всю радужку зрачкам, и шипящему и плюющемуся слюной рту лорд Юркисс понял, что стрела снова попала в цель! – не был моим дядей, давно бы твоя голова красовалась на колу в ряду остальных, у Ратуши!

– Не нужно брызгать на меня слюной. Если б я, дорогой племянник, не был твоим дядей, возможно, моя голова и

правда – красовалась бы там. Но!

Если б не было меня, и ты и твой король не понимали, что умнее советчика у вас ещё не было, да и вряд ли будет, давно бы вы про...рали свою Тарсию! А враг останавливаться не собирается. И вам нужна моя помощь и советы. И только *это* в данный миг и имеет значение!

Вспомни-ка: кто надоумил вас построить двухмильный пятнадцатифутовый тын? А вырыть два новых, малых, вала – на западном и восточном направлениях? А подлатать, хотя бы вчерне, вал Адриана? А бронебойные стрелы? Экспорт которых даёт вам сейчас львиную долю бюджета. А увеличение втрое числа лучников-профессионалов за счёт уменьшения числа пехоты? А...

Впрочем, перечислять смысла нет – ты сам отлично знаешь, чем обязана *мне* Тарсия. И если б не мои маленькие слабости, и не эта, последняя, «высокородная» дура, скорее всего это *я* сидел бы сейчас на троне вместо этого идиота-рубачи, а *ты* униженно и согнувшись в три погибели в почтительном поклоне, выслушивал бы *мои* приказы! – горящие диким и поистине нечеловеческим фанатизмом глаза дяди сказали лорду Говарду, что их обладатель и правда свято верит, что такое могло бы произойти!

Не-ет, он точно – сумасшедший!

Впрочем, он не просто сумасшедший. Он – особо умный сумасшедший. Можно даже сказать – умнейший в Тарсии. Да и во всём Семиречьи, вероятней всего.

И иногда у лорда Говарда и правда – мелькала шальная мысль, что не покусись однажды лорд Юркисс на урождённую аристократку для удовлетворения своих «маленьких прихотей», всё это варварство и правда, могло сойти (Как сходило до тех пор!) ему с рук. А когда он натешился бы с бедняжками-крестьянками вдоволь, и утоление его ненасытного либидо отошло бы на второй план в силу возраста, дядя и правда – мог решить, что пора переходить и к развлечениям посерьёзней. Играм, так сказать, для взрослых.

Политике.

Например, к устранению правящей династии, и узурпации власти.

А прав он в одном: такого трезвого, изошрённого, коварного, и расчётливого мозга не имелось больше ни у кого в теперешнем окружении лорда Говарда и короля!

И тут приходилось только недоумевать: то ли аналитический мозг этого изверга так чётко работает оттого, что излишне жесток и изошрён, то ли он настолько жесток и изошрён оттого, что так работает!

Но в любом случае, оскорбляя дядю, лорд Говард не добьётся от него того, за чем пришёл. Совета.

И лорд Говард отлично знал, что и дядя это отлично понимает.

Но вот с узника и «скатило»: глаза сузились до привычных размеров, и сталь из голоса пропала. А появились там вкрадчивые и словно бархатистые обертоны:

– Ты знаешь, и я знаю, что не оскорблять меня ты сюда явился. Выкладывай уж.

– Да, лорд Юркисс. Прошу вас, – в моменты смущения лорд Говард невольно переходил на «вы», – простить мне... мою вспышку. Она... Словом, это было глупо.

– Нет, это было эмоционально. Да ты и не виноват – это я тебя спровоцировал. Хотел убедиться, что управлять вами, обычными смертными, всё ещё достаточно просто.

Да и пошутил я – не похожа была ни одна из моих подопечных, – кривая усмешка исказила тонкий благородный рот, – на твою Розамунду. Ладно – к делу.

– Хорошо... Так вот. Позавчера на нас снова напали орды Хлодгара. Они...

Лорд Говард замолчал было, видя, что дядя только чуть кивнул, наверняка уже и сам догадавшись, что дело именно в этом, но продолжил, только опустившись в кресло:

– Новые твари. Выглядят... – он поспешил поправиться, – Вернее, выглядели, примерно так...

Пока лорд Говард описывал внешний вид тварей и их боевые возможности, и рассказывал про перипетии нападения, поджога полей, предотвращение возможностей флангового прорыва, и скоротечность генерального сражения, которое правильнее было бы назвать просто избиением, лорд Юркисс позволил себе вытянуть под столом ноги, и сладко потянуться всем телом. При этом он ещё и рассматривал свои тонкие изящные кисти, и любовался ухоженными и аккуратно

остриженными ногтями. Лорда Говарда это, конечно, отвлекло и заделало – не принято так себя вести в аристократическом обществе! – но дядя недвусмысленно намекал, да и простыми крестьянскими словами ему и прямо говорил, что раз уж они вы...здили его из этого самого «цивилизованного» Общества, то и его условности и морали его не касаются.

Собственно, и никогда не касались.

Он – выше этого.

Лорд Говард считал это манией величия, поскольку дядя и сам это почти так и называл. «Гений имеет право действовать и думать не так, как требует мораль серого стада баранов! Каковыми вы все, собственно, и являетесь, танцуя под дудку Конклава!»

Дождавшись, пока племянник закончит, и убедившись, что тот кивнул: «Вот, вроде, и всё», лорд Юркисс окинул взором свою гостиную камеру, как он любил её называть.

– У меня на северной стене недостаточно тёплый ковёр. Сырость проникает. Сквозняк тянет по ногам. Да и тот, что под ногами – поистёрся. Заменить бы.

– Но вы же ещё не знаете, что мы хотим спросить, лорд Юркисс! А уже начали торговаться!

– Не-ет, это я ещё не начал торговаться. Это я вам сейчас предлагаю совершить акт, так сказать, доброй воли. И помочь немощному старику справиться с застарелым радикализмом. А за совет, как вам сейчас поступить, я потребую каждый вторник подавать мне на обед с обычным меню ещё

и чашку чёрной икры. И – не какую-нибудь крошечную, а вот такую. – лорд Юркисс показал руками, какую именно чашку ему нужно подавать, – Большого размера тоже не надо, а то от солёного у меня начинает чесаться конец. И по четвергам пусть мне дают на ужин не рыбу с картофельным пюре, а – курицу с картофельным пюре.

– Но дядя, курица же вам противопоказана – она повышает давление!

– Ах, не будем об этом. – дядя так небрежно махнул кистью, что стало понятно, что он ни в грош не ставит предписания королевского лекаря, осматривающего и при необходимости пользующего его каждый понедельник, – После того, как сто сорок лет назад разбился последний прибор для измерения этого самого давления, и ртуть впиталась в щели между камнями пола Клауда, все эти разговоры о давлении имеют чисто академический интерес. И являются банальной демагогией. Померить-то его – всё равно нечем! Хотя эти дебилы, королевские лекаря, свято верят в эту сказочку, и продолжают вешать другим наивным дебилам эту лапшу на уши: «Нельзя есть много жаренного – давление!..»

А теперь, как я уже сказал – к делу. – переход и смена тона оказались настолько резки, что лорд Говард невольно вздрогнул.

– Я отлично понял, что вас сейчас мучает два основных вопроса. Первый: почему враг натравил на вас столь плохо подготовленных, хоть и весьма ретивых и многочисленных,

тварей. И второй: чего вам ждать теперь, и что, соответственно, следует сделать. Чтоб лучше подготовиться к следующему нападению. Которое, без сомнения, последует.

Я могу, конечно, высказать прямо сейчас свои предположения и гипотезы по этим вопросам. Но они... Как бы это получше сформулировать... будут основаны не на фактах, а на моих домыслах. Которые в свою очередь будут основаны на косвенных уликах и информации из вторых и третьих рук. – лорд Юркисс снова посмотрел племяннику прямо в глаза своим тяжёлым и проникавшим, казалось, прямо в душу, взором. Затем откинулся на спинку, – Для того, чтоб моя уверенность в правильности моих вам предложений была крепче, мне нужны две вещи. Первая. Рисунок, желательное, выполненный профессионалом, такой твари. Второе. Разговор с этим... Как ты его там назвал? А-а, да – Маратом. Личный.

Мысль понятна?

– Вполне. – лорд Говард вздохнул посвободней. Похоже, проблема не явилась для цепкого аналитического ума лорда Юркисса слишком уж сложной, раз его требования столь «скромны». Ну а кроме того, похоже, ему стало и просто – любопытно.

– Отлично. Тогда – давай. – лорд Юркисс протянул руку.

Лорд Говард почувствовал, как вспыхнули уши, да и предательский румянец наверняка залил всё лицо, но, раскрыв рот, сказать всё же ничего не успел.

– Нет, *настолько* я не прозорлив, – предупредивший его естественный вопрос хозяин подземелья позволил себе очередную кривую усмешку, – Просто кончик этого рисунка промелькнул, когда ты сел, выглянув из твоего правого кармана. Значит, лорд Дилени не разочаровал меня. Думаю, ему будет приятно, если я попрошу тебя передать ему мои поздравления. И благодарность. За предусмотрительность.

– Х-хорошо, дядя. Я непременно... – лорд Говард перевёл дыхание, стараясь только, чтоб это было не так заметно. Дядя всё ещё поражал его, – Передам.

Некоторое время лорд Юркисс не без хитринки в кончике глаза буравил взором лицо племянника. Затем вздохнул:

– Нет. Ты побоишься. Навлечь на бедолагу королевскую немилость. Ведь ваш теперешний король – просто безмозглый рубака. Ну и породистый кобель, само-собой. Старающийся, впрочем, следовать традициям. Что, завалил он уже леди Рашель?

На этот раз лорд подумал, что не покраснеет, от – во-первых, вульгарности слов, а во-вторых, от прозорливости, но дядя и без этого прекрасно всё увидел: по поджатым и невольно прикушенным изнутри губам, как слишком поздно догадался лорд Говард:

– Ага. Вижу, завалил. Ну ничего. Она женщина – как и я. В-смысле, тоже неглупая и практичная. Пропать вашему сиру Вателю не даст. Как, впрочем, и королева. Рад, что наш «крутой мачо в короне» в столь хороших руках. Но давай же

наконец рисунок.

Рисунок лорд Юркисс долго вертел в руках, то приближая, то отдаляя от лица, и поворачивая разными сторонами к свету канделябра, стоявшего тут же, на столе. Буркнул:

– Вромберг, что ли?..

– Да. – лорд Говард не стал уточнять, что придворного живописца пришлось чуть не силком везти на место, и потом не выпускать из сырого и промозглого подземелья с ледником, пока качество угольного, а затем и перьевого наброска не удовлетворило лорда Говарда.

– Значит, говоришь, оставленные на воздухе трупы разложились к утру?

– Да.

– Превратившись в «лужи серо-зелёного цвета»?

– Да. – от воспоминаний у лорда Говарда до сих пор мурашки шли по коже от отвращения, и омерзительнейший запах, будто от гниющих внутренностей рыбы, словно опять возникал в ноздрях, вызывая невольные позывы к рвоте. Но с чего бы это лорда Юркисса заинтересовали...

– Да, заинтересовали. Это представляется мне очень важным. Хоть один из вас, идиотов брезгливых, догадался разворошить эти кучи, и поглядеть, нет ли там чего интересного – например, костей, – на каждый вопрос лорд Говард только отрицательно мотал головой, – Хрящей? Ногтей, или, лучше сказать – когтей? Зубов? Веток деревьев?

Ну, говорю же – идиоты. – лорд позволил себе раздражён-

но сплюнуть в угол, – Приказав сгрести лопатами в выкопанные могилы все эти «лужи» вы лишились главного. Возможности узнать, из чего Хлодгар слепил этих монстров! Если лепил. Ну, или создал, если пользоваться привычным тебе словом. Исходный материал, или какие-то уже существующие организмы, принятые за таковой, крайне важен. Потому что от того, насколько он доступен, зависит время, когда состоится новое нападение. Мысль понятна?

Лорду Говарду пришлось снова сглотнуть: мысль сейчас, когда её озвучил дядя, казалась естественной и понятной, но как это они сами до этого не...

Но почему дядя спросил про... Ветки деревьев?!

– Понятна.

– Бреешь, как сивый мерин. И пытаешься изо всех сил дотумкать, почему я спросил про ветки деревьев. А мог бы и про, скажем, траву. Или – глину. Да мало ли... Но теперь, когда у нас в руках остались лишь три трупа, предусмотрительно сохранённые лордом Дилени, проверять уже ничего нельзя. Эти трупы понадобятся нам для другого.

– Для чего же?

– Узнаешь. В своё время. А сейчас давай Марата.

– Э-э... Извини, дядя. Марата я захватить сюда не догадался. Придётся подождать минут двадцать – его поселили в казарме первого батальона лучников.

– Наверняка потому, что он отлично стреляет? – это был не вопрос, а, скорее, утверждение.

– Да.

– Вот и хорошо. Потому что он, этот Марат, может – а вернее – должен! – нам – а вернее – вам! – пригодиться.

Ладно, пошли за ним. Я подожду. Я очень терпелив. Поскольку торопиться мне уже некуда.

Лорд Говард вновь обвёл взором весь помпезно-напыщенный интерьер шикарно мебелированной и декорированной комнаты, и подумал, что это и правда – огромное счастье, что дядя у них чётко «локализован». В противном случае, останься он на свободе, никогда бы они не нашли, куда он направил свои хитро...опые стопы, и в каких чужеземных далях затерялся навсегда его след...

Что не помешало бы ему, как показала практика, вертеть, как угодно, судьбами людей.

И убивать.

О чём дядя целых полчаса беседовал с Маратом, лорд Говард не узнал.

Но то, что лицо бедолаги, когда лорд Юркисс соизволил отпустить его из своих «апартаментов», было изрядно перекошено и бледно, а руки и губы тряслись, сказало лорду Главнокомандующему о многом.

В частности, о том, что нервировать людей, и плевать им в душу лорд Юркисс не разучился. (Впрочем, как раз если б он разучился – было бы странно!) Следовательно, чёртов извращенец наверняка вытащил из Марата нечто такое, чего

тот и сам не ожидал, что вспомнит, или скажет. Ну и, разумеется, что-то взамен вытасченного вложил...

Но спросил лорд Говард Марата лишь об одном:

– Ты сможешь сам дойти до казармы?

– Д-да, милорд. – Похоже, Марат только сейчас перестал глядеть куда-то вперёд отрешённым взором, и заметил благородного лорда Главнокомандующего, – Смогу.

– Отлично. Ступай. Надеюсь, что о том, что ты здесь увидел, и о том, о чём вы говорили, не должен знать никто – напоминать не нужно?

– Не нужно, милорд.

– Замечательно. Ступай. – пришлось повторить, поскольку Марат всё ещё покачивался, словно пьяный, и уходить по винтовой лестнице наверх явно не собирался. Похоже, он вообще забыл, где находится, и что нужно делать дальше.

Только когда шаги охотника затихли, поскольку их обладатель вышел в верхний коридор, лорд Говард повернулся к стражникам, стоявшим по обе стороны двери:

– Открывайте!

Дядя словно и не вставал из-за стола: сидел в точно такой же позе, в какой лорд Говард оставил его час назад. Лорд Говард не сдержался, зарычал:

– Чего такого ты наговорил ему, злобный старикашка?

– Я старше тебя, племянничек, только на три года, кхе-кхе. – скрипа и кряхтения в голос лорд Юркисс наверняка подбавил, чтоб позлить лорда Говарда, – А наговорил я

ему...

Скорее, это он мне наговорил. О таком, о чём вы, верхоглядцы недоделанные, наверняка и не додумались спросить бедолагу. А я просто... Применил особые методы. Для выяснения кое-каких, представляющихся мне важными, деталей.

– И что же это за методы?! – взгляд Лорда Говарда заметался по камере в поисках привычных для дяди орудий пыток. Дядя снова с мерзкой усмешкой похихикал:

– Не ищи. Эти орудия – здесь! – он постучал скрюченным пальцем по своему виску, – С таким инструментарием приятно работать. И держать их всегда при себе не обременительно. Да и мест специальных, вроде подвалов нашей Святой Инквизиции, оборудовать не надо.

Но про то, как применяют гипноз в полевых условиях, я тебе рассказывать не собираюсь. Важно то, что «бедный» крестьянин остался «после посещения меня» жив и цел, (Ну, сравнительно – душевные раны не в счёт!) а я выяснил несколько очень существенных моментов.

Лорд Говард посопел. Но спросил, видя, что дядя замолчал, похоже, надолго:

– Просветишь?

– Нет. И не потому, что не хочу, – ладонь лорда Юркисса вскинулась в ответ на возмущённый шаг к нему, и открывшийся было рот, – А потому, что для тебя в тех вопросах, что я задавал, и тех ответах, которые получил, не будет проясняющей сути. То есть, проще говоря, ты даже не поймёшь,

зачем я спрашивал о вещах, не имеющих, казалось бы, отношения к делу, но на самом деле – важнейших. Для понимания ситуации. В целом.

– Ладно. – лорд Говард, чуть остыв, сделал всё же два шага к столу и снова сел в своё кресло, – Тогда такой вопрос. Что там с... Ситуацией в целом?

– Ситуация у нас – вернее, у вас! – мягко говоря, ...реновая.

– Вот об этом, пожалуйста, поподробнее.

– Обязательно. И я даже не буду настаивать, чтоб все требуемые мной нововведения по замене ковров и прочих услугах, которые мы оговорили, произвели сейчас. Мне достаточно будет твоего слова, что всё это будет сделано, – лорд Говард покусал в очередной раз губы, но видя, что дядя не собирается продолжать, буркнул:

– Даю слово.

– Вот и славно. Потому что чем быстрее вы сделаете то, что я вам предложу, тем быстрее вы сможете обезопасить нашу любимую, – это слово лорд Юркисс выделил тоном, но непонятно было, то ли это – ирония, то ли – констатация, – Тарсию от полного истребления её населения и захвата земель.

Итак. Первым делом вам, лорд Главнокомандующий, нужно найти ещё двух добровольцев. Потому что этот, Марат, уже готов. Отправиться хоть в пекло, хоть в подводный мир, хоть в далёкую и сказочную Жерманию. И сделать то, что я

ему объяснил. Потому что такой сильный мотив как месть за родных и близких – замечательный побудительный рычаг. (Ну, я, как ты знаешь, парень беспринципный, и тонкостями «общечеловеческой морали» не отягощён. Поэтому именно на него и надавил.)

А сейчас и тебе объясню – доходчиво и просто, что делать. Ты же знаешь: когда доходит до конкретных приказов и действий, я не люблю красивые обтекаемые фразы и хождения вокруг да около.

Лорд Говард поспешил покивать на очередную паузу и обращённый к нему вопросительный взор. Лорд Юркисс продолжил:

– Итак, двое остальных добровольцев. Хотя бы один должен отлично стрелять. Вот из достаточно долго служивших лучников-профессионалов его и надо отбирать. А ещё более желательно, чтобы второй «доброволец» был *думающий* – то есть, скорее всего, офицер, из наших, из аристократии. Поскольку я тебя хорошо знаю, надеюсь, что ты найдёшь нужные и правильные слова и аргументы, чтоб убедить лорда Дилени. Принять участие, а точнее – сделать возможной и безопасной (Ну, сравнительно!) эту, которую им предстоит совершить, вылазку. Потому что какой-нибудь балбес-служака, или тупой приверженец рекомендаций ваших тупых Уставов точно всё завалит.

Следовательно, фактически тебе просто надо убедить лорда Дилени возглавить этот поход, и найти одного немо-

лодого, и опытного, и, разумеется, с крепкими нервами, солдата-лучника. Какие аргументы подберёшь для лорда – твоя проблема.

Первое, что нужно будет сделать нашим добровольцам – доскакать до Милдредра. Второе – спуститься в подвал, на ледник, и изрубить в капусту трупы тварей. И *тщательно* пропитать всю свою одежду остатками крови трёх имеющих там тварей, даже если для добычи этой самой крови придётся крошить тела монстров на кусочки, не крупнее конфетти. Ну, или в крайнем случае, если кровь вытекла, придётся вот именно – натереться. Кусочками. (Разумеется, ни мыться самим, ни стирать эту одежду во время операции будет нельзя!)

Второе. Пешком – вот именно – пешком! – нашим бравым разведчикам предстоит зайти на территорию врага. И добраться до замка нашего любимого лорда Хлодгара. Мы все знаем, где он расположен. От границы недалеко. Времени на путь пешком туда и обратно уйдёт не более недели – десяти дней. Столько можно в вонючей и грязной одежде и потерпеть. А вот в самом замке...

Вернее, замок им не нужен – он только ориентир, возле которого будет то, что им нужно разведать. Зная Хлодгара, я не думаю, что он решится разместить *это* где-то далеко от себя, и будет надолго оставлять процесс без личного присмотра. Поэтому нужно будет, собственно, обследовать, как я уже сказал, не сам замок. А близлежащие окрестности. На

предмет выяснения, какие Хлодгар построил там недавно – думаю, не больше трёх лет назад! – новые сооружения. Или здания. Достаточно крупные. Объясню.

Здания эти должны быть одноэтажными, но *очень* большими. Вернее – обширными по площади: как наши фермы для содержания коров, или склады для хранения зерна. Или, например, армейский Арсенал. С хорошими, не протекающими, крышами. Толстыми стенами. И, возможно, печами для обогрева зимой.

Внутри должны находиться... Как бы это тебе объяснить...

Ну, такие, вроде как ящики. Большие. Похожие, скорее всего, на сундуки. Словом, такого размера, чтоб влезало тело человека. Или – человекообразного монстра.

Вот внешний вид этих ящиков, и имеющихся там, внутри, монстров, и их общее – вернее, ящиков-сундуков! – число нашим разведчикам и нужно выяснить!

Если при этом удалось бы взять «языка», и вытрясти из него, за какой срок «созреют» новые твари, и из чего Хлодгар делает раствор, из которого выращиваются их тела, и что ещё для такого процесса надо, было бы отлично. А если б этого языка удалось доставить сюда, ко мне, живым – это было бы вообще замечательно.

Всё.

Выполняй. Думаю, найти добровольца-лучника будет нетрудно. Особенно, если посулить ему потомственно пере-

даваемый дворянский титул. И тёплое место лейтенанта. В составе, например, роты, охраняющей замок Клауд. Вопросы?

– Есть, разумеется. – лорд Говард дышал часто, словно выброшенная на берег рыба. Откуда дядя мог взять чёртовы «сундуки-ящики»?! Почему уверен, что там уже заложена новая партия новых тварей?! Почему верит, что вот так, запросто, проникнуть в окрестности замка-резиденции лорда Хлодгара, и выяснить все подробности – удастся?!

Дядя, молча взиравший на внутреннюю борьбу, явно отражавшуюся на лице многострадального племянника, смиловился:

– Ладно. Отвечаю на главный. Проникнуть к резиденции Хлодгара удастся потому, что разведчики будут пахнуть, как свои. Внешний вид можно и нужно будет, разумеется, подкорректировать: я ещё не сказал, что придётся снять скальпы с частью кожи, что на морде, с тварей, и натянуть на макушку и лицо разведчиков. Вместо шапок или шлемов, и своей физиономии. Одежду тоже нужно использовать от тварей. Ты же говорил, что этого добра осталось навалом, после того, как тела растеклись в жижу. Или вы их тоже?..

– Да. К большому сожалению, мы и одежду, и деревянные щиты – отправили туда же. В могилы.

– Зря. Но, думаю, кольчуги и оружие вы оставили?

– Разумеется! Металл не должен пропадать.

– Отлично. Вот и вооружишь, пока их не перековали, на-

ших добровольцев. А оденет их и себя пусть лорд Дилени. Он-то наверняка догадался. Сохранить. Подходящего размера.

– Ну... Возможно.

– Я в нём уверен. Ладно, отвечаю на второй вопрос: про «ящики-сундуки».

Я уверен, что Хлодгар вскрыл, наконец, пещеру Кайла. То есть, подземелье Предтеч. Хотя бы первый его уровень. Не сам, разумеется, а его слуги.

Ну, слуги-то, думаю, погибли все. Или почти все. Защита у подземелья сильная. Но – к сожалению, она не вечна. И рано или поздно «выдохнется». Вернее – уже.

Но вот то, что там хранятся древние запретные артефакты – несомненный факт. И первым делом Хлодгар, разумеется, вытащил из недр именно то, что может помочь ему в захвате новых земель. Или просто – в истреблении населения приграничных с ним стран.

Автоклавы.

– Что?

– Автоклавы. – глубокий вдох, и подведённые к потолку глаза сказали лорду Говарду, что дядя всё ещё не слишком терпимо относится к тем, кто знает меньше его, или не уделял много времени изучению наследия Древних Веков и истории Предтеч, – Это такие ящики, в которых можно было без участия женщин, или самок, создавать различные существа. В том числе и человека. Если б трусливые бараны в че-

ловеческом облике из династии Рюген и дебилы из Конклава в своё время не приказали сжечь все книги, оставшиеся от Предтеч, я бы мог подробней рассказать тебе о них. А так – сам знаю лишь по слухам, да намёкам в кое-каких моих древних фолиантах. Которые вы тоже – я и не сомневался! – наверняка приказали сжечь.

– Разумеется, лорд Юркисс. Приказ об этом отдал большой Совет.

– Ну вот и повторю: бараны и ты, и ваш Совет, и Святой Конклав, и особенно – тот, кто сидит сейчас на троне Тарсии. Даже его мерзопакостный папаша, (Не говоря уж о мамаше! Вот уж хитрущая и прожжённая была женщина, упокой дьявол её душу!) был умней. Книги не трогал. Он бы понял, что если я сделал то, что сделал – так вовсе не в связи с той информацией, или гнусных советах, что почерпнул в этих рукописях. А просто... В силу своих природных склонностей.

Впрочем, плевать. – лорд Юркисс снова постучал себя по виску пальцем. – Всё это, ну, то, что я в своё время вычитал, осталось здесь. И, зная это, вы в том числе и поэтому не рискнули сжечь меня вместе с моими книгами. Ну, что могу сказать: молодцы. Гарантировали мне, если можно так сказать, жизнь. В силу тех уникальных знаний и мыслительных способностей, что я имею.

– Дядя, не слишком ли много ты на себя...

– Беру? Отнюдь. Я реалист. И прагматик. Так вот. Когда

разведчики вернутся, мне нужно будет поговорить с ними. С каждым. По отдельности. А затем – и вместе.

Ещё вопросы.

– Хм-м... Пожалуй, только один: ты что, в стоворе с лордом Хлодгаром?

– А что – слишком хорошо предвижу, что будет дальше? Хе-хе. Насмешил. Да у тебя, племянничек, настоящая паранойя. Но – нет. Хлодгар – такой же враг мне, как и вам. И Тарсии. Ведь если он победит – меня не будут баловать икрой и курочкой. А, скорее всего, просто, вот именно – сожгут. Во избежание.

Хлодгару ведь тоже: конкуренты в борьбе за мировое господство – без надобности!

Сегодня сир Ватель выглядел не как всегда.

Уж это-то леди Рашель видела. И понимала, что скорее всего странное беспокойство и озабоченность его Величества связано не с ней. А с произошедшей битвой. Но она ни о чём не спрашивала: захочет король – сам расскажет.

Однако то, что сказал её сюзерен, несколько удивило её:

– Марго. Я знаю, что вчера тебя вызывала к себе королева.

Возникшую паузу она прервала простым ответом. Запираться бесполезно – доносчиков из благородных, да и просто слуг-шпионов у его Величества во дворце полно:

– Да.

– И... О чём вы с ней?..

– О вас, разумеется, ваше Величество.

– Вот как. И что сказала её Величество?

– Она очень практичная и умная женщина. И считает, что такая фаворитка как я, куда престижней для Вашего Величества в частности, и Двора, да и всей Тарсии, в целом.

– То есть, она...

– Да. Она «тонко» намекнула, что покуда я не навязываю Вам своих дурацких советов и не досаждаю идиотскими капризами, я могу рассчитывать.

– На что же?

– На то, что у меня не случится желудочных колик, как у леди Бьянки.

– Вот как. Что ж, весьма откровенно. И цинично.

– Нет, разумеется, впрямую она ничего такого не сказала, – леди Рашель чуть дёрнула точёным плечиком, – Но дала понять. Что не видит смысла противиться вашим желаниям обзавестись красивой, – на его Величество обратили откровенно призывный и многообещающий взор огромных зелёных глаз, – и в меру умной любовницей. Взамен пустой и глупой куклы.

– Проклятье! Я знал, конечно, что ей леди Бьянка не нравится... Ну, согласен – она не отличалась особым интеллектом. Но зато уж... – его Величество заткнулось, очевидно, сообразив, что нетактично рассказывать своей очередной даме сердца о знаменательных достижениях в удовлетворении призового самца, и способах подачи себя, неповторимой и

блистательной, и вообще – альковных привычках предшественницы.

– Договаривайте, Ваше Величество. Или вы стесняетесь простых и чётких определений, типа: «зато в постели была бесподобна!»? А ведь я бы тоже могла намекнуть Вам, мой суверен, на кое-что, касающееся, скажем её Величества и Вас.

– Вот как?! Ты имеешь в виду, что её Величество соблюдает верность из принципа?

– Нет. Я имею в виду её способности. И поведение.

– А-а, ты хочешь сказать, что было бы куда лучше, если б у меня в этом плане было больше добропорядочности и верности?

– Вовсе нет, – женщина, возлежавшая на шикарной постели под балдахинем снова чуть дёрнула плечиком, словно сердясь на непонятливость слушающего, и слегка вздохнула, чуть потянув на себя простынь, так, что из-под неё появилась пикантная и стройная длинная ножка с крохотной изящной ступнёй, а затем и вторая, словно показывая королю, остановившемуся перед постелью, что уже устала беседовать, и ждёт, когда наконец озабоченно хмурящийся монарх перейдёт к более активным действиям, – Ни от одного монарха его подданные вовсе не ждут супружеской верности. Это, если можно так сказать, подразумевается лишь вот именно – в отношении её Величества. Чтоб уж не возникало и малейшего сомнения в правах наследования королевских отпрысков.

Но вот что касается рационалистичности мышления...

– То есть – мне бы её прагматизм?

– И это тоже. А куда проще было бы, окажись в черепе Вашего Величества её...

– Мозги?

– Я бы не возражала, поскольку для Тарсии, вероятно, чем разумнее монарх, тем лучше. Но лично меня вполне устраивает то, что отличает вас от вашей супруги. То, что у вас там, – нежная ручка легонько указала на то, что уже воспряло прямо в штанах у его Величества, натягивая тонкую ткань ночных штанов, – и вполне готово к бою!

– Ах ты, маленькая лицемерка! Оскорбляешь его Величество наёмками на то, что он – тупой, но здоровый кобель?

Леди Рашель весело рассмеялась:

– Ваше Величество изволит гневаться? Ну, идите же, идите! Вам нужно примерно наказать бесстыжую обидчицу! Кстати, я бы вам доказала, что в постели, если будет на то *ваша* воля, я могу всё то, что и ваша маленькая идиоточка леди Бьянка. А кое-что, может быть, умею делать и получше!..

Не без удовольствия леди Рашель пронаблюдала, как его Величество с раздувающимися ноздрями и вожделённым сопением отбросило колебания, и устремилось.

Туда, куда, собственно, нужно было устремиться давно.

А уж выяснить, чего такого его ум беспокоило в связи с последним, вполне успешно отбитым, нападением, она очень даже мягко и аккуратно сможет и позже.

Удовлетворённый в плане сброса нервного напряжения мужчина обычно расслабляется. И отбрасывает насущные заботы – как свои, так и государственные.

Ну, хотя бы на какое-то время.

А уж о том, что он становится после секса куда беззаботней и откровенней, можно и не упоминать. Главное в такие моменты – не переборщить. С этими самыми вопросами. Чтоб не показались навязчивыми. Или – провокационными!

Но ещё важней – не трепаться слишком много самой!

– Капрал Борис! – запыхавшийся сержант Борде вбежал в казарму, придерживая каску, поскольку она так и норовила съехать набок: не иначе, только что сержанту пришлось попотеть.

– Да, сержант, сэр! – Борис поспешил вскочить со своего лежака на нижнем ярусе, который занимал по праву старожилы, вытянувшись в струнку: сержант у них – мужчина серьёзный и принципиальный, и панибратства даже от ровесников не терпит.

– Вольно. Поправь форму, и – бегом в палатку лейтенанта Фриланда. Там тебя уже ждут. Ну, чего застыл, словно студень? Бегом, я сказал!

Решив, что с вопросами лучше не лезть, раз его вызывают в палатку к самому лейтенанту, (Вот уж – впервые за всё время службы!) Борис, надев каску, поспешил ринуться стремглав туда.

Пробегая по главной улице лагеря, он прикидывал и так и так, что может его ожидать в палатке начальства. Вряд ли какое-либо наказание: Уставов он не нарушал, и в последней битве никакой трусости, или неповиновения приказам не проявлял – наоборот: шестьюдесятью стрелами завалил как минимум пятьдесят восемь тварей – две или успели пригнуться, (первая) или нырнуть в ров (вторая). А если учесть, что он умудрился ещё и выручить в сложной ситуации своего непосредственного начальника... Наградят?

Перед палаткой Борис перешёл на шаг, привёл форму в надлежащий порядок, но на долю секунды растерялся было: как дать начальству знать о своём прибытии? Потом вспомнил: громко прокашлялся. Полог откинулся, выглянул ординарец лейтенанта, сержант Никсон. Почти мгновенно усатый здоровяк обернулся внутрь палатки:

– Прибыл капрал Борис, милорд!

Ого! Значит, внутри как минимум один из высокородных лордов!

Плохо слышимый, тихий, но очень чётко выговаривающий слова голос произнёс:

– Пусть войдёт!

Ординарец обернулся к Борису:

– Входите, капрал!

Внутри оказался, помимо лейтенанта, лично сам Главнокомандующий – маршал лорд Говард. Борис, сжав челюсти, чтоб сдержать возглас удивления, заставил себя не мямлить

и не мешкать на пороге, а пройти внутрь, подойдя как положено, строевым, на пять шагов к непосредственному военачальнику, и чётко отдать честь:

– Капрал Борис, господин лейтенант! Явился по вашему приказанию!

– Отлично, капрал. Милорд! Представляю вам капрала Бориса, нашего лучшего стрелка.

Пришлось развернуться, чётко щёлкнуть каблуками, и приветствовать ещё раз:

– Капрал Борис, ваше превосходительство, господин верховный Главнокомандующий!

– Вольно, капрал. – лорд Говард обернулся к лейтенанту и его ординарцу, – Могу я рассчитывать на...

– Разумеется, милорд! – чем-чем, а сообразительностью в плане предвидения желаний вышестоящих лейтенант отличался – куда там другим! И непосредственное начальство капрала вместе с ординарцем почти мгновенно оказались снаружи палатки, оставив всё немаленькое внутреннее пространство сорок на двадцать футов в полное распоряжение лорда Главнокомандующего.

Однако оставшись наедине со стоящим по стойке смирно, хоть ему и приказали расслабиться, капралом, лорд Говард вовсе не спешил начать разговор, повернувшись спиной, и изучая карту Тарсии, развешанную на её торцевой стене. Из чего Борис понял, что не для поощрения или награждения его вызвали.

А скорее всего, у него будут проблемы.

А впрочем, вероятно, Главнокомандующий просто ждал, когда палатку лейтенанта боевой наряд из личных гвардейцев надёжно окружит снаружи. Во избежание, так сказать.

Но вот лорд повернулся, и взглянул Борису прямо в глаза.

– Подойдите, капрал Борис. Не бойтесь – вы ничего крамольного не совершили. Наоборот, вас знают как опытного и надёжного солдата. Именно на вас мне указал сержант Борде, когда я попросил назвать самого спокойного, рассудительного, меткого и стабильного лучника в подразделении. Вы зарекомендовали себя в этом плане с самой лучшей стороны. Это подтвердили и лейтенант и даже его ординарец. В связи с этим у меня к вам есть предложение.

Рискованное. Возможно, несколько неожиданное, и не слишком приятное. Зато дающее возможность при успешном выполнении получить чин лейтенанта Гвардии. И дворянский титул. Передаваемый по наследству. Как вы на это смотрите?

Сглотнув липкий комок, почему-то застрявший в горле, (Ну как же: вот он!!! Долгожданный *шанс*! Которого ждут, или хитрыми махинациями пытаются заслужить не слишком умные и излишне ретивые новички! А он никогда даже не пытался, довольствуясь вполне приличным жалованием и кормёжкой...) Борис смог выдавить:

– Я... Милорд, я, разумеется, благодарен за оказанную мне честь! И высокое доверие. Но...

– Но прежде вы всё-таки хотели бы узнать, в чём именно будет заключаться задание?

– Вот именно, милорд!

– Разумный подход. Похоже, сержант, к которому я сразу обратился напрямую, минуя, так сказать, обычные ранжирные и субординационные тонкости, и понимая, что своих бойцов лучше всех офицеров может знать лишь их непосредственный командир, не ошибся, рекомендуя вас как прежде всего – хладнокровного и трезвомыслящего солдата. Не теряющего головы ни в разгаре сражения, ни при виде начальства. Меня это радует. Именно такой человек имеет все шансы на удачное выполнение этого... Я бы сказал, деликатнейшего и важнейшего задания. От которого напрямую зависит, не побоюсь этого слова, судьба нашей Страны!

Итак. Прошу садиться, – лорд указал на табурет у стола, и, когда Борис подошёл, поспешил и сам сесть на другой, чтоб не нарушать Устав, запрещающий садиться первыми нижестоящим чинам, – Слушайте же, капрал. И помните – каким бы ни был ваш ответ, информация о том, что я вам сейчас расскажу, не должна ни при каких условиях покидать стен этой палатки!

То, что ему придётся возглавить экспедицию для сбора разведанных, пусть и «сверхважных и судьбоносных» для родной страны, лорда Дилени вовсе не порадовало.

Он предпочёл бы, если честно, какой-нибудь более про-

стой и лёгкий способ самоубийства. Потому что все предыдущие попытки «разведки» или даже просто – проникновения на запретную территорию, сейчас оккупированную, и, похоже, неплохо освоенную лордом Хлодгаром, заканчивались плачевно.

Это если говорить мягко. А если просто и без изысков высокого штиля – полным крахом. И огромными потерями. В тех двух случаях, когда войска Тарсии пытались провести предварительно, перед планируемым вторжением, разведку боем.

Но сейчас лорд Говард дал хоть какую-то надежду на благополучный исход: на то, что вероятность быть убитыми при условии соблюдения маскировочных мероприятий весьма мала, указал сам лорд Юркисс.

Эту тварь, этого хитро...опого маньяка-извращенца, знала в Тарсии каждая собака. Хотя бы по слухам. А они, разумеется, преувеличивали. Но даже если и так – всё равно заключённый в подвалы Клауда лорд казался монстром и гнусным развратником.

Иногда лорд Дилени жалел, что королевская стража сама не стала, и вассалам лорда не позволила просто растерзать его в его же замке, при аресте.

Но то, что у этого ублюдка мозги работают лучше, чем у кого бы то ни было в Тарсии, да, пожалуй, и во всём Семиречьи, сомневаться не приходится. Как по некоторым намёкам, оброненным то тут, то там кое-кем из высшего руковод-

ства армии, сделал выводы лорд Дилени, именно благодаря рекомендациям этого чудовища в человеческом облике они и держатся до сих пор. И даже очередные монстры Хлодгара не пугают армию, вооружённую вполне адекватным оружием, предложенным именно опальным лордом.

Ведь чего греха таить – именно он предоставил государственным кузням древний рецептковки и закалки стали, полученной из уникальной руды из рудников горы Ыыблыс. И именно его рекомендации и древние секреты некоего забытого манускрипта о ковке и закалке этой самой стали сделали наконечники армейских стрел и копий способными пробивать любые панцири, кирасы и щиты не сгибаясь и не разлетаясь вдребезги! И то, что сейчас казна пополняется каждый год очень даже приличными суммами от продажи этих изделий как соседним, так и отдалённым странам, заслуга как раз лорда Юркисса.

Да и многие его стратегические советы оказались чертовски актуальны.

В-частности, насчёт двух фланговых валов-рвов, пятнадцатифутового тына, выводящего теперь прорвавшиеся легионы наземных тварей (Не называть же их – «пехотой»!) к «бутылочному горлышку» между тыном и рекой, прямо к частично восстановленному валу Адриана. А ведь всего десять-двенадцать лет назад такие сложные и трудоёмкие работы, как установка огромного количества тяжелых стволов и расчистка дна заплывших смытой дождями и снегами

землёй рвов казались бессмысленной тратой времени.

И как же всё это выручает и выручило их теперь!

Нет, то, что садист-маньяк невероятно умён и прозорлив, сомнения не вызывает. Как не вызывает сомнения и то, что наверняка у мерзавца в рукаве припрятан ещё не один секрет, которые он придерживает, чтоб выторговать ещё несколько лет отсрочки исполнения вынесенного ему Конклавом и Советом приговора... Но в данном случае лорд Дилени отлично понимает и то, что свехумная сволочь, засевавшая, словно мерзкий паук, в подвалах королевского замка в комфортабельных камерах-пещерах, вероятней всего рассчитала и возможность сравнительно безопасного проникновения отряда разведчиков на запретную и отлично охраняемую территорию врага.

И вот теперь им нужно проверить, насколько эти расчёты окажутся правильными.

Не слишком-то бодрящее ощущение.

От осознания того, что первый отряд в составе роты, и второй – уже полка, пытавшихся сделать это «с боем», и около двадцати маленьких, плюс с десятков тех смельчаков, кто двигался вообще поодиночке – или разбиты в пух и прах... Или просто – пропали. И чудом спасшиеся свидетели-выжившие рассказывают такие страсти, что хоть детские рассказы-страшилки пиши, хоть картины рисуй – наподобии летописных, про искушения святого Антония.

Потому что оборона у врага – куда там даже валу Адриа-

на! Эшелонированная и отлично охраняемая в самом опасном месте... А место такое – только одно. Узкий каменистый перешеек у залива зеркальных рыб. И с «их» стороны чёртвов перешеек охраняет замок Милдред.

Поэтому, глядя в честные и светящиеся просьбой, а точнее – почти неприкрытой мольбой, глаза Главнокомандующего, лорд Дилени думал. Лорд Говард, конечно, мужчина храбрый и безукоризненно честный. И врать сознательно не будет. Но он мог быть просто введён в заблуждение тем, кто в искусстве вводить в заблуждение, (Проще говоря – врать!) коварно убивать, и загребать жар чужими руками, равных себе не имеет.

Молчание затянулось на добрых полминуты. Затем лорд Дилени сдался:

– Милорд. Я согласен возглавить эту чёртвову экспедицию. Однако у меня есть одно условие.

– Отлично! В-смысле, отлично, что вы согласны, лорд Дилени. А что это за условие?

– Я хотел бы, если только это не нарушает законодательство Тарсии, перед походом лично переговорить с... Лордом Юркиссом.

Лицо лорда Говарда сразу вытянулось, и на нём проступили сильнее обычного морщины. На чело словно набежала туча, а тонкие изящной формы губы поджались.

Поколебавшись, лорд Главнокомандующий, словно через силу, выдавил:

– Это, вообще-то, вот именно – противозаконно. Узнику запрещено общение с внешним миром. Любые его контакты с посторонними, как считает его Величество...

– Могли бы помочь узнику в организации побега! – закончил за вновь замявшегося вельможу лорд Дилени, – Это мнение его Величества отлично мне известно. Однако. Король не считает зазорным или неуместным для своей чести прибегать к советам этого узника, буде в них возникает спешная надобность. И вы, милорд, как никто другой, прекрасно представляете себе всю ценность этих советов и консультаций. Поскольку его Величество назначил именно вас тем единственным звеном, что связывает... – лорд запнулся буквально на долю секунды, прекрасно понимая, что назвать, как и положено, мерзкого извращенца мерзким извращенцем в лицо его родного дяди будет не совсем корректно, поэтому заменил определение, – узника королевских подвалов с внешним миром.

– Могли бы и не щадить моего самолюбия, лорд Дилени. Я прекрасно осознаю, что являюсь кровным родственником мерзкого извращенца. Выродка. Чудовища. Что, разумеется, бросает тень на наш герб и всю династию Говардов. И каким бы словом вы его не назвали – всё равно это слово будет недостаточно ёмко, чтоб выразить весь ужас и всю ненависть, что вызывает упоминание имени лорда Юркисса у него, что представителей Двора, а и у последнего простолюдина. И то, что на мне лежит эта гнусная обязанность – служить

передаточным звеном! – сильно тяготит меня. Но поскольку я поклялся в своё время исполнять этот Долг, снимать с себя эту ношу я не могу и не имею права.

Вот что я думаю. Я, конечно, на свой страх и риск могу провести вас для беседы с лордом Юркиссом.

Однако не могу гарантировать, что он вообще захочет встретиться. Или, согласившись на такую встречу, отвечать на явно имеющиеся у вас вопросы. Ведь он даже со мной общается по некоторым... э-э... аспектам дел лишь тогда, когда считает нужным. Хотя...

Советы даёт.

И обычно – дельные.

– Благодарю, милорд. Я действительно высоко ценю вашу готовность рискнуть ради меня тем, чтоб навлечь на себя немилость или гнев его Величества. Но мне и правда очень нужно переговорить с лордом Юркиссом. И, если возможно, наедине.

Я чувствую, что, скорее всего именно от исхода этого разговора будет зависеть и успешный исход нашей предстоящей миссии.

– Что ж, лорд Дилени, я верю вам на слово. Раз вы так считаете, я готов рискнуть.

И вовсе не потому, что симпатизирую вам лично. – лорд Говард покачал головой, тяжело вздохнув, – А потому, что и сам верю в то, что именно от советов этого чудовища зависит успех или провал вашего похода.

Собирайтесь, я спущусь во двор.

Собираться лорду Дилени долго не потребовалось – когда прибежавший дежурный вестовой доложил, что к Милдреду приближается кавалькада всадников со штандартом Главнокомандующего, лорд Дилени сразу приказал переодеть себя в походное платье. И сейчас он просто привесил к поясу ножны с мечом и кинжалами, и тоже спустился во двор – лошади уже поджидали, как и свита лорда Говарда.

Ехать пришлось долго: они двигались средним аллюром, который огромные и выносливые кони немногочисленной теперь стараниями всё того же лорда Юркисса кавалерии могли выдерживать все семь часов, пока добирались до столицы, и выдерживали, пока перед всадниками не возникли ворота и подъёмный мост Клауда.

Сдав лошадей заботам конюхов и слуг, лорд Говард сразу двинулся ко входу в королевские подвалы, сделав жест лорду Дилени, и приказав остальным своим спутникам:

– Вольно. Свободны до особых распоряжений.

Пока проходили по многочисленным лестницам спусков и коридорам-ходам, соединяющим подземелья замка в огромный запутанный лабиринт, из которого непосвящённый вряд ли вообще выбрался бы самостоятельно, лорд Говард не произнёс ни слова, кроме разве что отрывистых команд «Вольно!» расставленным здесь многочисленным постам охраны, освещаемых чадящими факелами.

Лорд Дилени вообще предпочитал отмалчиваться, даже во время поездки. Как не без раздражения подумал лорд Говард, вероятно считал, что задавать их тому, кто заведомо глупее своего высокоучёного и многомудрого узника, бессмысленно. Хотя сам лорд Говард отлично понимал, что лорд Дилени наверняка знает то, что содержащийся здесь заключённый чего-то именно такого, вроде личной беседы, от лорда Дилени, похоже, и ждёт. Недаром же предложил его кандидатуру.

А что: чем не развлечение? Всё-таки – беседа с новым человеком. Который, похоже, умнее самого лорда Говарда. И который тоже это отлично осознаёт. Чем не повод столкнуть лбами этих двух: настоящего, и, вероятно, будущего Главнокомандующего? А ведь вероятность успешного выполнения предстоящей миссии как раз и приблизит это самое назначение. То, что лорд Говард непозволительно стар для своей теперешней должности, отлично известно всему двору. Да и не-двору.

А ещё сильнее лорда Говарда раздражало, что узник наверняка знает, какие мысли он вызовет у своего племянника предложением кандидатуры этого пусть подающего надежды, но фактически – юнца, и наверняка потешается, развлекаясь его обидой и завистью к более умному и молодому конкуренту!

Однако не прикажешь же своему пусть и трижды патристичному и порядочному сознанию пресечь то, что подленько

нашёптывает в ушко подсознание!

Но вот из-за поворота показалась массивная дверь из толстенных дубовых досок, забранных мощной медной окантовкой и сеткой из переплетённых диагонально полос из той же меди. До неё и двух особо зловещего и здоровенного вида стражников оставалось не больше двадцати шагов.

Лорд Дилени вдруг мягко придержал лорда Говарда за локоть, обратившись вполголоса:

– Милорд.

Лорд Говард притормозил, чуть обернувшись к теперь поравнявшемуся с ним спутнику:

– Да, лорд Дилени?

– Прошу заранее простить мне мои неуместные мысли и высказывания. Но думаю, лучше я скажу вам их здесь. И без свидетелей.

– Я вас очень внимательно слушаю. – нотки настороженного напряжения в тоне остановившегося Главнокомандующего не различил бы только совсем уж тупой. А к таковым лорд Дилени ну никак не относился:

– Вы, возможно, считаете, что лорд Юркисс сознательно пытается нас с вами сравить, столкнуть лбами, словно двух баранов, борющихся по весне за самку, за должность Главнокомандующего. Вы не можете не понимать, что вы – достаточно пожилой и уставший, и несколько сдавший от походов и забот, мужчина. И что его Величество скорее всего уже в ближайшие годы будет подыскивать вам замену. И

что лучший кандидат на эту должность – молодой и ретивый, и, главное – достаточно умный, боевой офицер. Возможно, именно с таким умыслом его Величество и назначил меня комендантом Милдредра – самого важного, и находящегося на переднем крае нашей обороны, замка. Не могу этого не понимать и я. Однако я вот что хочу сказать, милорд.

Я никоим образом не хотел бы, чтоб вы думали, что я копаю под вас. Место Главнокомандующего меня интересует, разумеется. Но – не так, чтоб я получил его с помощью каких-то интриг или «особых» заслуг, за вашей спиной. И не так, чтоб вас сместили оттуда до того, как вы сами захотите эту должность оставить!

Лорд Говард долго молчал. Молодой офицер поставил его в не то, чтоб совсем тупик своей откровенностью, но привёл в подобие замешательства. И, если честно, лорд Говард просто не знал, что ответить.

Да, лорд Дилени умён. И чертовски порядочен. (Ну, во всяком случае, был до сих пор!) И не может не понимать, что его запихали на должность коменданта самого уязвимого и важного замка на передовой, у самой границы, неспроста. Варианта, собственно, всего два: или хотят от него избавиться руками (Вернее – лапами!) врага, или хотят дать возможность выслужиться. Проявить себя в качестве умного и грамотного командира. Со всеми вытекающими последствиями. И весь Двор знает: сам лорд Говард попал на свой теперешний пост именно так – проявив себя отчаянно храб-

рым, но и в то же время – предусмотрительным командиром. Не жертвующим безоглядно своими солдатами и офицерами для того, чтоб любой ценой угодить его Величеству, и выслужиться, а заботящемся о них. И делающем всё, чтоб избежать ненужных потерь. И делал он это, как сейчас он отлично отдавал себе в этом отчёт – не только и не столько из человеколюбия. А – потому и для того, чтоб война проходила без ненужных и глупых человеческих жертв.

То есть – из банального прагматизма.

Ведь Тарсия – маленькая. И людей, особенно воинов призывного возраста, в ней – не так уж и много. И именно поэтому лорд Говард и сам иногда советовал его Величеству обратиться к советам всё того же лорда Юркисса. Для того, чтоб с помощью хитрых уловок или дополнительных оборонительных сооружений и мероприятий избежать напрасных потерь...

Но нужно ответить:

– Благодарю за откровенность, лорд Дилени. Я ценю ваше желание успокоить меня. Но поверьте: я и сам отлично осознаю, что и лорд Юркисс, и вы, можно сказать, юнец, у которого ещё молоко на губах не обсохло – умнее меня. И с годами мои способности не улучшаются. Если честно, во время последней кампании я сам прекрасно ощутил, что годы – ушли. И ушли безвозвратно. И спина болит, и меч стал тяжёл. Не говоря уж о том, что ответственность, которую возложил на меня его Величество, становится неподъёмной но-

шей. И решения... Принимать всё трудней. Правильные решения.

Поскольку на мне лежит ответственность за человеческие жизни.

Поэтому я хочу, чтоб вы знали: если ваша миссия увенчается успехом, и вы благополучно вернётесь – не важно, с полезной новой информацией, или без неё! – я в конце года, на традиционном итоговом заседании Высшего Совета, буду сам говорить и просить о своей отставке. И хочу предложить именно вашу кандидатуру. Взамен своей.

Лорд Дилени сделал порывистое движение, явно собираясь что-то сказать, но лорд Говард опередил:

– Не благодарите и не перебивайте, – рука пожилого вельможи вскинулась, предваряя реплику собеседника, – Дослушайте. Я хочу так сделать не потому, что ценю вас. Нет, разумеется, я ценю. Но!

Сделать так я хочу во-первых для того, чтоб досадить всем тем трусливым, хитро...опым и спасающимся от поля боя, словно там ждут черти с котлами, закулисным интриганам, что ежедневно шепчут на ушко его Величеству, пытаюсь выслужиться мелкими услугами типа сообщения свежих дворцовых сплетен. И которых в последнюю очередь интересуют жизни наших воинов и фермеров, а интересуется только тёплое безопасное место у кормушки.

Ну а во-вторых – потому, что вы мне чем-то напоминаете меня самого в молодости. Вы бережёте вверенных вам лю-

дей. Но и не принимаете трусливых решений. Вступая в самый неравный и безнадежный бой, когда этого требуют обстоятельства. Этот баланс – чтоб разумная осторожность не переходила в трусость, а храбрость – в глупую браваду! – постарайтесь сохранить. И тогда лучшего Главнокомандующего армии Тарсии и пожелать будет нельзя!

Вот теперь лорд Дилени вздохнул:

– Милорд! Всё, что вы говорили о том, что считаете меня умнее себя – полная чушь. Сейчас вы в очередной раз доказали, что никто не сравнится с вами в смысле принятия *рационалистических* решений!

– Вот как? Хм. Приятно слышать. Впрочем, мы с вами, лорд Дилени, отнюдь не интриганы. Мы – вояки. То есть – прямолинейные и несгибаемые, храбрые но тупые, солдафоны. Вернее, так нас презрительно называют те, кто за всю жизнь держал меч в руках только на парадах да смотрах, тренировками и маневрами брезговал, и как мог игнорировал. И умеет лишь говорить изысканные комплименты дамам, да предугадывать желания его Величества в смысле чего бы изысканного он изволил откусать на обед.

Просто знайте: покуда вы будете ценить жизни простых солдат, я – с вами.

– Благодарю, милорд. Можете в этом смысле быть спокойны: я отлично знаю, на чьих плечах держится и сама Тарсия, и горстка тех, кто считает себя вправе руководить её жизнью, и судьбами её подданных. И я не позволю ущемлять их ин-

тересы.

– Это именно то, что я хотел услышать, лорд Дилени. – лорд Говард первым протянул руку.

Лорд Дилени пожал крепкую ладонь, думая, что повезло его Величеству.

С возрастом лорд Говард если и стал слабее физически, здравого смысла и деловой хватки не утратил.

Ну, он и сам постарается не изменять этим традициям и принципам.

А если что – он всегда может посоветоваться с будущим бывшим Главнокомандующим. Ведь лорд Говард, что бы он там про себя не говорил, крепок как Карнассский дуб. И лет тридцать точно ещё свободно...

– Всё ваше оружие придётся оставить здесь. – лорд Говард сам первым подал пример, отстёгивая ножны с мечом, и вынимая из-за голенища два метательных (Ух ты!) кинжала. – потому что нельзя допускать даже малейшего риска. Этот узник слишком коварен.

– Вы имеете в виду, лорд Говард, что он может нас... Нашим же оружием?..

– Вовсе нет. Он может его просто очень незаметно, так, как не сумеет даже самый ловкий и опытный карманник, вытащить у вас, отвлекая интересным разговором, симуляцией гнева, или ещё как. Затем припрятать. И позже напасть на караул, что приносит ему обед. Он, собственно, уже пытал-

ся... – лорд Говард прикусил язык, и закончил совсем по-другому, – Впрочем, сейчас, я уверен, он просто ожидает. Нас. Он чертовски любит, чтоб его, как он их называет, предположения, подтверждались.

Войдём вместе.

– Хорошо, милорд. – лорд Дилени посторонился, чтоб стражники, по знаку Главнокомандующего отпершие замки и засовы, могли открыть дверь, а его начальник оказался ближе к этой самой двери.

Они вошли: лорд Говард впереди, лорд Дилени держась слева и чуть позади.

Узник восседал за столом, привольно раскинувшись по креслу, словно он, а не сир Ватель – король, и от его слова и каприза зависят жизни тысяч подданных и вассалов. Лорд Дилени невольно отметил радушную и открытую улыбку, с удивлением подумав, что как же непохож садист-маньяк на образ, приписываемый ему народной молвой: нет у него загребущих клешней с острыми когтями-ногтями, косматой и грязной нечесаной гривы, огромного брюха, и горящего неистребимой злобой взора вурдалака.

– Я ожидал вас, лорд Дилени. Приветствую и вас, лорд Говард. И вот так, сходу, попрошу оставить нас наедине с комендантом Милдредра. Пусть это и не вежливо, зато сэкономит драгоценное время. Потому что то, что я сейчас скажу и расскажу, предназначено вовсе не для ваших ушей, милорд Главнокомандующий. А предназначены мои рекомендации

тому, кто столкнётся с преградами и проблемами территории врага. И чем скорее лорд Дилени приступит к выполнению своей миссии, тем будет лучше. Для Тарсии.

Лорд Говард набычился:

– Мне не хотелось бы...

– Оставлять нас вдвоём. А тем более – идти на поводу у гнусного маньяка. Знаю. Однако придётся смириться, если хотите, чтоб я говорил, а не послал вас обеих на ...! Но не бойтесь, лорд Говард. Я не причиню вреда своему гостю. Если кто и заинтересован в скорейшей смерти лорда Дилени, так это в последнюю очередь – я. Причину же вы отлично знаете. Я люблю наблюдать. Как сбываются мои прогнозы и выполняются указания. Тщеславие, знаете ли. Оно присуще многим кукловодам и прочим хитро...опым деятелям, прячущимся за тёмным бархатом кулис, дёргая за ниточки...

Подвигав кустистыми седыми бровями, и посопев, лорд Говард кинул короткий выразительный взгляд на своего напарника по визиту. Затем, даже не попрощавшись, подошёл снова к двери, и постучал. Окошечко открылось. Стражник, явно несколько секунд оценивал обстановку. Затем, видя, что всё в порядке, загремел засовами. Спустя десяток секунд дверь распахнулась. И закрылась за вышедшим вельможей. Снова загремели замки и засовы. И лишь когда всё стихло, лорд Юркисс произнёс:

– Проходите, лорд Дилени, садитесь. – тонкая, изящно-холодная и бледная, рука указала на кресло напротив хозяина

каменного мешка, – В ногах правды нет.

Лорд Дилени прошёл оставшиеся до стола три шага и сел.

– Не сомневался в вашем приходе. Собственно, как можно сомневаться в том, что умный человек захочет поподробней узнать о том, что ему предстоит преодолеть на пути к цели, предполагая по моим намёкам, что мне известно гораздо больше, чем даже очевидцам и непосредственным участникам событий.

– Возможно, это прозвучит глупо, но вы правы: я уверен, что именно вы, лорд Юркисс, обладаете гораздо более подробной картиной того, что мы можем встретить на землях врага. И знаете, как к ним, этим запретным землям, лучше подобраться.

– Отрадно слышать столь лестное мнение о моих аналитических способностях. Надеюсь, вы правы: я люблю собирать и систематизировать разные, казалось бы, не связанные между собой, факты и детали. А сейчас, – лорд обвёл взором низковатое, хоть и богато декорированное помещение, в на одной из стен которого лорд Дилени заметил даже щит с великолепной коллекцией бабочек, – в условиях ограниченной, так сказать, свободы перемещения, это невинное увлечение превратилось чуть ли не в потребность. И полупрофессиональную деятельность. Хобби, так сказать, преобразовавшееся неким образом в подобие работы. Смешно, да, – лорд позволил себе кривую усмешку, – Но я действительно, не столько вначале из желания помочь, сколько от банальной

скуки, внимательно изучал материалы, которые мне предоставлял лорд Говард. Те, что касались всех попыток наших армейских разведчиков, да и целых армейских подразделений, проникнуть, тихой, как говорится, сапой, или с гиком с криком, на запретные территории. И не гнушался сопоставлять их с кое-какими записями, имевшимися в манускриптах и хрониках, ранее принадлежавших мне. И сейчас безвозвратно утраченных из-за глупой предубеждённости и тупости святого Конклава, его Величества, и его ближайшего окружения.

Они, как вы несомненно знаете, думали, что это именно содержащиеся в моей библиотеке книги сделали меня тем, кем я стал. Маньяком. Выродком. Гнусным уродом и монстром. – лорд Дилени мог бы поспорить, что глаза собеседника буквально впиваются в его лицо, ища там отзвуков, реакции на те определения, что говорит сейчас тонкий благородный рот с бледно-розовыми губами. Поэтому лорд Дилени старался не выдать своих подлинных чувств ни единым движением, ни даже намёком на таковые.

– Отлично, чтоб мне лопнуть. Вы меня не любите, лорд Дилени, но отлично владеете своей мимикой. И способны уверенно гасить автоматические реакции организма. Похоже, из вас выйдет, (Разумеется, если возникнет такое желание!) отличный дипломат. Или царедворец. Или... – глаза, словно прожигаящие в лорде Дилени дыру, моргнули с хитрецей, – Главнокомандующий. Думаю, лорд Говард уже пре-

дупредил вас о своей скорейшей отставке. И о том, что он порекомендует Совету именно вашу кандидатуру. Не отвечайте – это был риторический вопрос. Основанный на *моих* наблюдениях и выводах.

А сейчас задавайте те вопросы, что интересуют *вас*.

Как не был сдержан и готов к словесному и интеллектуальному противоборству с изощрённейшим мозгом королевского заключённого лорд Дилени, он не мог не поразиться: чёртов лорд действительно, словно в воду глядит! Неужели он и правда – может вычислить и предугадать буквально всё?!

Но сейчас главное – не те возможности, которыми обладает матёрый интриган, а...

– Да, милорд, если позволите, вопросы. Первый, разумеется, о том, какие силы и препятствия встретят нас по дороге к замку Хлодгара. И следует ли нам пытаться проникнуть туда, двигаясь по кратчайшему пути. То есть – через перешеек.

– Хороший вопрос. Практичный. Потому что в первую очередь вам нужно банально выжить, чтоб добраться до цели путешествия. А уж потом – всё остальное. Отвечаю.

Перешеек – конечно, кратчайший путь к замку лорда Хлодгара. Но, что вполне естественно, он же и наиболее хорошо защищённый и охраняемый. Враг организовал там реально отличную, глубокую и с надёжной подстраховкой, оборону. Чтоб нанести максимальный урон тем идиотам, что по-

пробовали, как вы говорите, «в лоб» попереться туда – хотя бы и целой армией. Но есть защита и от лазутчиков.

Первый рубеж этой защиты, установленный врагом прямо на границах, это пикеты, посты, и опорные пункты. Укреплённые, разумеется, не как крепости-редуты, но как, например, наши собственные тактические редуты на вале Адриана. Опорные пункты, разумеется, укомплектованы сменным персоналом. Дежурящим снаружи – дозорными, проще говоря. Плюс между ними регулярно патрулируют и наряды охраны. Ну и, естественно – основные три линии больших редутов.

Все эти сооружения и подразделения разнородны, и разбросаны, скорее, хаотично, чем упорядоченно – для вящей, так сказать, непредсказуемости! – и много... э-э... как бы это лучше... Их персонал состоит из весьма большого количества охранников. Самых разных. Думаю, тут сохранились и бабуиноподобные твари, что нападали на нас в первый раз, и саблезубые тролли, и даже гарпии с ядовитыми шипами, как у дикобразов, кои ошибочно принимаются людьми за выбрасываемые по желанию стрелы. Разумеется, есть там и твари из этих, последних.

Ещё я уверен, что эти пикеты, заставы, опорные пункты, посты и разумеется, редуты, глубоко эшелонированы. По крайней мере на пять миль в глубину территории. А ещё они наверняка расположены в зоне прямой видимости друг друга: буквально в нескольких сотнях шагов. (Поэтому ло-

миться сквозь них, что строим, что поодиночке, было чертовски глупо со стороны нашего бравого армейского командования.) Казармы с генеральными резервами армии Хлодгара стоят тоже недалеко, как, собственно, и у нас – в десятке миль от границы. И связь налажена у Хлодгара наверняка не хуже нашей. Ну, вам, возможно, не всё известно, но я отлично усвоил уроки попытки прорыва с боем элитного ударного полка нашей Армии в направлении замка Хлодгара.

Количество монстров и тварей, ждущих, и готовых вступить в бой на территории врага росло прямо пропорционально глубине, на которую удавалось пробиться. И оно, это количество, поражает даже меня. Иногда, кстати, я задаюсь сугубо практичным вопросом: что они все жрут?! Хе-хе.

Ну, это – так. Мои, так сказать, досужие домыслы-развлечения. И никого кроме меня они пока не касаются. (Хотя со временем, не сомневаюсь, это станет интересно и вам, лорд Дилени. Особенно, когда кампания против Хлодгара вступит, так сказать, в финальную стадию. Рано или поздно это всё равно произойдёт. Я – про глобальную, большую и серьёзную, кампанию. Последнюю, так сказать, судьбоносную, схватку.)

Однако вам все эти пикеты и посты не должны доставить хлопот или проблем.

Ведь вы пойдёте не напрямую, не через тот перешеек, где имеется и для пешеходов и всадников удобный сухопутный проход, и где как раз и ждёт попыток основного прорыва

лорд Хлодгар. – и, видя недоумённый взгляд лорда Дилени, лорд Юркисс чуть улыбнулся, – Впрочем, со стороны моря вы тоже не пойдёте. Или, правильной сказать, не поплывёте. Потому что побережье там, вглубине, охраняется и защищено укреплениями ничуть не хуже, чем приграничная полоса на перешейке. Ну, плюс ещё и любимые рыбки...

Ваша же задача – совершить то, что до этого казалось невозможным.

Преодолеть границу вражеской территории со стороны Энгаденского болота.

Лорд Юркисс замолчал, но лорд Дилени не оплошал, подав реплику, которой его собеседник явно ждал:

– Прошу прощения, милорд, но это болото абсолютно непроходимо. Что зимой, что летом. Для людей, во всяком случае.

– Ага. Вот и чёрный Властелин так считает. Следовательно, с этого направления вас, то есть – лазутчиков, не ждёт. И уж тем более невозможно целой Армии воспользоваться этим способом проникновения. Потому что этого не заметил бы только слепой. Или идиот, к которым лорд Хлодгар не относится ни коим боком. Потому что гудящие, скрипящие и матерящиеся, и заметные с огромного расстояния толпы народа с фашинами и брёвнами, мостящие гать, невозможно замаскировать даже ночью. То есть – это путь не для массы организованных наступающих. А для одиночек-разведчиков. Вас.

Лорд Дилени пошкрёб затылок – сам не заметил, как рука оказалась там. Но одёргивать себя не стал – видел, что себе-седник не сводит с него внимательных глаз в лучиках смешливых морщинок. Сказал:

– Милорд. При всём моём к вам и вашим способностям уважении. Я не вижу способа преодолеть эти трясины даже нам троим. Вот, скажем, если б мы умели летать... Или знали волшебную скрытую тропинку, или...

– Не нужно высказывать пожеланий. Абстрактные мечты не сбываются. А вот древнее волшебство – действительно работает. (Кстати, этим самым, а вернее – другим волшебством, позволяющим производить монстров в промышленном, так сказать, масштабе, наверняка и воспользовался Хлодгар, раскопав входы и преодолев защиту убежища Предтеч!) Но я сейчас – о не столь глобальном и масштабном волшебстве. А о чуде, так сказать, местного масштаба. Которое поможет вам.

– И что же это за... волшебство, милорд?

– Волшебство это создаёт вполне конкретное, небольшое, и простое в обращении, устройство. Оно способно замораживать водную гладь на расстоянии пяти шагов перед собой. И промораживать на такую глубину, что человек пройдёт свободно, не проваливаясь сквозь корку льда. И говоря сейчас вам о нём, я имею в виду, что вы никому, кроме двоих своих спутников, о нём не расскажете. И воспользовавшись моим прибором, и вернувшись, положите снова – на то ме-

сто, где взяли.

– То есть, мы сможем... Замораживать трясину вокруг себя?

– Да. Именно так вы и проникните сквозь незамерзающую даже в лютую зимнюю стужу Энгаденскую пустошь-трясину. Двигаясь ночью, чтоб вас не было видно, в широких и свободных чёрных плащах. И капюшонах. (Впрочем, это как раз необязательно.) И с устройством, перемещаемым кем-то идущим впереди, с раструбом, направленным вперёд. А держать его нужно на высоте около трёх футов над поверхностью болота, не меньше. Иначе оно излишне сильно проморозит воду, оказавшуюся в зоне действия: так, что поверхность такого льда станет поистине обжигающе холодна. И ваши подошвы просто примёрзнут к ней. Вместо того чтоб ступать по ней. И оторвать подошвы вы вряд ли сможете, не потеряв их. А босиком вы не больно-то ходите по льду.

Вы поняли, лорд Дилени, какой козырь я скрывал все эти годы в рукаве?

– О, да! И не сомневаюсь, что у вас, лорд Юркисс, имеются и другие. Не сомневаюсь я и в том, что все эти артефакты и абсолютно запрещённые к хранению и применению под страхом сожжения на костре предметы, проклятые нашим Конклавом, и подлежащие уничтожению, запрятаны надёжно. И – вряд ли в вашем замке.

Иначе их нашли бы при обыске.

– Разумеется. Я, конечно, безумно уважаю наш Конклав. –

ироничная улыбка недвусмысленно сказала лорду Дилени, что на самом деле думает о сборище их высших священнослужителей королевский заключённый, – Но некоторые их решения... Скажем так: явно были излишне поспешными. И зачастую не слишком хорошо продуманы.

Потому что я не понимаю, честно говоря: *почему* нельзя применять против врага, который заведомо пользуется такими предметами и технологиями, аналогичные и адекватные, раз они у нас, Божией милостию, имеются?! Вернее – имелись. Осталось лишь несколько: те, что удалось спасти мне... Ну, и ещё паре умных, и способных самостоятельно принимать ответственные решения, людей.

– Я... Кажется, понимаю, что ваша милость имеет в виду. Что глупо жертвовать людьми, когда можно уничтожить, или победить врага с помощью именно таких средств. – лорд Дилени и сам не был в восторге от кучки оголтело фанатичных маразматиков, призывающих молиться, когда нужно работать мечами и луками, которыми ему всегда представлялся Конклав. Особенно с их призывами навсегда отказаться, предав огню, всё то наследие предков и Предтеч, что привело к фатальной и кровавой Последней Войне. Но попробуй кому-нибудь об этом скажи! – Но если мы будем пользоваться даже таким «невинным» устройством, что предлагаете вы, мы всё равно навлечём на себя... Гнев Конклава. И, вероятней всего, нас приговорят. К сожжению. Даже если наша миссия увенчается успехом.

– Мне понятны ваши сомнения, милорд. Ведь это *вам* предстоит жить там, на свободе. Которая действительно, будет тут же у вас отобрана, если вы расскажете, чем пользовались, чтоб проникнуть сквозь чёртову трясиину.

А вы просто – не рассказывайте.

– Но как такое возможно, милорд?! Даже если мне удастся заставить моих спутников поклясться, что они никому и ничего об этом аппарате не расскажут, окружающие-то люди – не дураки! Они отлично поймут, что не просто так, вооружённые лишь молитвой и верой в победу, мы смогли преодолеть топь, которую уже два столетия обходит стороной самый глупый осёл, и начнутся расспросы и доносы!

– Разумеется. Но!

Вашим спутникам вовсе не обязательно знать, *как* вы провели их по болоту. Устройство невелико, и по виду напоминает обычную трость. Вы отлично можете сделать вид, что ищете путь обычным способом, как с палкой-сlegой, и провести ваших соратников по якобы секретной тропе. О которой вам рассказал я.

– Это будет... весьма проблематично, милорд. Особенно, если учесть, что ближе трёх футов к поверхности эту самую слегу подносить нельзя...

– Подумаешь, проблема. Приделайте к этой трости (Ну, к её тыльному, нерабочему, торцу!) фальшивый наконечник, и несите, скажем, на плече – как копьё. Или засуньте в пучок хворосту – как запасную фашину. А путь проверяйте насто-

ящей палкой-сlegой! Пройдя болото, просто припрячьте эту трость где-нибудь понадёжней, до возвращения. И идите себе спокойно – ну, почти спокойно! – по вашим делам! Я вам гарантирую: если вы не намокнете, сдуру упав в какую-нибудь лужу, и сохраните на себе одежду и запах этих последних тварей, там, в глубине территории Хлодгара, за линиями охраны и обороны перешейка – вас никто не тронет! Потому что просто – не ждёт!

Ну, в крайнем случае, встретив кого-либо из тварей Хлодгара, проигнорируйте, просто пройдя мимо. Если не получится, и твари будут останавливать вас – порычите на них, пожестикулируйте. Словно разговариваете. Пофыркайте. Но не вздумайте действительно разговаривать. Словами.

– Почему, милорд?

– Ящерицы не разговаривают. Они просто не умеют. А последних тварей Хлодгар создал явно на базе, так сказать, ящериц. (Спасибо, кстати, за прелестный рисунок мэтра Вромберга!) А управляет ими, думаю, чёрный Властелин мысленно. Не сам, разумеется. А через слуг-посредников. (Кстати, вот *их* вам-таки нужно поопасаться!)

Ну а вам его управление – не страшно. Вас же – не вырастили в автоклавах, вбив в матрицу вашей памяти слепое подчинение тому, кто приказывает прямо через мозг!..

Помещение, которое его Величество выделил лорду Дилени для проживания, ну никак нельзя было назвать апарта-

ментами. Даже с большой натяжкой.

Небольшая комнатка на первом этаже, одна из десятка таких же, располагалась почти в торце длиннющего извилистого коридора, сохранившегося, как и всё это крыло, явно без перестроек со времён легендарного сира Эльдорна-строителя. Который, оно и верно, строил много. Но зато об удобствах проживающих в низких сумрачных клетушках с окном в виде узкой бойницы явно не заботился. Даже туалет здесь имелся только общий – как раз за последней, торцевой, дверью коридора.

Так что оглядывая во второй раз грубую каменную кладку серых стен и немудрёный держак для факела у двери, лорд Дилени мысленно вздохнул: даже та спартанская простота, которой отличалась его спальня в замке Милдред, казалась в сравнении с этой комнатёнкой шикарным интерьером.

Не прошло и пары минут с момента, как он вошёл и присел к столу, думая, стоит ли идти ужинать сейчас, или всё же дождаться обещанных гостей, как раздался стук в дверь. Лорд Дилени не поленился встать и лично открыть массивную дверь, пока что не запертую им на позеленевшую от времени щеколду, которая, похоже, должна была вот именно – удерживать захвативших коридор врагов.

За дверью оказался лорд Говард собственной персоной, и с ним ещё двое мужчин.

– Прошу, милорд, прошу, господа, входите. – лорд Дилени отступил в сторону, пропуская прибывших. Лорд Говард

так и сделал, пригласив следующих за ним в шаг мужчин последовать его примеру.

– Сожалею, что могу лишь предложить вам расположиться на вон той скамье. – лорд Дилени обращался к новоприбывшим, судя по одежде и выправке, охотнику и солдату, – А для вас, милорд, наверное, лучше всего подойдёт моё... э-э... стул.

– Не беспокойтесь, лорд Дилени. Я не рассиживаться сюда прибыл. А представить вам ваших спутников и подчинённых в предстоящей вам... э-э... миссии. – лорд Дилени обратил внимание, что лорд Говард попридержал-таки слова типа «секретной» или «сверхважной», – Поэтому прошу: вот это – капрал Борис Паттерсон, лучший стрелок из лука в роте лейтенанта Фриланда. Одиннадцать лет в армии. Отличные рекомендации всех начальников и сослуживцев.

Лорд Дилени приблизился к спокойно стоявшему по стойке «вольно» бойцу и протянул руку. Рукопожатие капрала было и мягким и уверенным одновременно: воин явно знал себе цену, и заискивать или пытаться выслужиться не пытался. А принять участие в рискованной, чтоб не сказать «суперрискованной» операции, его явно заставило желание получить потомственное дворянство. Ну и плюс деньги, разумеется.

– А это – посадник Марат Люггер. Отличный знаток тех мест, и профессиональный охотник. Он в вашей миссии будет проводником. К сожалению, все его родные и близкие

погибли, убитые чёртовыми тварями, так что желание отомстить чародею и его приспешникам в данном случае имеет решающее значение.

Кожа руки Марата оказалась довольно груба – тот явно никогда не пользовался ни простыми, ни кольчужными перчатками. Зато рукопожатие отличалось силой. Лорд Дилени глянул и в глаза проводника. И если у капрала взгляд был просто спокойный и решительный, то у Марата сюда добавлялось и некоего фанатизма: похоже, отомстить он хотел действительно сильно. Хм-м...

А вот это может явиться проблемой.

Ведь они идут на территорию врага не убивать там всех подряд, а как раз – постараться остаться незамеченными... Но пока лорд Дилени ничего не сказал, просто кивнув.

Лорд Говард, словно почувствовав некое замешательство, чуть приподнялся на носки, снова наступив на полную стопу: – Ну, вот вы и познакомились. Предлагаю вам, лорд Дилени, пока хотя бы в общих чертах сообщить вашим новым... э-э... подчинённым и соратникам по миссии суть и детали предстоящего похода, а я... Покину вас, чтоб не отвлекать внимания своим... э-э... Присутствием. Поскольку реально посоветовать что-либо полезное, как и описать ситуацию на землях, куда вы отправляетесь, не в моей компетенции.

Как ни странно, лорд Говард за руку попрощался со всеми, как бы давая понять этим лорду Дилени, что уже практически считает его спутников ровней себе. Дворянами. Ну,

или до крайности храбрыми людьми, готовыми сунуть голову в петлю. Для блага Родины. Или из личных побуждений. Пусть и благородных, но продиктованных, кое у кого, скорее, жаждой мести.

Дверь за лордом Главнокомандующим закрылась, лорд Дилени на этот раз наложил массивную щеколду. Указал рукой:

– Прошу, господа.

Когда оба его будущих соратника присели на почерневшую от времени массивную скамью у дальней стены, лорд Дилени не стал кичиться положением и происхождением, и сам принёс свой стул. Поставил его напротив скамьи, в паре шагов. Объяснил:

– Думаю, будет глупо, если я буду кричать на всю комнату. Эхо здесь... Гулкое. Окно же, к счастью, высоко. Но чем тише мы будем обсуждать план и детали нашего путешествия, тем лучше. И для нас и для плана. Согласны?

– Да, милорд. – естественно, что капрал ответил так, как полагалось согласно Уставу. Охотник же проводник ограничился простым кивком.

– Отлично. В таком случае, объясняю стратегическую задачу. Мы должны проникнуть на территорию врага скрытно, и оставаться там всё время миссии так, чтоб никто в нас вражеских лазутчиков, или просто врагов, не распознал. Потому что миссия наша заключается в том, чтоб выведать, какой новый способ производить монстров придумал и осуще-

ствил лорд Хлодгар. Способ, позволяющий делать этих самых монстров и быстро, и в больших, можно даже сказать – огромных количествах. Именно от того, что мы выясним, и зависит, не постесняюсь так и сказать, судьба нашей Тарсии.

Поэтому. – лорд Дилени со значением посмотрел в глаза своим собеседникам, – наша главная задача – ничем себя не выдать. Там. И проникнуть на территорию врага, естественно, скрытно и не вызвав подозрений. То есть, ничем не выдавая, что мы – *люди*. А для этого придётся предпринять кое-какие маскирующие нас под воинов врага, меры. Весьма, должен сказать, мерзкие и отвратительные.

В частности, нам предстоит натереться кровью, остатки которой сохранились в трёх трупах тварей, лежащих сейчас в подвале-леднике замка Милдред – для обретения, так сказать, «естественного» запаха тварей. Ты, Марат, должен отлично понимать, что именно ты, пусть и невольно, открыл этот способ. Далее, нам придётся одеть на себя одежду, которая была на этих монстрах, и голову накрыть скальпами, и прикрыть лицо кожей, снятых с них же.

– Но милорд... – лицо охотника вспыхнуло, и нос засопел, и вообще – заметно было, что Марат и возмущён, и сомневается, и ненависть буквально душит его. Зубы заскрежетали, и даже лицо его пошло пятнами, – Разве мы не...

– Одну минуту, Марат. Позволь я вначале закончу, – лорд Дилени знал, что металла в голос он подпустить умеет, и от такого тона даже у кое-кого из начальства пропадает охота

перебивать его, – Так вот. Твари эти сохранились от разложения, благодаря тому, что лежали на льду и во льду – я догадался приказать обсыпать их кусками льда со всех сторон. Правда, сделать так я приказал совсем для других целей. В частности, для того, чтоб придворный художник мог подробно, и во всех ракурсах, зарисовать этих новых монстров. Но получилось так, что они – единственные из всех трупов сохранились, не превратившись за ночь в мерзкую и склизкую бесформенную жижу.

Поэтому. Гнилью наши тела и одежда пахнуть не будут. А пахнуть они будут только телами и кровью монстров. Более того: когда мы проникнем на территорию врага, нам, вероятно, придётся убить одного или несколько похожих тварей, (Разумеется, так, чтоб этого не заметили остальные!) чтоб намазаться для гарантии уже свежей кровью. Мерзко, да. Но – необходимо. Придётся все наши инстинкты, и чувство собственного достоинства, и любовь к чистоте принести в жертву главному: маскировке. И вот я спрашиваю вас сейчас: никто не хочет отказаться от нашей миссии?

– Нет, милорд. – это капрал.

Охотник же просто снова покачал головой.

– Отлично. Чувство естественной брезгливости таким образом нам предстоит подавлять примерно неделю. Или на день-другой больше. За это время мы должны успеть сделать следующее: преодолеть Энгаденскую трясину. Добраться до замка лорда Хлодгара, осмотреть его близлежащие окрест-

ности. Выяснить все подробности и прояснить вопросы, связанные с буквально поточным производством монстров. Найти хотя бы часть мест, (очевидно, это будут некие... специфически выглядящие здания или строения) где таких монстров производят. Изучить, что там и как. И живыми и необнаруженными вернуться назад. Задача ясна?

– Вполне, милорд.

– Да, милорд. – по виду Марата, шкребущего ногтём заросший щетиной подбородок, можно было легко догадаться, что он считает затею хоть и глупой, но вполне осуществимой. Разумеется, если не считать той части, что касалась трясины.

– Отлично. Вот теперь можете задавать ваши вопросы. А то, что они у вас возникли, у меня сомнения не вызывает.

– Да, милорд. Если позволите. – Марат поёрзал, очевидно, устраиваясь на лавке поудобней, – Я хотел спросить, как мы сможем влезть в одежду и скальпы тварей, если все они были куда меньше среднего человека.

– Отличный вопрос, Марат. В одежду тварей мы влезем легко. Поскольку кроме кольчуг и штанов на них практически ничего и не было. Поэтому удачно получилось, что я после окончания боя приказал снять несколько кольчужных рубах. И штанов. Уже с других тварей – мне хотелось показать их нашим мастерам. Чтоб, значит, определить, из чего и как они сделаны. Штаны, думаю, мы можем оставить свои. Три скальпа тварей мои таксидермисты* уже доработали и обработали – теперь они не гниют, и налезают на голову лю-

бого человека. Проблема только в том, что кровь... Кровь из тел монстров вытекла почти вся. Поэтому и наши рубашки, и штаны, и тела, и кольчуги придётся натирать практически фаршем из размельчённых тел этих замороженных. Что ещё?

*Таксидермист – специалист по изготовлению чучел.

– Ещё, милорд... Вопрос уже о собственно походе. И преодолении. Г-хм! До начала Энгаденской трясины я нас, конечно, доведу... Ну а через саму трясину пробраться сможет разве что птица. Места там гиблые. Ни один из пытавшихся поохотиться там – а дичи там и правда – много! – моих знакомых идиотов, не вернулся!

– Этот вопрос ещё лучше. Естественно, что он первым возник и у меня. Однако! Я знаю место, где хранится надёжнейшая и достовернейшая старинная карта. Указывающая надёжный и проверенный путь через якобы непроходимую трясину. И сегодня всю ночь я буду отсутствовать, поскольку прямо после ужина отправлюсь за ней.

– Карта, милорд? Простите за нескромность – уж не лорд ли Юркисс составлял эту карту?! – особой прозорливости за вопросом Марата не было, так как все знали, что несколько часов назад лорд Дилени имел весьма продолжительную беседу с королевским узником. Сарафанное радио – не из тех устройств, что можно выключить. Особенно в таких людных и сравнительно небольших местах, как казармы или королевский замок!

– Нет. – лорд Дилени ничуть не покривил душой, поскольку карты никакой не имелось. Да и о той, что якобы имелась, было известно, что её составил дед лорда Юркисса.

– А-а... Ну, тогда, вроде, всё в порядке. Этот вариант вполне... Приемлем. Так что, милорд, может, нам поехать с вами? Чтоб помочь добыть эту самую карту?

– Не думаю, что это хорошая мысль. Карту эту я должен добыть из такого места... Где лучше действовать в одиночку. И поменьше шуметь. И прикрытия... Не потребуется. Да и вообще: разговоров, даже шёпотом, и применения оружия *там* лучше избегать.

– Понятно, милорд. Значит, помогать не нужно. Как скажете.

Лорд Дилени понял, что Марат быстро вычислил, что, очевидно, лорд поедет или на кладбище, или в некое проклятое место – туда, действительно, лучше лишний раз не соваться. Быть проклятым покойниками, чей прах потревожен, или лезть в уже проклятые, заколдованные, места – обычным людям совершенно ни к чему!

– Теперь вы, капрал. Вы пока ничего не спросили.

– Нет, милорд. – голос у капрала хриловатый, а в тоне слышались даже намёки на иронию. Или самоиронию, – Вы всё очень даже подробно и чётко разъяснили. Пробраться по никому не известной, но определённо существующей тропе на территорию врага, через место, откуда нас совершенно точно никто не ждёт. Вести себя тихо и незаметно, для чего

адекватно замаскироваться. Осмотреть места, где производят в огромных количествах чёртовых монстров. Всё выяснить и запомнить. Вернуться живыми, с добытой информацией. Всё ясно. И поскольку вы руководите нашим походом, то по мере надобности будете отдавать и соответствующие дополнительные приказы. Что же ещё спрашивать?

– Действительно. Что ж. Отлично. В таком случае, господа, – лорд Дилени встал, давая понять, что беседа закончена. – Предлагаю пройти в обеденный зал при кухне, для дежурного караула. Там нас накормят горячей пищей. После чего вы отправитесь по своим помещениям и постараетесь выспаться и отдохнуть. Я же двинусь за картой. Постараюсь вернуться завтра к утру. Надеюсь, вещей для того, чтоб взять с собой, у вас немного. Да и те придётся снять или просто оставить, после посещения, и подготовки, которую мы проведём в подвалах Милдред.

Что ж, вперёд, соратники! Да поможет нам Бог!

Ночь наступила как-то очень быстро. До ужина вечерняя заря ещё красила в кроваво-багряный цвет макушки зубцов высоченной стены королевского замка, а когда ужин был завершён, вокруг уже стояла привычная темень: хоть глаз выколи. Хотя, конечно, поколения и поколения, выросшие как раз в таких условиях, постепенно приспособились и к потере второго, ночного, светила.

За чёртовым устройством для замораживания трясины

лорду Дилени пришлось отправиться, разумеется, лично. Как он и сказал своим напарникам, не такое это дело, чтоб кому-то его поручать, или брать помощников. И никому, в том числе и лорду Главнокомандующему, он, разумеется, ничего не стал объяснять. Не такое это дело, чтоб объяснять.

Особенно, если не хочешь сгореть на костре как нарушитель Указов и заповедей Конклава. То есть – как вероотступник. Или просто – колдун. Ну, или пособник.

До бывшего замка чудовища-садиста, а сейчас – летней резиденции его Величества (В которой, правда, тот побывал всего лишь однажды – восемь лет назад!) лорд Дилени доскакал уже к полуночи. Понимая, что появляться в виду часовых и дозоров на стенах, и пикетов, курсирующих вокруг этих стен снаружи замка ему совершенно ни к чему, объехал громаду, темневшую в неверном свете звёзд чудовищной, и неправдоподобно правильной пирамидой, взяв на пару миль восточнее. Он отлично помнил слова и наставления лорда Юркисса, и достаточно хорошо представлял, куда ему нужно попасть.

И последнее, что ему нужно – это свидетели.

Впрочем, после того, как отсюда выселили опального хозяина, отписав замок в казну, население принадлежавших лорду Юркиссу сёл и деревень как-то само по-себе словно рассосалось с близлежащих земель: под крылышко и юрисдикцию соседей.

Но вот странная конструкция, перестраиваемая и дедом,

и отцом, и лично самим лордом Юркиссом, и превращённая их стараниями в почти точное подобие одного из древнейших, и чудом устоявших до сих пор чудес света, скрылась за очередной рощей берёз, клёнов, елей и кедров, и лорду Дилени пришлось слезть с коня и вести того в поводу, углубляясь внутрь наполненных подозрительными шорохами и уха-нем филина, дебрей. Потому что ночной, да ещё запущенный, лес – не то место, где хочется в темноте напороться на какой-нибудь сук, запросто снёсший бы тебя с седла. А так – если и хлестнёт иногда по лицу какая ветка или колючая еловая лапа, то несильно. Скорость, стало быть, мала. Да и поменьше ветвей тут, внизу.

Идти пришлось недолго: лорд Юркисс так и сказал, что от опушки до разрушенной часовни не больше получаса ходьбы. Лорд Дилени ещё не успел начать ругаться про себя, думая, что заблудился-таки, как впереди забрезжил странный рассеянный свет, и кое-какие предвестия выдали наличие там обширного пустого пространства.

Всё верно: заросли кустов чего-то колючего, вроде ежевики, и подлесок стали пореже, и продираться теперь было куда легче, и уже почти не опасаясь за расцарапанную физиономию и целость штанов и камзола. Верный конь лорда, восьмилетний мерин Спокойный, двигался за ним всё это время молча и безропотно. Знал, что хозяин в обиду его не даст. И если хочется тому сейчас лезть сквозь колючки и хлещущие по лицу и телу ветви – пусть его. Значит, так надо.

Но вот они и выбрались к обширной прогалине посреди чащи – тусклый свет звёзд освещал свободное от деревьев пространство примерно двухста шагов в поперечнике. А странный сиренево-голубой отсвет, который смутил лорда Дилени при подходе, оказался производим мириадами парящих и снующих в воздухе, на высоте от нескольких шагов, до двадцати-тридцати футов, жучков-светляков. Так называемых кладбищенских мигалок.

Лорд невольно опять почесал в затылке: нет, он конечно, выше предрассудков простого люда, так называющего эти создания, и дурацких легенд, утверждающих, что такие светляки собираются исключительно на кладбищах, или на проклятых местах, где кого-то подло убили, или древние свершали свои кощунственные обряды, или живёт некое древнее Зло, но...

Но подсознание – не разум. Ему прекратить бояться и сомневаться не прикажешь.

Невозмутимого Спокойного лорд Дилени привязал к низко расположенной ветке. Так, чтоб тот мог в случае опасности легко освободиться, просто оторвав от ствола эту тоненькую веточку берёзы. Кони – они ведь не люди. И очертя голову, в запале азарта, или руководствуясь прагматичным разумом, в проклятые места по своей инициативе не лезут. Так пусть хотя бы, случись с ним что, конь освободится. И выживет. И если Спокойный прискачет назад, в конюшни, король вышлет, быть может, целый отряд для спасения незадачли-

вого храбреца. А провести такой отряд к месту, где пропал лорд Дилени, придётся всё тому же верному коню – на это его ума и навыков вполне хватит.

Чертыхаясь про себя, и в который раз посетовав, что чертовски жаль, что Предтечи разрушили легендарный спутник их мира, древнюю Луну, по слухам-легендам дававшую ночью очень даже приличное освещение, лорд неспешно и мягко ступая по уже росистой траве, двинулся вперёд: туда, где чернела странными формами явно рукотворная громада: древняя часовня. Сейчас полуразрушенная и давно заброшенная.

Впрочем, в очередную легенду, повествующую о том, что в ту маковку, что с крестом, ударила молния как раз во время богослужения, разнеся полкрыши, и убив два десятка прихожан из ближайшей деревни, лорд, конечно, не верил. Однако то, что эту самую деревню, Черниговку, добрую сотню лет назад оставшиеся в живых жители, и соседи из окрестных сёл забросили, и переселились на новые места, в трёх и четырёх милях южнее – несомненный факт. Так что сейчас ему, возможно, и не удастся рассмотреть, как именно и от чего разрушилась часовня. Зато оставленных, по той же легенде, на месте смерти поражённых Господней молнией трупов грешников он уж точно не встретит – тут водятся и гиеноволки, и таёжные львы, и собачьи сурки. Не говоря уж о кротовых барсуках – эти твари способны унюхать запах падали с расстояния в милю, и за одну ночь закопают хоть це-

лое стадо коров. Сдохших, разумеется – живые перетоптали бы их сразу!

В десятке шагов от полуразрушенных стен лорд остановился. Оглянулся назад: нет, всё в порядке. Вроде. Вон: Спокойный шевельнул чуть заметно головой с густой гривой, всхрапнув, словно подбадривает затормозившего и застывшего на месте хозяина.

Но что же заставило его самого остановиться? Вперёд!

Хм, вперёд-то оно конечно, вперёд... Да только вот правая нога наотрез отказывается шагнуть вот именно – вперёд! Влево – пожалуйста, вправо... Вроде тоже согласна. А вперёд – ни шагу! Хм-м... Да что же это такое?!

Однако лорд Дилени не стал «нарываться», как, несомненно, сделал бы менее умный и более безрассудный (если так назвать безоглядную храбрость, бывшую, по мнению лорда, скорее, сродни глупости) человек. И не шагнул вперёд, презрев предчувствия. Нет, он медленно двинулся направо: туда, где имелся огромный завал из щебня пополам с кирпичом и камнями, и где, судя по всему, стихия и время сильнее всего потрудились над творением людских рук. Оглянувшись назад через буквально три шага, лорд застыл, словно его приковали к поверхности: на том месте, куда он собирался было поставить ногу, двигаясь в лоб, зияла огромным чёрным колодцем пустота!

Сглотнув липкий комок, и чувствуя, как по спине под рубахой заструились не капли даже, а целые потоки холодного

липкого пота, Дилени позволил себе чуть вернуться. В колодец, дна у которого, казалось, нет, заглянуть пришлось уже опустившись на живот и подползя – лорд боялся, что глиняные стены осыпятся.

А ничего себе колодец. И правда – бездонный. Диаметр шага в два. Стены отвесные и гладкие – явно не каприз природы. Но это – и не творение кротовых барсуков. Те не имеют привычки устраивать ямы-ловушки на живую дичь. Они просто подбирают и закапывают поглубже трупы и падаль, чтоб позже, неторопливо и без помех, съесть их.

Следовательно – кто-то *разумный* приготовил эту ловушку. И, будь возможно зажечь здесь факел, и проверить, на дне, лорд Дилени мог бы поспорить на что угодно – заострённые колья!.. И наверняка такая яма – не одна.

Но кто, кто их приготовил?! И для кого?!

Ведь к таким заброшенным метам – это лорд Юркисс верно рассудил! – никогда не сунется никто из *людей*! Все опасаются, вот именно – навлечь на себя проклятье, якобы лежащее на этом месте. Или просто побоятся суда Конклава. Магические ритуалы и любое действие, в котором можно заподозрить колдовство, мгновенно влекут за собой арест, допросы с пристрастием, (Проще говоря – пытки! И уж тут лорду Юркиссу нашлось бы чему поучиться!) и казнь.

Лорд Дилени поклялся себе более внимательно относиться к желаниям своей ноги, и отполз назад. Встал. И двинулся вдоль кромки ямы, продвигаясь к груде щебня. Он логично

рассудил, что под ним-то ям-ловушек не будет. А то давно бы провалились.

До груди добрался благополучно, но каждый из десятка шагов ощущался, словно последний – сердце так и стучало в ушах, а вырывавшееся из груди дыхание никто не назвал бы равномерным и спокойным. Хотя сделать его бесшумным лорд уж постарался.

Через груды щебня и старых кирпичей перебрался легко, хотя она и предательски осыпалась и хрустела под его сапогами. Но вот он и у стены. Теперь нужно двигаться вдоль неё, до зияющего пустым пространством портала входа.

Раньше здесь, естественно, имелись двери. Теперь же, что тоже естественно, в результате почти полутора веков воздействия снегов, ветров и дождей в портале не осталось даже древесной трухи. Лорд не стал больше ничего продумывать, а просто вошёл.

Внутри было почти светло, поскольку крыши и правда – не имелось. И сейчас над оплывшими полуразрушенными стенами нависало звёздное небо, и едва заметно пробивался в самых низких местах стены и сквозь остатки стрельчатых окон-бойниц сиренево-голубой отсвет с прогалины. Но глаза лорда Дилени за эти годы вполне привыкли к мраку ночей, и видел он неплохо. Проход между скамьями, которые, похоже, когда-то здесь стояли, а сейчас, скорее, угадывались по кучам сгнившей трухи, был вот здесь – следовательно, ему как раз туда: к месту, где когда-то стоял алтарь.

Нога позволила ему пройти туда – никакой опасности на вымощенном каменными плитами полу она, вроде, не почувяла.

Вот и отлично. Осталось, значит, лишь убрать ту плиту, на которой стоит что-то вроде полуразрушенного аналая, да забрать посох-замораживатель из секретного тайника-углубления под ней.

Под плиту лорд Дилени подрылся кинжалом. Приготовился напрячься, но приподнял на удивление легко. Ну правильно: ведь не больше десяти лет назад то же самое смог проделать и пятидесятилетний тогда лорд Юркисс, не отличающийся атлетическим сложением.

Аккуратно, стараясь ничего не разбить, лорд опустил вынутую плиту рядом с углублением. Ага, труха и вождедённая добыча – сверху.

Вот, стало быть, эта штука. Знай Конклав о том, что он просто посмотрел на неё, ему не миновать смерти. А он собирается сделать кое-что куда похуже: воспользоваться.

И как же прикажете уговорить двух отнюдь не глупых и, следует думать, богобоязненных спутников помалкивать об этом?!

Лорд протянул руку, и дотронулся кончиками пальцев до толстой палки, которую из себя и представляла, кажется, волшебная вещь. Ничего не произошло. Лорд взял предмет в руки, поднял повыше. Осмотрел, насколько позволяло освещение.

Не-ет, это – не трость для замораживания воды! Это – фальшивка. Или приманка?!

Вот только положил ли её сюда сам лорд Юркисс, или же... Или кто-то другой, чужой, и злобный, похитил настоящий артефакт, а на его место положил фальшивку!..

Мысленно сосчитав до десяти, лорд Дилени заставил себя выдохнуть и проморгаться. Не может всё быть так плохо. Лорд утверждал, что никто не видел, как и где он прятал трость. Следовательно, подменить её никто не должен. Значит...

Значит, или это – действительно волшебное устройство, только очень удачно замаскированное, так, что даже на ощупь не отличишь от палки, или – приманка для лохов. А настоящая трость тогда должна быть...

Отложив в сторону, на пол рядом с собой, палку-подделку, лорд засучил рукава, и принялся прямо ладонями осторожно разгребать древесную труху и рыхлую землю, имевшиеся в углублении.

Есть!

Есть – его пальцы нащупали странную поверхность, на ощупь похожую на металлическую. Трость! Четыре фута. Диаметр – два дюйма. Вынуть её. Отереть. Осмотреть.

Да, это – именно то, что он искал. В точности такая, как описывал лорд Юркисс: гладкая, полированная и матовая, поверхность, вот рукоятка с кнопкой, вот – раструб. Правда, сейчас он свёрнут, но после нажатия кнопки включения

развернётся в подобие цветка с десятью лепестками... Нет, скрыть *такое* от внимательных глаз спутников не удастся, даже приделав фальш-наконечник!

Ладно, нужно теперь побыстрее убираться отсюда – чем раньше они начнут свой поход, тем быстрее вернуться. А время, как говорит чёртов маньяк, сейчас имеет важнейшее, решающее, значение. А ну как и правда – лорд Хлодгар в эту самую минуту создаёт сонмы и легионы новых, куда более страшных и здоровых, тварей?!

Трость лорд сунул в чехол, который озаботился взять с собой. Ремни позволяли нести его на спине, словно рюкзак. Поскольку нести такой предмет в руках – глупо. Руки должны быть всегда свободны. Никогда ведь не знаешь, когда придётся схватиться за оружие!

Вот как сейчас например.

Лорд Дилени привычно отработанным движением выхватил из ножен свой меч, на этом же движении полоснув по морде странной твари, налетевшей на него словно ниоткуда, накинувшись сверху. Похожий на гигантского нетопыря монстр отлетел, отброшенный силой удара, корча страшные гримасы: меч рассёк ему нижнюю челюсть!

Но рана явно оказалась не смертельна: едва коснувшись земли, тварюга вскочила на задние, коротенькие, лапки, и кинулась снова к нему! Почему-то не пробуя снова взлететь – пространства для размаха крыльев ей не хватало, что ли?

Ну, злобность и непримиримость созданиям Хлодгара

присуща всегда, так что это лорда Дилени ничуть не удивило. А удивило то, что монстр до сих пор так и не издал ни звука! Немой он, что ли? Или ему запрещено шуметь, рычать, и визжать? Даже получив чертовски болезненную и глубокую, наверняка рассекшую на части кость челюсти, рану?

Значит ли это, что её хозяин – не лорд Хлодгар?

Но кем бы этот хозяин ни был, ясно одно: действовать он предпочитает в тишине.

С другой стороны и лорду Дилени вовсе незачем шуметь, привлекая к себе ненужное внимание! Все эти мысли пронеслись в мозгу лорда за доли секунды, и где-то на краешке сознания, потому что основная часть мышления была занята более насущной проблемой: как убить злобную тварь. И – одна ли она тут такая!

Приблизившийся на два шага скалящийся острыми мелкими зубами верхней челюсти комок ненависти и чёрной злобы лорд встретил просто: прыгнул вперёд, сокращая и без того небольшое расстояние, и не мудрствуя лукаво, сверху нанёс рубящий удар на полном замахе!

Сработало. Уже, похоже, частично повреждённый первым ударом череп перерубился, и половинки головы распались, словно разломленный гранат, истекая чёрной кровью, и вываливая из черепной коробки остатки жёлто-зелёных мозгов, но оставаясь висеть на короткой шее, и сверкая белыми искорками многочисленных обнажившихся зубов.

Зрелище не для слаонервных.

Впрочем, лорда Дилени к таковым не причисляли даже многочисленные завистники и недоброжелатели.

Туловище, достигавшее лорду до пояса, бег вперёд прервало. Постояв несколько секунд на месте, просто завалилось на бок. Покрытая длинной косматой шерстью тварь дёрнулась было пару раз, затем словно осела, растеклась по земле, и застыла – уже навсегда. Лорд Дилени подумал, что поступил правильно: отсекать крылья или лапы было бы бессмысленно. Тыкать стальной зубочисткой в грудь в поисках сердца – тоже.

А так – пусть он и рисковал попасть в объятия когтисто-перепончатых передних конечностей, зато – надёжно. Действиями и инстинктами монстра явно управлял мозг. Собственный, а не направляемый чьей-то посторонней злой волей. Значит, сработала тактика, которую они выработали против насланных на них гигантских летучих мышей. Потому что даже с пронзённым сердцем те продолжали ещё жить какое-то время! Иногда до полуминуты! Кидаясь на людей, словно бешенные собаки, или бесноватые берсерки, не взирая на раны и обрубленные конечности.

Бр-р-рр!!! Мерзко вспоминать.

Осмотром твари, впрочем, лорд заморачиваться вовсе не собирался. Он уже и так понял, что перед ним создание совершенно другого типа. Оно и крупнее летучих монстров Хлодгара примерно вдвое, и молчаливей, если можно так сказать. И вовсе не пыталось цапнуть его за любую часть те-

ла. Нет, тварь собиралась сесть человеку на холку, или грудь, и отгрызть голову! Недаром же устройство пасти не как у летучей мыши, а как у волка – позволяет кусать и рвать плоть, и, вероятно, даже дробить и перекусывать кости.

Ладно, тварь сдохла. Но тот факт, что она существовала, заставляет по-новому взглянуть на дело. Значит, получается, это не лорд Юркисс умолчал, по забывчивости (что вообще невероятно!) что по каким-то своим, одному ему ведомым, причинам, он озаботился подстраховочкой настоящей трости подкладыванием в яму тайника ещё и её фальшивки-подделки. А поработал тут некто третий...

Следовательно, у них в Тарсии завёлся маг и помимо старины Хлодгара. Потому что человек не стал бы *так* мудрить.

Конкурент? Или – пока просто не столь сильный колдун, чтоб как-то проявлять себя? Ну, или – что вероятней! – просто более хитро...опый, и предпочитающих ждать, пока люди и северный чародей столкнутся в последней, смертельной, схватке, а потом легко разделаться с победившей стороной и воцариться на «очищенном» от лишних властителей, людей, и тварей, пространстве!

Странно, да... Но вполне возможно.

Но как этот маг узнал про магическую трость для заморозки? И почему просто...

Не забрал её?! Ведь в его распоряжении имелось почти девять лет?!

Однако задумываться ещё и над этой проблемой придётся-

ся позже: а сейчас нужно побыстрее выбраться с проклятого места, и добраться до Клауда, где его возвращения ждут король, лорд Главногокомандующий, и спутники по опасному путешествию.

Осмотревшись ещё раз, и не заметив ничего опасного, лорд Дилени покосился на свою правую ногу. Нет, она тоже угомонилась. Вроде. Значит – вперёд.

Ну, вернее – назад: незачем валять дурака, специально выискивая новые ловушки или ямы. Или дразня стражей-охранников. Он просто вернётся по своим же следам к опушке. Хочется надеяться, что верный Спокойный всё ещё ждёт его там. Живой и здоровый.

Впрочем, вот чего, что Хлодгар, что иногда появляющиеся в их маленькой стране маги-путешественники, никогда не делают, так это – не трогают животных. (ТЬфу-тьфу!)

Ладно, стоять здесь, в мёртвой тишине и в компании дохлой твари совершенно незачем. Впрочем, и торопиться особо не нужно – мало ли... Да и нужно ещё до того, как поскакать в замок короля, кое-что проверить. А то, может, и то, что он спрятал в чехол за спину – тоже подделка. Пусть и тщательно сработанная. И он зря сюда ехал.

Проверку «работы» волшебной трости лорд Дилени провёл просто.

Выехав к опушке, повернул налево – там он успел заметить крошечный ручеёк. Так, положить трость на плечо, на-

править. Включить.

Удивительно. Это если сказать сдержано. А если по-обычному, то – «вау!», как выражаются маленькие дети. Лорд прошёл вперёд, не забыв выключить штуковину.

По сапогам колотили словно крохотные молоточки – это замёрзла на кончиках невысоких травинок роса, и сейчас она била его по ногам, словно он продирается через подвешенные на ниточках дробинки. А зеркало воды в трёх шагах впереди превратилось в тускло-голубую и не слишком ровную поверхность: похоже, все крохотные волны и рябь на ней так и застыли – мгновенно! Удивительно! Но... Не волшебство.

Древние называли своё умение владеть силами Природы – Наука. И, судя по всему, они понимали в ней толк.

Ногу лорда эта новосозданная поверхность льда выдерживала отлично. Как и полный вес тела, которое он, выдохнув, осторожно, а затем и уверенно перенёс на неё. Правда, кромка льда обрывалась, словно обрезанная ножом, действительно, в пяти шагах от того места, где он включил прибор.

Лорд Дилени подошёл и к этой кромке. Опустился на колено, и снял перчатку. Просунул ладонь под кромку льда. Ага. Дюйма четыре. Вполне, стало быть, надёжно – выдержит человека. А вот коня – вряд ли. Не говоря уже о всяких там слонах, верблюдах, и прочих экзотических созданиях, что, по словам гостей из соседних стран, состоят кое-где на службе в армии.

Да и ладно. Бог с ними, с конями – их во владения Хлод-

гара всё равно с собой нехватишь: никто там верхом не ездит. Даже, как ни странно, сам лорд Хлодгар.

Но вот проверка и состоялась, устройство работает, следовательно, всё в порядке. Теперь нужно лишь понадежней спрятать добытый артефакт, желательно поближе к трясине, и скакать в замок короля.

Там его уже ждут.

В замке короля лорду Дилени пришлось-таки оправдываться.

Для начала перед его Величеством, которое соблаговолило лично понапутствовать главу экспедиции, а заодно и поинтересоваться, за чем же это столь важным лорд ездил к землям опального вельможи, что из-за этого начало миссии пришлось даже отложить.

Беседа, к счастью, проходила без свидетелей, в личном кабинете короля. Небольшая уютная комната, обитая светло-жёлтым набивным ситцем очень даже способствовала. Непринуждённости обстановки. Лорда Дилени король усадил в кресло перед своим рабочим столом, сам же долго усидеть напротив посетителя не смог. И сейчас наматывал круги по кабинету, если уместно так сказать про движение вперёд-назад с амплитудой в пять шагов. Правда, очень больших. Похоже, его Величество всерьёз пытался переварить версию, услышанную от главы предстоящей миссии:

– Значит, говорите, лорд Дилени, карта хранилась в тай-

нике?

– Совершенно верно, ваше Величество. В тайнике. В полуразрушенной часовне при заброшенной церкви.

– И, стало быть, сейчас она хранится только в вашей голове, – король, чуть приостановившись, повернулся к лорду Дилени и постучал себя пальцем по виску, – потому что её у вас «выхватила и разорвала на крошечные клочки странная летающая тварь»?

– Да, ваше Величество. Это огромное счастье, что у меня почти фотографическая память. Карта хранится теперь здесь. – теперь уже лорд Дилени постучал себя по виску пальцем, при этом думая про своего короля, что тот никогда не станет умелым прокурором, или даже членом Конклава – допросы явно не входят в число дел, которые сир Ватель умеет вести хорошо. Потому что логических нестыковок и слабых мест в версии, преподнесённой лордом Дилени что Главнокомандующему, что его Величеству, имелась масса. И только слепой, или уж совсем глупый не раскрутил бы этот клубок, с неизбежным задержанием лорда и заточением в темницу, как наглого и беспринципного обманщика. И потенциально-го вероотступника. С последующими допросами с пристрастием – либо пыточных дел мастерами его Величества, либо уж профи от Конклава...

– Но как же вы смогли её столь хорошо разглядеть, если там, внутри, не было света?! – ага, всё-таки он несправедлив к королю. Кое-какие «светлые» мысли проскальзывают и у

того.

– Это было трудно ваше Величество. Но мне помогло то, что там по всей этой пустоши летают жучки-могильщики, «кладбищенские мигалки», как их именует людская молва. Это такие...

– Не нужно объяснять. Я знаю, что такое кладбищенские мигалки.

– Да, сир. Так вот, крыши и части стен, как я уже упоминал, не было, и того сиреневого отсвета, что давали мириады их телец, мне вполне хватило, чтоб всё подробно рассмотреть. И запомнить.

– А почему же вы решили достать из футляра и рассмотреть эту карту сразу, а не подождали, пока окажетесь в более подходящих условиях?

– Но милорд, я ведь должен был сразу убедиться, что в моих руках именно то, о чём мне рассказал лорд Юркисс. Ведь если бы выяснилось, что я нашёл не то, это могло бы означать две вещи: или лорд Юркисс просто солгал про эту карту, или кто-то злонамеренный подменил её за эти годы, воспользовавшись настоящей для своих целей.

– Зачем бы лорду Юркиссу, – по недовольной гримасе, исказившей красивый рот короля, было заметно, что ему неприятно произносить имя этого выродка, – лгать?

– Затрудняюсь ответить, ваше Величество. Возможно, он мог бы так поступить, чтоб сорвать нашу экспедицию, или привести её к краху. Что непонятно уже мне. Он ведь сказал,

что заинтересован и сам... В получении точнейших новых сведений о силах и вооружении противника. И в нашей победе. Да это и логично: ведь твари Хлодгара наверняка просто убьют его, если победят, и захватят замок.

Нет, я думаю, что все эти домыслы – вот именно – домыслы. Ведь карта оказалась той самой! К счастью, там почти не было надписей, а лишь чертёж. Очень подробный.

– Ладно, допустим. – его Величество опустилось наконец в кресло напротив лорда Дилени, и крепкие пальцы сильных рук, привычные к боевому оружию и орудиям для охоты, побарабанили по столешнице из почерневшего от времени дуба, – Допустим, что лорд Юркисс и правда желает скорейшего и успешного выполнения вашей миссии. Но почему он тогда просто не нарисовал вам эту карту, не сходя с места? Ведь память у него, насколько мне известно, не хуже вашей! А, может, и получше.

– Думаю, ваше Величество, он не смог бы этого сделать по одной простой причине. Ведь карту эту рисовал не он. А его отец. Поэтому те детали и тонкости, которые отлично известны тому, кто чертит такие карты, просто не хранились в памяти лорда Юркисса. Да и вряд ли он старался всё нарисованное – запомнить.

Зачем – если есть, вот именно, карта?!

– Хм-м... Возможно, конечно, что вы правы, лорд Дилени... Даже это чудовище с его изошрённым мозгом не может помнить *всё*. Кстати – как там поживают его мемуары?

– Э-э... Думаю, неплохо, ваше Величество. Во-всяком случае, стопка рукописных листов на дальнем краю стола достигает вот такой толщины! – лорд Дилени показал её, раздвинув на три дюйма большой и указательный пальцы.

– Вот как. Нужно непременно указать лорду Говарду на необходимость сжечь всю эту еретическую и похабную мерзость, когда наш заключённый... Ладно, пока это не столь важно. Есть дела и поважней. Когда планируете выступить, лорд Дилени?

– Если позволите, ваше Величество, хотелось бы выступить прямо сегодня. Сразу после завтрака. То есть – через час. Потому что тогда мы к обеду доедем до Милдред, сделаем там... э-э... то, что необходимо сделать, и к ночи как раз доберёмся до кромки Энгаденской трясины.

– Хорошо. Теперь такой вопрос: вашему отряду, лорд Дилени, нужны какие-нибудь сопровождающие, чтоб помочь вам беспрепятственно и под защитой, добраться туда?

– Если позволите – нет, ваше Величество. Большой отряд гораздо легче заметить, буде на нашей территории имеются вражеские лазутчики или агенты. А три всадника – это может быть и вполне невинная почта. Или просто – какой-нибудь купец едет по делам... Никто не должен ничего заподозрить.

– Так вы, стало быть, полагаете, лорд Дилени, что у врага здесь есть лазутчики и шпионы?!

– Разумеется, ваше Величество. Ведь эта немудрёная

мысль много раз приходила в голову и вам, и лорду Говарду. Другое дело, что это – вряд ли люди. Потому что вычислить таких труда не составило бы. Нет, это, вероятно, могут быть некоторые птицы. Животные. И даже искусственно созданные: птицы, животные, или монстры – вроде того, что напал на меня.

– Да-да, разумеется вы правы. (Кстати: я уже приказал взводу кавалеристов доставить мне сюда эту убитую вами тварь во что бы то ни стало! И они даже повезли с собой – благодаря методике, разработанной вами, лорд Дилени! – три мешка со льдом. Нужно же нам со Штабом знать, что там ещё Хлодгар придумал для ночных внезапных нападений!) Но ведь эти животные и птицы, они не могут рассказать...

– Вы совершенно правы, ваше Величество. Их язык, разумеется, не столь совершенен. И многих человеческих понятий они просто не в состоянии осмыслить и передать. Но общую картину того, что здесь у нас происходит, особенно в приграничных районах, думаю, передают нашему врагу регулярно. И, как уже заподозрили давно и вы и лорд Говард – передают её с помощью мыслей и картин, хранящихся в памяти.

То, что у лорда Хлодгара явно имеется целый штат отличных менталистов, сомнения не вызывает. Особенно явно это проявилось в последней кампании – никто так и не услышал команд. Которыми явно управлялись орды тварей-ящериц!

– Возможно, возможно... Но почему тогда, как вы думаете-

те, для наших новых противников оказался сюрпризом восстановленный вал Адриана, и тын из стволов? Почему они позволили загнать себя в столь хорошо видимую, скажем, с воздуха, ловушку?

– Возможно, ваше Величество, это как раз и произошло оттого, что вал и тын – такие понятия, которые язык, например, ворона, орла, или медведя, описать не может. Потому что для этого нет соответствующих понятий в их словаре. А мысленная картина в этом случае передаёт лишь тот факт, что трупов, которыми можно было бы поживиться на земле – нет. А вовсе не детали фортификационных сооружений...

– М-м... Да, такое возможно. Ну, ладно, лорд Дилени, – его Величество вдруг встал, протянув через столешницу крепкую ладонь, – Не смею вас больше задерживать, и желаю скорейшего... И благополучного возвращения. Разумеется, с успешно выполненным заданием. Повторю ещё раз: вы можете взять из арсенала и со складов любое нужное вам оружие и оборудование. И, разумеется, любые припасы и продукты.

– Благодарю, ваше Величество. Но чем меньше мы будем привлекать к себе внимания, тем лучше. Поэтому оружие мы возьмём только своё, привычное. Да и запасов консервов и сухофруктов из Хранилища – не более, чем по мешку. И, разумеется, воды наберём в бурдюки. Потому что пить болотную воду – безумие. И верная смерть.

– Что ж. В трезвости подхода и логичности рассуждений

вам трудно отказать. Как и в спокойствии в критических ситуациях и силе духа. Надеюсь, лорд Дилени, что вы своим походом подтвердите весьма лестное мнение о вас лорда Главнокомандующего.

– Благодарю ещё раз, сир. Благодарю и лорда Говарда. За его столь лестное обо мне мнение. А сейчас позвольте откланяться.

– Да... Пожалуй, вам и правда лучше выступить поскорее. Прощайте.

– Прощайте, сир.

Лорд Дилени вежливо поклонился. Следуя предписаниям этикета, пятясь, добрался до двери. И вышел.

Когда замок двери защёлкнулся, зашелестела портьера у другой двери, той, что вела в спальню. Сир Ватель, сердито надув губы, буркнул:

– Ладно, я всё равно слышал, как ты там ворочалась. Думаю, лорд Дилени тоже. И если он и правда, столь умён, как описывают, легко тебя вычислил. Выходи уже.

Со вздохом леди Рашель выбралась из тесного и неудобного укрытия. Прошла к столу, и потянулась гибким стройным телом:

– Неудобно стоять – ты был прав. А хуже всего то, что пыли и паутины там, на занавесях,росло – море. Только чудом сдерживалась, чтоб не чихнуть. Куда только смотрит твоя чёртова обслуга-челядь во главе с мажордомом?

– Думаю, смотрит она туда же, куда и я. – король действи-

тельно уставился не отрывая глаз на то, что сейчас неторопливо и чувственно поворачивалось перед ним, то приподнимающая эту часть тела на цыпочках, то извиваясь, то наклоняя верхнюю часть якобы затекшего тела вниз, чтоб яснее оконтурить кое-какие выпуклости, прогибая гибкий стан. Леди Рашель засмеялась:

– И ты вот так спокойно признаёшь, что позволяешь жалким плебеям беззастенчиво пялиться на мою роскошную попку, предаваясь чисто эстетическому наслаждению. И просто пялишься и сам, вместо того, чтоб перестать отлынивать, и заняться, наконец, своими прямыми обязанностями? – она неторопливо, нарочито изящными движениями полезла на столешницу, встав на четвереньки, и призывно оглядываясь через плечо.

Его Величество не нашёлся, что достойно ответить, потому что руки его в это время как-то сами, без приказов со стороны головы, уже задирали даме на стянутую корсетом спину подол пышного кринолина, а глаза оказались прикованы к месту, которому полагалось бы быть прикрытым кружевными воздушными панталончиками... Но которое почему-то ничем прикрыто не было.

Его Величество изволили сглотнуть. И засопеть. Штаны, что были надеты на сире Вателе вдруг резким рывком оказались спущены, а воспрывшее естество как-то очень быстро устремилось к вожденной цели...

В результате на некоторое – весьма длительное, надо при-

знать! – время его Величество напрочь забыло о готовящейся к выступлению экспедиции...

И только гораздо позже, когда они уже расслаблено валялись в постели, наслаждаясь тишиной и покоем раннего утра, дама соизволила высказаться:

– А молодец этот лорд Дилени. Голова у него работает. Отличную сказочку он тебе преподнёс. А ты её проглотил.

– Ты... Почему ты думаешь, что он солгал мне?! – король даже приподнялся на локте, повернувшись к приятной и на вид и, как он знал, и на ощупь, спине, которой его любовница сейчас повернулась к нему, – Ведь раз уж он, как вы все утверждаете, так умён, то не может не понимать, что я проверю, и сразу пойму, что меня обманули, если якобы убитая им тварь не окажется там, где ей полагается быть?!

– Да в том-то и дело, что тварь, полагаю, как раз окажется. Там, где положено. В этой-то части своего рассказа он наверняка не солгал.

– А в чём же тогда?..

– А в том, что касалось карты. И футляра от неё. Думаю, что прикажи ты хоть роте гвардейцев искать там, на руинах, этот самый футляр, ничегошеньки они не найдут! – женщина обернулась к мужчине, взглянув в лицо короля своими поистине огромными и словно лучистыми, какими они всегда бывали после секса, глазами, – Просто потому, что его там никогда и не было! Как и пресловутой карты.

– Но как же тогда он собирается...

– Пробраться через болото? Хм-м... Думаю, лорд Юркисс снабдил его чем-то понадёжней, чем старинная карта.

– Чем же это?!

– Думаю, чем-то явно запрещённым. Из разряда наследия Предтеч. Чем-то, что позволяет преодолевать трясины. Но тебе он этого не рассказал – ведь все такие артефакты запрещены, под угрозой предания анафеме, и смерти через аутодафе, согласно Указу нашего Конклава. Повторяю для особо недоумевающих: запрещены.

И если бы стало известно, что ты, пусть и пассивно, но поспособствовал применению твоим непосредственным подчинённым чего-то такого, пусть даже и для благородного и нужного дела, твоё имя было бы навсегда запятнано. А сам лорд Дилени скорее всего окончил бы жизнь вот именно – на костре. Что было бы жаль. Мне он понравился. Умный мужчина. Способный принимать разумные и рациональные решения.

– Уж не хочешь ли ты сказать, – на чело сира Вателя набежала тень, а брови почти сошлись на переносице, – что предпочла бы...

– Хватит, мой ревнивый возлюбленный! – леди Рашель цинично усмехнулась, – Тебя, призового кобеля с достоинством в восемь дюймов, никто мне не заменит! Подседа я на твоего красноголового воина, как леди Бьянка на чёртову травку крыммл! Кстати... – дама неторопливо перебралась по широкому пространству огромного ложа поближе как раз

туда, к предмету её восхвалений, и даже уложила и развернула его Величество снова на спину, – Хватит ему уже отдыхать. Пора и поработать. На благо, если и не страны, то одной очень милой девушки. Давно ждавшей этого момента. – тут её ротик умолк, так как в нём оказалось нечто, весьма недвусмысленно отреагировавшее на нежные, но настойчивые авансы, и сиру Вателю снова стало на какое-то – ещё более продолжительное! – время, не до вопросов!

Пахло от них отвратительно.

Лорд Дилени отлично осознал это, двигаясь следом за Маратом – тот лучше всех, что естественно, знал приграничные земли, и сам предложил довести их до того места, где начинается Энгаденская трясина.

Поход начался спустя всего полтора дня от того момента, когда лорд Дилени, кусая губы, и то краснея, то бледнея, вышел от узника-садиста, мужественно выдержав поток распросов со стороны лорда Говарда, но утаив-таки большую часть беседы.

То, что они по дороге, ближе к обеду, заехали в ничем не примечательную рощу платанов, и лорд, покопавшись под корнями одного особо могучего и старого дерева, достал из ямы и упаковал в один из седельных мешков нечто продолговатое и завёрнутое в старую мешковину, Марата и Бориса если и удивило, то вслух никто из них спросить ничего не посмел: их начальник – лорд, что хочет, то и делает! Обеда-

ли, кстати, в этой же роще, у самой её опушки.

Как объяснил лорд Дилени своим спутникам, им желательно как можно меньше проводить под открытым небом – вероятно, некоторые виды птиц могут служить разведчиками и доносчиками лорда Хлодгара. Марат на это проворчал, что эту мысль в их посёлке высказывали давно, но назначенный от Конклава приходской священник приказал выкинуть её из голов, как отдающую крамолой: птицы и звери, как не обладающие душой неразумные твари, слишком глупы. И никому, кроме самих себя, не служат.

Борис, когда на него посмотрели оба сотоварища по походу, промычал вначале нечто неразборчивое – как раз пытался пережевать особо твёрдый кусок солонины. Запив, и проглотив, выдал:

– А я никогда не поверю в такую, с вашего, милорд, позволения, чушь. Если даже те твари, что Хлодгар насылает на нас уже в четвёртый раз, не блещут особым умом, и не способны разговаривать, то уж тем более ничего не могут говорить крылатые. Скажем, люди считают, что вороны, как живущие по триста лет птицы, очень умны. А где доказательства? Если они так умны, почему не ходят строем? – Борис, вероятно, почуял, что перешёл на слишком уж фамильярный тон, и поспешил поправиться, – Э-э... Простите, милорд – это наша казарменная, не слишком умная, должен признать, дежурная шутка. Но ведь и правда – у воронов или других животных нет ни городов, ни полей, ни иерархии. То есть –

ни королей, ни приближённых, ни вассалов. Следовательно, они никаких тем, связанных с войнами, или, скажем, торговлей и земледелием, обсуждать не могут – у них в языке и понятиях таких-то – нет! Как же признать их разумными?

– Не знаю, что сказать насчёт их способности говорить – возможно, Борис, в этом смысле ты прав. Вы оба знаете, что перед нашим походом я побывал у лорда Юркисса, – при этих словах Борис словно подобрался, а Марат так и вообще сплюнул через левое плечо, и истово перекрестился. – Так вот он считает, что последнюю партию тварей Хлодгар вообще создал на основе ящериц. Так что ничего удивительного в том, что они не разговаривают, нет. И мыслить способны... Только ограниченно. Например, слепо повиноваться приказу убивать всех людей, и вытаптывать и выжигать все поля.

– Простите, милорд. Но где-то тут я вижу нестыковку. – Борис поел, и теперь ковырял тоненькой щепочкой в зубах. Все они сидели прямо на земле, наплевав, согласно указаниям лорда Дилени на условности типа кастовых и классовых различий. Как глава похода объяснил это, двум его сотоварищам через какие-то пару недель светило приобщение к обществу благородных наследственных лордов. Так что ничего страшного, если приобщаться к соответствующему общению, обращению и поведению они начнут уже сейчас. – Ведь ящерицы, как, впрочем, и летучие мыши, и бабуины, смертельно боятся огня. И научить их обращаться с ним – та ещё проблемка. Поскольку инстинкты, как и отработанные

до автоматизма боевые навыки, – он похлопал себя по мечу, – непробиваемый щит. А мозга, как вы сами только что сказали, у них недостаточно для такого обучения.

Кто же?..

– Поджигал поля? Думаю, это делали *другие* агенты нашего друга. Люди.

– Что?! Как?! – оба его напарника буквально вскинулись, выражая удивление и возмущение очень даже импульсивно.

– Как? Достаточно просто. Ни для кого не секрет, что во время этого да и всех предыдущих набегов не всех детей в подвергшихся опустошению деревнях находили убитыми. Часть младенцев, мужского пола, в возрасте до двух лет, просто исчезала.

Думаю, это приказ Хлодгара. Похищать таких, ещё не понимающих ничего, людей. С тем, чтоб потом, позже, он мог воспитать из них командиров. Своих подразделений. Думаю, что вот именно такие-то и осуществляли подлинное руководство всеми уже произошедшими набегам. Поскольку *себя* людьми уже не считают. Такой вариант вполне в духе Хлодгара. И он получает каждый раз массу удовольствия от ситуации.

Подло, цинично, но – эффективно. Ведь по практичности, и способности руководить, равных человеку нет. И принимать грамотные в плане тактики решения, способны лишь умные и обученные люди. А уж промывку мозгов Хлодгар, думаю, этим бедолагам обеспечил. Наплетя, например, что

мы их предали. Или продали. К нему в рабство. Ну, или ещё какую сказочку – очерняющую людское племя. И теперь они ненавидят своих братьев, и горят желанием нанести нам побольше ущерба!

Затянувшееся молчание прервал Марат:

– Если подумать, то в том, что вы сказали, милорд, есть смысл. Я бы даже сказал, что уж слишком похоже на правду. Ведь кто может быть самым страшным, и знающим повадки и привычки людей, врагом? Вот именно – только сам человек. Перевоспитанный. Натасканный и подготовленный. Ненавидящий своих братьев. И преданный своему хозяину. Которого боится пуще, чем чёрт – ладана, но слепо подчиняется в страхе перед наказанием. Да, чтоб мне лопнуть, правдоподобно!

Борис отреагировал куда прагматичней:

– При всём, милорд, уважении...

Не поверю, пока лично не увижу хотя бы одного такого «командира подразделения». И не поговорю.

– Если честно, то таких «командиров», и правда – до сих пор никто никогда не встречал. Да и лет им должно быть немного – со времён первого набега, когда слуги лорда Хлодгара начали похищать этих самых младенцев, прошло всего пятнадцать лет, так что даже самому старшему командиру должно быть не более семнадцати. Да и поговорить вряд ли удастся. Скорее всего, Хлодгар переучил их, и теперь они говорят на чуждом нам языке. Собственном. А Хлодгар – не

из наших земель. Он иностранец.

Но то, что детей похищали и в последующие и в этот разы – факт. А использовать их просто как заложников – глупо. Да вообще – нереально, ведь лорд Хлодгар не выдвигал никаких требований на их счёт. А уж про то, чтоб, как талдычат злые языки – он их просто поедал, так и подавно – бред сивой кобылы.

Хлодгар – не такой дурак, чтоб есть младенцев, когда их можно использовать куда эффективней.

– А вот с этим трудно не согласиться, милорд, – Марат, как обычно, смотрел на дело сугубо прагматично – похоже, почти как сам лорд Дилени, или тот же Хлодгар, – не кушать же их он, в самом деле, собирается, когда вырастут. Потому что кушать-то... Можно было бы и девочек.

– Думаю, нет. Насчёт поедания детишек – это просто очередная легенда... Кстати, – лорд Дилени указал глазами, – отличный у тебя лук. Сам делал?

– Нет, – Марат не торопясь снял со спины мощное оружие, – Это у нас в посаде сделал мастер. Дед Павел Карфаг. Мы, все, кто охотники, всегда заказывали луки только у него. Пусть он и брал дорого, зато уж оружие... Куда там армейским! – Марат с изрядной долей пренебрежения глянул в сторону лука Бориса, который тот во время трапезы снял и положил на траву.

– И – что? Он сильнее, или им удобней целиться?

– И то, и то. Правда, он, конечно, сделан под конкретного

человека. Под рост, вес, и силу руки. Я попросил, чтоб был потуже. Он такой и есть. Попробовать хотите, милорд?

– М-м-м... Собственно, у меня и свой, «армейский», неплох, но мало ли... Ну-ка, дай. – лорд Дилени протянул руку.

– Прошу вас.

Лук Марата и правда – был потяжелей стандартных, которые делали в мастерских замка Клауд, на добрый фунт. Немного, вроде, но если приходится таскать такой на себе сутками напролёт, да держать в руке при долгой стрельбе во многочисленных врагов... И натягивать его было потруднее, чем привычный.

Стрела, пущенная в гнилое дерево, прошла насквозь. Лорд Дилени удовлетворённо хмыкнул:

– Отменный бой. Работает мягко, и действительно – куда сильнее армейского. Спасибо. – он вернул оружие.

Марат довольно потёр рукоять и плечи:

– Ну-так! Именной. Спасибо деду Павлу. Жаль его.

– Да, жаль. Сработано профессионально. Собственно, жаль и всех наших, погибших в ту ночь. Но лорд Хлодгар, похоже, точно рассчитал: десятифутовый тын можно легко преодолеть, если даже сравнительно небольшие твари будут карабкаться по спинам друг друга. Так что придётся, если новопоселенцы захотят выжить, городить новый тын. Выше по-крайней мере на пять футов.

– Но такие брёвна, милорд, трудно обрабатывать. А уж

вкапывать...

– Да. – лорд Дилени кивнул, – Но деваться, похоже, некуда. Но ничего: впереди вся зима, продовольствием его Величество этих поселенцев обеспечит, а им остаётся только копать да рубить. Подходящие стволы.

Заночевать в его погибшем посаде первым предложил сам Марат.

Лорд Дилени не видел смысла отказываться: зачем спать под открытым небом, подвергая себя ненужному риску нападения волко-львов, гиен, или филина-кровососа, или свистящей ласки, если есть возможность провести ночь в защищённом помещении, с решётками на окнах, и запирающейся дверью? Так что на закате они уже въезжали в распахнутые сейчас настежь ворота тына, огораживавшего поселенье охотника. Царившее большую часть неспешного пути молчание нарушил как ни странно Борис:

– Марат. А тут есть сено для наших коней?

– Да. Деревню же не жгли, как посева... Правда, оно осталось с весны. Впрочем, не думаю, что от двухмесячного лежания в овинах это сено стало хуже.

– Точно. У нас в хранилищах при казармах сено лежит и по году. И ничего – едят.

На этом интереснейший и содержательнейший диалог закончился, и уже проехавший под помостом из десятка брёвен над воротами, где, очевидно, тоже располагались защит-

ники при осаде или штурме, лорд Дилени уверенной рукой направил своего Спокойного по короткой главной дороге прямо к центральной площади.

Десяток домиков, которые попались им по обе стороны улицы, палились на эту самую улицу пустыми глазницами тёмных окон, и проёмов распахнутых настежь дверей. Они словно с немым укором глядели на проезжавших мимо всадников: дескать, что же вы, люди, позволили с собой и нами, вашими жилищами, сделать! Невольно от этого в сердце закрадывалось чувство утраты, и печали. Краем глаза лорд Дилени заметил, что и Борис поёжился, зябко поведя плечами.

Как ни странно, ни перед домами, ни на дороге не валялось ничего. Ни скарба, ни продуктов... Лорд Дилени подумал, что всё правильно: враг не ставил своим тварям цели ещё и грабить – нет, только убивать!.. Поэтому одиноко бродившая по задворкам одного из дворов растрёпанная курица уже не удивила никого.

Всего на площадь поперечником в каких-то три десятка шагов сходилось шесть улиц. Лорд Дилени прикинул, что всё равно здесь очень даже спокойно могло бы располагаться, скажем, на собрании, или для выслушивания указа, привезённого гонцом из столицы, всё взрослое население посёлка: около трёхсот-четырёхсот человек. Хотя вряд ли тут жило столько. После двух набегов обезьян, да крыс с летучими мышами – не более пары сотен. Лорд слез с коня, привязав его к коновязи перед самым большим домом: резиденцией

главы поселения.

– У вашего бургомистра была прислуга?

– Нет, милорд. Всё делала его жена. И тёща. Она лет десять жила здесь, с дочерью. А тестя убили во время первого набега обезьян.

Лорд Дилени постоял какое-то время перед проёмом с распахнутой, как и везде, настежь, дверью. Потом всё же заставил себя войти – наверняка внутри никто их «коварно» не поджидает: твари, сделав своё чёрное дело, помчались дальше. Их ждали другие деревни. И поля.

Внутри было уже очень темно. А поскольку солнце только что зашло за горизонт, лорд, чуть повысив голос, сказал:

– Борис. Пройди сюда. Зажги трут. Нам понадобится огонь для очага.

Сам очаг, огромное сооружение из саманных массивных кирпичей, с широким ложем наверху, занимал добрых полкомнаты, грозя проломить своей массивностью пол из досок. Впрочем, когда Борис разжёл в горниле трут, стружки и мелкие палочки, стало видно, что на самом деле печь стоит прямо на земле, а дощатый настил пола сделан лишь для того, чтоб обитатели не ходили по утоптанной глине, явно заменявшей до этого пол, и выглядывавшей из-под этого настила у печи и по углам. Лорд Дилени знал, что обитатели посёлков делают такие настилы для того, чтоб зимой не мёрзли ноги: земля за семь месяцев зимы успевала вымерзнуть так, что на открытых местах буквально звенела под копытами коней.

На разгоревшиеся стружки и щепочки Борис подложил и ветвей потолще: ларь с дровами традиционно нашёлся в одном из углов, расположенных подальше от жерла очага. Вскоре пошли в дело и ветки потолще, и поленья из нарубленных четвертями и половинками кругляков. Марат выложил на огромный, стоявший у торцевой стены стол то, что должно было составить его ужин на сегодня: всё те же куски солонины, сухари, да сухофрукты. Лорд Дилени присоединился. Вскоре, убедившись, что свет и тепло им гарантированы, подошёл к столу и Борис.

Вода нашлась в бочке в ещё одном углу.

Ели молча. Справились с ужином всего за несколько минут. Лорд Дилени сказал:

– Засов выломан с корнем. Но думаю, если мы подопрём дверь вон тем поленом, спать можно сравнительно спокойно. Первым на вахту заступлю я. От часу до четырёх – Борис. Ты, Марат, будешь дежурить с четырёх до семи. В семь буди нас, если сами не проснёмся. Возражений нет?

– Нет, милорд.

– Нет, милорд. Но... – заметно было, что Борис чем-то обеспокоен, – Позвольте вопрос.

– Разумеется.

– Почему мы не видели ни одного трупа?

Лорд обернулся к Марату:

– Марат. Ты застал...

– Да, милорд. Общую могилу там, на северной стороне, –

охотник махнул рукой в том направлении, в котором они, собственно, и ехали всю дорогу, – за тыном, выкопали солдаты, которые пришли сюда первыми. Они же и перенесли в неё всех... Убитых.

– Понятно. Мне очень жаль, Марат.

– Да. Мне тоже жаль.

– Мне и самому жаль. – Марат старался сдерживаться, но побледневшее лицо и поджатые губы показывали, чего это ему стоит, – Но смысла предаваться печали или жалости я не вижу. Зато вижу огромный повод для мести.

– Марат, прошу тебя. Не начинай снова этот разговор. Мы не имеем права...

– Да, милорд, простите, что перебиваю. Я и сам вот этим местом, – Марат постучал себя тяжёлой ладонью по затылку, – отлично понимаю, что гораздо больший ущерб врагу смогу нанести – не убив пусть даже с десятков его тварей-прислужников, а разведав его секреты. С тем, чтоб удар нашей армии пришёлся в самое уязвимое его место. Но...

Но сердцу. – теперь он положил ладонь на грудь, – Не прикажешь.

– И в моём сердце стучит пепел родных, требующих отмщения. – лорд Дилени заставил голос звучать спокойно, – у меня убили во время самого первого набега старшего брата, а во время второго – отца. Но ты прав. Руководить действиями человека должен вот этот механизм. – он тоже положил ладонь себе на лоб, – Он, при должном использовании, яв-

ляется нашим самым страшным оружием.

– Ваша правда, милорд. – Борис, уже снова ковырявший в зубах тоненькой щепочкой, выглядел ещё более мрачно, чем во время обеда, – Сколько моих соратников и друзей погибли просто потому, что в угаре боя забывали про то, что человек должен всегда вначале думать, а уж потом делать... Слишком поспешный удар ногой. Шаг вперёд, оставивший без прикрытия бок или спину. Удар кинжалом вместо того, чтоб чуть отступить и поставить блок...

Да мало ли!

Я отлично помню и их имена. И уроки. Которые их смерть преподнесла мне. Первый – что нельзя бросаться в драку просто потому, что очень хочется.

Может, поэтому я и жив до сих пор. Да и серьёзных ранений удалось – тьфу-тьфу! – избежать. И руки-ноги при мне. Вроде. – капрал усмехнулся.

– Всё верно. Вы оба правы. И поскольку я *очень* сильно хочу отомстить, я постараюсь сдерживаться. Тем более что про это мне говорил и... лорд Юркисс.

– Марат. Извини за... глупый вопрос. Как он хоть выглядит, этот лорд Юркисс?

– Ты знаешь, Борис, вовсе не мерзким уродливым чудовищем, как его преподносит народная молва. Нет у него огромных кроваво-красных буркалов навывкате, и стрижёт его явно дворцовый цирюльник – на голове очень даже модная причёска. Да и вообще – он выглядит холёным и ухоженным. Ху-

дощав – да, но судя по рукам и туловищу, всё ещё очень силен. Подтянут, собран. Думаю, он проживёт ещё не меньше пары десятков лет. Кстати, лорд Дилени, – Марат развернулся к начальнику, – наконец-то могу поинтересоваться, так сказать, у компетентного в этом вопросе человека: почему он вообще до сих пор жив? Ведь король не может не понимать, что народ недоволен этим?

– Король, разумеется, понимает. Что народ недоволен. А пожить ещё, относительно спокойно и мирно, и не под игом лорда Хлодгара... Или даже вообще – быть вырезанным под корень, этому народу хочется?

– Э-э... Не пойму, куда вы клоните, милорд.

– Ну, поскольку вероятней всего вы оба вскоре будете общены к сословию дворян, не вижу причин, чтоб не сообщить вам кое-какие, мало кому даже из этих самых дворян, известные, тонкости. Про этого узника. Например, такая.

Делать сверхпрочную сталь, и бронебойные наконечники из неё наши кузнецы научились лишь девять лет назад. Потому что утраченный и давно забытый штатными кузнецами Арсенала рецепт этой самой стали в качестве цены за сохранение своей жизни сообщил не кто иной, как лорд Юркисс. Кстати – сир Ватель очень долго думал: поверить ли чудовищу, и проверить его рецепт, или всё-таки казнить его сразу – в назидание, так сказать, потомкам. А настоял на том, чтоб всё-таки проверить, лорд Говард. И в данном случае тот факт, что он являлся племянником лорда садиста, играл во-

все не на руку ему.

Но король всё же отсрочил казнь, и приказал проверить. При голосовании на заседании Совета Штаба тогда всё решил перевес в один голос – этот голос за лорда Юркисса отдал, как ни странно, адмирал Ван Ден Грааф.

И когда законечники стрел легко пробили почти четвертьдюймовую нагрудную пластину кирасы, все признали, что рецепт – работает.

Так что лорд Юркисс жив, а мы теперь почти половину внешнего товарооборота делаем за счёт продажи в соседние и дальние страны уникальных изделий: бронебойных законечников: копий и стрел. И ещё непробиваемых облегчённых кирас.

– Чёрт возьми. (Простите, что помянул!) Ну а почему не казнили потом?

– Потому, Борис, что король дал слово. Ну а, кроме того, лорд Юркисс тогда же, девять лет назад, посоветовал сделать и ещё кое-что, что нам очень пригодилось. Особенно в последнюю кампанию. Например, соорудить длинный тын, подводящий прорвавшегося врага вдоль берега реки Теннор прямо к валу Адриана. (Восстановить, хотя бы частично, этот самый вал, тоже, кстати, порекомендовал лорд Юркисс. Он уже тогда предвидел, что нападения с севера и глубокие прорывы вражеской пехоты, или чего-то подобного, отражать придётся.) Да и сейчас...

Вы оба прекрасно понимаете, что мы просто выполняем

очередное указание лорда Юркисса. И когда мы сообщим ему добытую информацию, именно он, а не лорд Говард, и тем более – не король, будет думать, и принимать решения, что и как нужно делать нашей мужественной и доблестной армии. И как, чтоб не допустить провала, (Если назвать этот позор и унижение столь слабым словом!) вроде первой и второй попытки прорыва к внутренним землям Хлодгара, мы должны напасть, чтоб не столкнуться вновь со столь чудовищными потерями, и не оказаться отброшенными на исходные рубежи.

Надеюсь, я привёл достаточно веские причины, по которым это «чудовище» до сих пор не только живёт, но и живёт неплохо?

– Да уж. Судя по роскоши в его берлоге, он пользуется практически всеми благами и привилегиями вельможи. Я видел даже щит с коллекцией чучел каких-то жаб и лягушек. Не говоря уж о коврах и отличной мебели...

– Вот именно. Но эта роскошь – как он просто и доходчиво объяснил мне – неременный атрибут хорошей работы его мышления. Комфортные условия позволяют, как он сказал, не отвлекаться на бытовые мелочи, а посвятить все свои способности решению какой-то конкретной задачи. Собственно, решать ему есть чего. Лорд Говард сам, лично, регулярно докладывает ему все перипетии всего, происходящего у нас и в соседних странах, и особенно – ход и результаты последних нападений и сражений. Да ты и сам... Ответил ведь на

все его вопросы?

– От... ветил. – Марат сглотнул, лицо пошло красными пятнами, – Я уж думал, что сейчас придушу его, вот этими самыми руками! Уж так он меня... – Марат поднял, и вновь опустил могучие загрубелые кисти, – Хотя теперь я понимаю, что он просто... Хотел разговорить меня. Вывести из какого-то... Онемения. Чтоб я не сидел сиднем, замкнувшись в себе, а рассказал ему – что и как было... Тогда. С «детальями и подробностями».

А в конце он вёл себя уже не как сволочь-садист, капавший мне горячей смолой на кровоточащие раны здесь, – Марат снова положил руку на грудь, – а как вполне обычный человек. Сосед. Может, даже, родственник. Понимающий и разделяющий моё горе. Сказал, что если я и правда, хочу отомстить, то должен и вспомнить: мельчайшие обстоятельства и нюансы всего, что произошло. И... сдерживать себя потом. Позже. Когда пойду на территорию врага. Чтоб сделать это отмщение... эффективным.

– Да, умеет он чётко и конкретно формулировать. И умён чрезвычайно, с этим не поспоришь. – лорд Дилени откинулся от стола, и положил ладони на столешницу, – И я не сомневаюсь, что если бы интересы этого монстра, этого маньяка, были направлены не на удовлетворение своей извращённой похоти, а, скажем, на политику, не лорд Говард был бы Главнокомандующим. А, может, и сиром мы называли бы не сира Вателя...

Но случилось так, как случилось. И это нам ещё повезло, что удалось арестовать его... Сравнительно мирно. Погибло всего пять гвардейцев. Ну и, разумеется, полегли все телохранители лорда Юркисса. Дравшиеся фанатично. А самого лорда Юркисса схватили те, кто сидел в засаде у выхода из тайного подземного хода из его берлоги...

– Кстати, милорд. Раз уж зашла речь об этом... Кто рассказал судьям про этот подземный ход?

– Ну, сейчас-то это вовсе не секрет. Потому что хуже этому человеку уже не будет. Восемь лет назад он умер в ужасных мучениях. Отравившись якобы грибами. И никто не сомневается, что это лорд Юркисс достал его – уже из подземелья. А предателем этим был Морверад, его внебрачный сын от старшей фрейлины его жены. Которая, кстати, умерла через девять лет после рождения Морверада. Выпала – чисто случайно, разумеется! – поскользнувшись на огрызке яблока, из окна башни.

Собственно, и жена лорда Юркисса ненамного пережила свою фрейлину. Всего на полтора года. Ведь кое-кому в Клауде их семейка стояла, скажем честно, поперёк горла. По одной версии смерть леди Юркисс от отравления – разумеется, грибами! – организовала мама сира Вателя, леди Рюген. По другой – это лорд Юркисс сам разобрался с женой. Правда, мне в это не верится – судя по всем приметам, да и воспоминаниям окружающих, он жену уважал и любил. Ну, или если не совсем любил, (Ещё бы – спустя двадцать девять лет

брака!) то хотя бы был к ней привязан. Поэтому я и не верю слухам, что распускали про него при дворе Клауда.

Другое дело – фаворитка, которая с рождением сына прониклась – ведь у жены лорда мальчиков не было. А тут – пусть бастард – но – наследник! – чувством превосходства над даже законной супругой, и начала «качать права», да пытаться помыкать лордом Юркиссом. Устраивала безобразные сцены. Лезла везде, где не надо. Вплоть до того, что приказывала главному повару, что приготовить лорду на обед. А когда претензии и амбиции зашли уж слишком далеко...

Но он – лорд. И поэтому никто не решился назвать это убийством. Никто даже не расследовал это дело, посчитав за банальный несчастный случай – у распахнутого окна нашли тогда раздавленный огрызок яблока, а на подошве туфельки фаворитки – мякоть этого яблока.

Поскользнулась женщина.

А то, что по всему её телу были ужасные кровоподтёки и раны, списали на удары о брусчатку. Хотя следы от верёвок на запястьях на эти удары списать было куда сложнее... Но судьям, судя по тому, что в тот раз лорд остался на свободе, это удалось.

Разумеется, после этого и челядь, и ближайшее окружение лорда Юркисса вздохнули с облегчением. Морверада отослали к каким-то фермерам на воспитание. А он потом сбежал от приёмных родителей, да подался в Клауд...

Однако самому лорду Юркиссу тогда пожить спокой-

но всё равно не удалось: его жену отравили буквально через полтора-два года. Леди королева-мать, похоже, решила, пусть без суда, но – вроде как «восстановить справедливость», и отмстить за загубленную «невинную душу» фрейлины. Поскольку та была её троюродной племянницей.

Впрочем, совсем уж неотмщённой жена лорда не осталась. Злые языки утверждали, что лорд Юркисс и из ссылки в Парассии достал её... Но это – лишь слухи. Поэтому когда лорд через некоторое время после смерти королевы-матери вернулся, сир Ватель даже не стал арестовывать его, или судить. И не займись лорд тем, чем занялся, доживал бы сейчас тихо и мирно в собственном замке, писал мемуары, да гулял по парку...

Борис покачал головой:

– Ох, Господи. (Прости, что помянул все.) Неужели и нам придётся во всём этом... Вариться?

– Придётся, Борис. Потому что это только со стороны жизнь дворян и аристократов кажется беззаботной и счастливой. А на самом деле проблем у них – море. На первом месте, конечно, право наследования. Титула и земель. Вотчины, словом. Приносящей стабильный доход без каких-либо усилий со стороны этого самого дворянина. Но на долю от которого покушаются все родственнички – что ближние, что дальние. Собственно, тут-то как раз всё понятно: есть что делить – будут проблемы. Нечего делить – не будет проблем.

– Проклятье. – Марат в свою очередь покачал головой, –

Когда вы так говорите, милорд, желание стать дворянином у меня как-то ослабеваает... И даже получить вассалов и землю во владение что-то не слишком уже и хочется.

– Только не подумайте, что я пытаюсь вас отговорить, или клевету на собственное сословие. Я – реалист. И просто смотрю на некоторые вещи *не* через розовые очки. И слепо подчиняться правилам кастовой солидарности, и помалкивать в тряпочку о мерзостях и подлостях «благородных особ» не собираюсь. А есть у нас, так называемых аристократов по крови, и особы, которые на самом деле получают удовольствие от всех этих интриг, подсиживаний, отравлений и сплетен.

Например, жёны вельмож. Которым, как правило, больше нечем и заняться. Да и не желают они марать руки чем-то вроде *работы*. А что? Не крестиком же им вышивать? Зато любят поухаживать за собой, любимой – нужно же выглядеть достойно! И моложе своих лет. Тут вам и румяна, и корсеты, и пиявки для интересной бледности лица... А уж в искусстве подстроить другой женщине пакость, или оболгать более красивую соперницу или конкурентку, в борьбе, скажем, за титул действующей фаворитки, им и вообще равных нет. Как и в умении пилить и шпынять мужа до тех пор, пока не претворит в жизнь очередной каприз или прихоть...

– Эх, милорд, я смотрю, вы не слишком уважаете высокородных женщин. Но ведь не все же они – интриганки? Или – все? А отчего так происходит? От зависти? Или, может,

оттого, что у них много свободного времени, и нет необходимости хлопотать по дому да ищачить, добывая себе, вот именно, пропитание в поте лица своего?

– Знаешь, Борис, ты не хуже меня разложил по полочкам все «тонкости» придворной жизни женщин. Большинству дам из благородных, действительно, больше нечем заняться. Или, как я уже сказал, это не соответствует статусу и считается ниже достоинства. А вот клевета, козни и даже прямые убийства...

Достаточно вспомнить ту же королеву-мать. Если б не трагедия с отравлением её – грибами, разумеется! Хотя она их последние лет десять жизни – точно не ела! – неизвестно, какой из её отпрысков сидел бы сейчас на троне. Сир Ватель был предпоследним из четырёх детей. А первый, если вспомнить, погиб на охоте. И мать его никогда не любила – проявлял, так сказать, излишнюю самостоятельность. И никогда не прислушивался к ценным и умным материнским советам. А второй, напротив, слабовольный, раздражал этим, и ещё любовью к дурацким розыгрышам, всех придворных. И во дворце, по слухам, уже организовался небольшой такой заговор, с целью свержения Карла в частности, и династии Рюген в целом. Неудивительно, что и бедняга Карл вскоре якобы пропал во время похода в горы Неруды, улетев прямо с конём в недоступное ущелье...

Так что нам нужно сказать спасибо, что после отца сира Вателя, сира Галевина, нам наконец повезло. И нами пять

лет, до смерти матери, и после, уже, получается, десять, стало быть, вместе – четырнадцать, управляет не полуидиот, и не злобная престарелая интриганка. Уж она-то если и думала о благе страны и народа, то очень умело это скрывала. И вся тяжесть ответственности за обороноспособность лежала на лорде Говарде. Возможно, именно поэтому она его – буквально единственного из всех! – не трогала.

А сир Ватель пусть звёзд с неба не хватает, зато красив. Ну, и очень силён физически, и (относительно, конечно!) не злопамятен. А для принятия особо важных государственных решений у нас имеется канцлер и первый министр. Ну и, конечно, лорд Главнокомандующий.

– Так получается, в смерти своей матери был в первую очередь заинтересован сам...

– Нет, не думаю, что произошедшее с леди королевой-матерью – дело рук пытающегося удержаться на троне и сохранить жизнь сира Вателя. Пусть ему тогда и было двадцать три, но за каждым шагом его Величества мамочка следила. С неослабевающим интересом. Был даже такой – вполне достоверный! – случай, что когда как-то на конюшнях сир Ватель изволил чихнуть, буквально через две минуты расфуфыренный конюший её Величества принёс ему кружевной батистовый платочек, с пожеланиями здоровья и счастья. Не-ет, сир Ватель не интриган. Да и не смог бы он под столь неусыпным надзором что-то организовать. Ему просто повезло, что так получилось. Потому что никто из Двора не сомневался: его

очередь – следующая. А на трон взойдёт самый младший, любимый, отпрыск по мужской линии.

Лорд Дерек.

И ждала его мать просто момента, когда любимому чаду сравняется хотя бы шестнадцать. Чтоб и выглядел представительно, и голос перестал быть, как у подростка.

– Но почему же тогда, милорд...

– Думаю, довольно на сегодня придворных тайн и закулисных тонкостей. Нам всем нужно выспаться. Завтра – тяжёлый день. Ложитесь, соратники. Как я вижу, на печи ещё сохранились одеяла и тюфяки. Я – на двор. Вернусь через минуту.

Возразить лорду никто не надумал, и, тоже сходяв, куда положено, Марат и Борис забрались, кряхтя и чертыхаясь, на полку печи. Ни раздеться, ни снять сапоги, как и расстаться с оружием, они и не подумали: приграничье всё-таки.

Огонь в очаге уже прогорел, но тепло, запасённое массивным толстым сводом из глины, ещё сохранялось. Марат проворчал:

– А хорошая печь у нашего бургомистра. Полка – на пятерых. Собственно, у него и было пятеро детей. Пока холера и крысы не разделались с двумя дочерьми...

– Жаль их. Ну а теперь – спите. Я возьму твой лук, Марат, если не возражаешь.

– Конечно, милорд. – Марат не стал задавать глупых вопросов, типа «А хорошо ли вы стреляете, милорд?», потому

что отлично владеть всем арсеналом оружия по должности полагалось любому профессиональному солдату, – Берите. Только имейте в виду: он забирает чуть влево.

– Хорошо. Я учту. – вынеся одну из скамей на центр пустого пространства комнаты, так, чтоб держать в поле зрения и окно и дверь, лорд Дилени сел на неё верхом. Ноги расставил пошире, так, чтоб была опора. Лук и стрелу положил перед собой. Колчан пристроил за спину. Рядом поставил кружку с водой, набранной в бочке.

На налетевших через оконные проёмы комаров, зудевших и пытавшихся сесть на открытые части рук и лицо, старался внимания не обращать: не сдувал, и даже не отплёвывался. Знал, что бесполезно. Да и укусы теперь, когда кожа стала загрубевшей, почти не чесались. Напарники, судя по всему, относились к проблеме ночных кровососов ещё спокойней: просто игнорировали их присутствие.

Буквально через несколько минут с печки донеслось два варианта сопения: у Марата, как понял лорд Дилени, тон был пониже, у Бориса – повыше, и чуть с присвистом. Ничего страшного: там, на территории врага, вряд ли им предстоит много спать, так что такие мелочи вряд ли их отряд выдадут.

Угли от дров в жерле печи вскоре подёрнулись пеплом, и тусклый красноватый отсвет на стенах пропал. Теперь чёрный проём забранного частой решёткой окна глядел на лорда гнетущей неизвестностью: конечно, зайдя внутрь тына, они задвинули за собой ворота, и даже подпёрли их, как и дверь

избы, кольями и поленьями. Борис сходил, и подпёр так же и вторые, противоположащие, ворота.

Но ведь никто не гарантирует, что эту дохленькую преграду, как и десятифутовую изгородь из стволов, никто не преодолеет. Бесшумно передвигающихся или прекрасно лазающих по деревьям тварей и зверей в лесах Тарсии – полно. Например, свистящие ласки. Или крото-барсуки. Но эти обычно предпочитают подкапываться. Под закрома амбаров и сараев. Следовательно, до центральной площади, и дома бургомистра вряд ли проруют. Да и смысл – здесь теперь нечем поживиться, поскольку все запасы зерна и других продуктов забрали фуражиры Армии.

Забрали, чтоб предоставить их потом тем добровольцам, что решаться вновь ре-заселить приграничные земли и опустевшие посадки. Свято место пусто не бывает. Земли здесь плодороднейшие, поскольку почти целинные, относительно свежерасчищенные. И леса изобилуют дичью. А если учесть, что некоторые поселения из старых, там, на юге, перенаселены, и народ теснится по три семьи в избе, а почвы поистощились за годы севооборотов, и теперь могут только-только позволить прокормиться, не голодая, желающие наверняка найдутся. Поскольку его Величество предоставляет безвозмездно каждой такой семье деньги, и немаленькие, плюс продукты на первый год. Плюс зерно – для посадки. Плюс волов для вспашки. Ну и самое главное – освобождение на первые двадцать лет от уплаты *всех* Государственных (Нема-

леньких, кстати!) налогов.

Так что вероятней всего новопоселенцы, учтя опыт предшественников, просто перестроят тын, увеличив его высоту вот именно – до пятнадцати футов. И укрепят ворота. И позаботятся возвести ещё пару дополнительных сторожевых башен.

Но лорд Дилени чуял, понимал: и мозгом, и интуитивно, что всё это – полумеры.

И Зло нужно вырвать с корнем. Потому что лорд Хлодгар – не из тех, кого смутило очередное поражение. Впрочем, не совсем поражение. Ведь более тысячи человек убито, не говоря уж о том, что посажены все посеы на северных землях Тарсии. И убит весь скот и домашняя живность. А потеря убитыми каких-то пятнадцати тысяч пушечного мяса – ничто для их врага. Он наклепает новых тварей.

И иногда лорда Дилени удивляло, почему лорд Говард или сам король до сих пор не обратились к лорду Юркиссу за советом – как сделать возможной глубокую разведку территории врага, не ломаясь туда, словно стадо баранов на гарантированную бойню, а – тихой сапой. Возможно, они считали такой вопрос ниже своего достоинства? Или просто не хотели «мараться»?

Или, что вероятней, им просто не приходило в голову, что врага можно реально – одолеть? И покончить с ним и его монстрами раз и навсегда? Может, они рассматривали само существование по соседству более чем столетнего царства

Чёрного Властелина – как нечто свыше данное, неизменное, и само собой разумеющееся?..

Если быть откровенным с самим собой, раскладки и побудительные мотивы начальства для лорда Дилени иногда оказывались, мягко говоря, непонятны. Возможно, это связано с тем, что некоторые тонкости и нюансы видны только с конкретного «рабочего» места. Или должности. Или... Но, как гласит народная пословица, «свои мозги не вставишь». Лорд Дилени – это лорд Дилени, а лорд Говард и сир Ватель – это... лорд Говард и сир Ватель!

Чёрная мыслишка закралась в сознание, насторожённое необходимостью бдиль, поскольку думать мозгу – вот именно, не запретишь: а может, лорд Юркисс сознательно дал ему понять, что их родиной управляют вовсе не самые умные и достойные правитель, министры, и командующий Армии? Может, для блага того же народа, страдающего от набегов в первую очередь, и сильнее всех, было бы лучше, чтоб его король и армия как-то получше, поумней и попредусмотрительней, охраняли и защищали их от нападений?

Лорд поспешил прогнать эту мысль, поскольку под окном что-то подозрительно зашуршало. Взять в руки лук и наложить стрелу удалось абсолютно бесшумно. Но оказалось, что лорд беспокоился напрасно: в один из нижних квадратов решётки заглянула мордочка выхухоле-крота. Тонкое волосатое рыльце на блёкло-розовой вытянутой морде смешно подвигалось в разные стороны, после чего, учув присутствие

живых людей, крохотная тварюшка убралась обратно, снова прошуршав травой под окошком.

Лорд заставил себя аккуратно положить лук на место, и покрутил головой: шея почему-то затекла. Но лук тут же пришлось взять снова в руки: теперь что-то процокало по утопанному грунтовому полотну центральной дороги – благо, дождей давно не было, и земля не размякла в кашу. И процокавшее существо – явно не лошадь, поскольку тех они надёжно разместили в хлеву, подкинув и сохранившегося сена, и овса, из запасов, выданных интендантом королевского замка. Почти неслышный цокот приближался, и лорд Дилени, уже догадавшийся, кто это, даже натянул тетиву. Прищурив глаз – он уже прицелился.

И точно. Не прошло и полминуты, как в окне нарисовалась мерзкая морда гиено-рыси, и пришлось выпустить стрелу: та вонзилась прямо в левый глаз твари, хотя лорд, памятовав про совет Марата, целился точно в центр лба. Но так получилось даже ещё лучше: стрела прошила тонкий череп навывлет, и тварь рухнула под окно, как подкошенная! Тонкое хлыстообразное тело, куда лучше подошедшее бы змее, некоторое время билось и металось по траве под окном, примятая её, но вскоре затихло: тварь сдохла.

Лорд вернул лук на лавку, достал из колчана за спиной и положил рядом ещё одну стрелу. Снова покрутил шейей: похоже, от окна всё же дует. Да и ладно. Ему не так уж много осталось – судя по звёздам, до сдачи вахты не больше часа.

Остаток бдения прошёл без эксцессов, только ухали где-то в лесу неподалёку филины-убийцы, да один раз зарычал с утробными подвываниями медведь. Хорошо, что эта тварь почти не нападает, и не ест людей – потому что справиться с двухтонным монстром, вооружённым пятидюймовыми когтями и трёхдюймовыми зубами было бы непросто...

Разбудить следующего дежурного удалось без труда: достаточно оказалось положить руку на плечо Бориса, как он проснулся. Лорд прошептал:

– Пора заступать.

– Понял, милорд. Есть заступать.

На печи оказалось и тепло и удобно: тюфяки, набитые прелой соломой, пованивали, но оказались вполне мягкими. Укрываться, хотя тут же, нетронутые, имелись и одеяла домашней выделки из шерсти мускусного быка, лорд Дилени не стал. Повернувшись на правый бок, он выдохнул: ещё один день прошёл. А он всё ещё жив...

Разбудил лорда Марат:

– Милорд! Время. Пора завтракать, да в путь.

– Хорошо. Приступайте, я сейчас.

Сходив куда положено, лорд Дилени осмотрелся. Под окном теперь возвышалось два бугра: к первой гиено-рыси добавилась и вторая. Но стрелы из них Марат уже извлёк.

Завтрак много времени не занял: продукты не способствовали растягиванию удовольствия, получаемого, скажем,

гурманами. Запили всё водой из той же бочки.

Ехали теперь куда осторожней. Поскольку в лесах приграничья вероятность встретить действительно дикого и опасного зверя была куда выше. Но Господь миловал – через пять часов, в полдень, остановились на обед: как раз на опушке, выходящей на обширную равнину, у кромки которой как раз и начинались Энгаденские топи.

– Я вывел нас сюда, милорд, потому что вы сами сказали, что тропинка начинается здесь. Собственно, в остальных местах до трясины куда больше пространства. Пустого и ничем не прикрытого.

– Отлично. Но нам так и так придётся дожидаться темноты. Поэтому предлагаю поесть, и снова поспать. Потому что там, на землях Хлодгара, вряд ли мы сможем это сделать так спокойно. Моя вахта – первая.

Когда Борис растолкал лорда Дилени, вокруг уже сгустились поздние сумерки: «пора, милорд». На небе высыпали звёзды, пахло прелой хвоей и росой, а где-то вдали завели свою прерывистую переключку собаки Радзивилла. Охотятся? Да, похоже, очередному оленю приходит конец. Ну и ладно: их тут, в лесах, действительно развелось много.

– Проклятье. Вчера, небось, помалкивали. Чего сегодня-то разошлись? – Борис ворчал, похоже, просто потому, что хотел услышать человеческий голос.

– Есть у нас народная примета к такому случаю. Только она вам, соратники, боюсь, не понравится.

– Ладно, Марат, говори уж. Всё равно нам, что с приметами, что без них, нужно топать туда. В логово врага.

– Как будет угодно вашей милости. Так вот: примета гласит, что в ближайшие пять-шесть дней разразится большая гроза. Похоже, в этом году сезон осенних ливней начнётся раньше обычного.

– Хм-м... Знаешь, ты прав. Мне эта примета не нравится. Нам сейчас вовсе ни к чему потоки воды ещё и сверху – достаточно будет и тех, что окажутся под ногами.

– Более того, милорд: к этим потокам добавится ещё и сбивающий с ног ветер.

– Понятно. То есть – нам так и так нужно оказаться к этому времени там, где нас никто не сможет «унюхать»! То есть – нужно успеть вернуться сюда! Ведь чёртов ливень напрочь смоев нашу драгоценную маскировку. Ну, или...

– Да, милорд?

– Или придётся ещё и после ливня, как мы и собирались, пристрелить ещё одну такую тварь, и заново натереться её кровью.

– Вот уж не хотелось бы...

– И мне. Но тогда нам нужно постараться успеть до дождя. – лорд Дилени поднял голову к небу, но пока ничто в нём не предвещало того, что должно случиться через пять-шесть дней, – Стало быть, выдвигаемся.

Коней, напутствовав традиционным приказом: «Домой!»,

отправили туда с помощью шлепков по крупам. Армейские скакуны и Спокойный, недоверчиво оглядываясь, вскоре всё же ускакали – лорд был уверен, что в конюшни Милдредра они вернутся без проблем.

К кромке трясины подошли буквально через десять минут.

Обозначалась граница топи в наступившем мраке кромочкой чуть отблескивавшей корочки солей, и куртинками болотного багульника – плоскими и похожими больше на подушки, чем на растения. Собственно, кочек разного вида, покрытого то папоротником, то подорожником Вагита, то камышом или рогозом, было рассыпано по лежащей впереди поверхности воды предостаточно. Но в просолённых пучинах Энгаденской трясины и вообще, если честно, мало что могло расти: только солянки, лапчатка, камыш, да вот этот самый багульник. Который, как знал лорд Дилени, к осени весь покрывался, словно росой, крохотными кроваво-красными ягодками с булабочную головку. Красиво. Пока не попытаешься попробовать. Горечь такая, что потом нужно полоскать рот минимум полчаса...

Комариный рой уже завёл свою чуть слышную зудящую песню, но укусы докучливых насекомых – последнее, что сейчас беспокоило лорда Дилени – лишь бы не лезли в глаза и уши, мешая видеть и – главное в болотах! – слышать.

– Ну, не представляю, милорд, как вы тут будете ориентироваться, и искать вашу тропку. Здесь даже для меня нет

знакомых мест и примет. Всё плоско, однообразно.

– А ничего. Сейчас я вам тропу найду. Вы, главное, оба держитесь у меня за спиной, и старайтесь ступать по моим следам, не отходя в стороны с прочной поверхности. Кстати: прикрывайте меня, пока я буду искать путь. Но не приближайтесь ближе, чем на три шага. Здесь живёт много хищных тварей, и мы не должны мешать друг другу целиться или отбиваться.

Борис, насупившись, как обычно, буркнул: «Есть, милорд!», вытащив меч. К луку за спиной не притронулся – раз лорд начальник не приказал по-другому, одного лучника достаточно. Марат только кивнул: лук с наложенной стрелой уже был у него в руках.

Лорд Дилени, мысленно прочтя молитву, и сплюнув незаметно через левое плечо, взвалил на правое свою вязанку хвороста, и постарался незаметно щёлкнуть переключателем. Посох отозвался чуть слышимым, и почти сразу стихшим гудением, поверхность воды в пяти шагах и ближе покрылась коркой льда. Лорд осторожно, потопав для проверки, ступил на неё.

Держит.

Значит, порядок. Он чуть слышно выдохнул:

– Двинулись. И побыстрее. До рассвета – не больше восьми часов. А трясина, насколько помню по карте сира Гаусса, тянется на двадцать миль. – имя составителя их путеводного манускрипта лорд Дилени выдумал на ходу, но комментари-

ев не последовало. Да он и удивился бы, если б было иначе.

Шёл лорд Дилени быстро, упругим и бесшумным шагом, стараясь лишь держать трость так, чтоб вылезший на её переднем конце раструб был направлен всё время вперёд, и прямо, и не слишком бросался в глаза тем, кто шёл за ним. Однако его опасения оказались напрасны: никто из напарников и не подумал его ни о чём спросить. Зато уж между собой они переглядывались часто: лорд заметил это, пару раз незаметно скосив глаза через плечо.

Примерно через полчаса быстрого, а затем, когда он убедился, что это возможно, и очень быстрого шага, справа в пяти шагах и чуть впереди, вдруг забулькало. Показавшуюся на поверхности плоскую бугорчатую голову болотного дьявола не узнал бы только совсем уж слепой. Однако сделать монстр не успел ничего: стрела из лука Марата вошла ему точно в левый глаз. Собственно, промахнуться было трудно: каждое из буркалов было размером с хорошее блюдо!

Поверхность трясины поперёк их пути вспучилась, заходила буквально ходуном на расстоянии не меньше двадцати шагов. Но там, где тропинка уже замёрзла, не сдвинулось ничего: толстый, стало быть, получался слой льда! Лорд Дилени, не сказав ничего, просто двинулся дальше, краем глаза наблюдая, как волны и куртины кустов раздвигаются, выдавая путь очень быстро не то уходящего, не то – уползающего чудовища.

Марат выдохнул:

– Первый раз встретился вот так: лицом к лицу со взрослым. И, похоже, я первый, кто сможет об этом рассказать.

– Не радуйся раньше времени. – Борис был собран и спокоен, – Как говаривал мой сержант, не говори «Гоп!», пока не прыгнешь. Впереди ещё как минимум десять миль.

– Точно. Поэтому помолчим. Жаль только, что эта стрела – пропала.

– Ага.

Ещё час быстрой ходьбы, почти бега, закончился неожиданно: перед ними возникло что-то вроде острова. Плоского и покрытого массой плоских небольших камней.

Однако когда лорд Дилени попробовал взойти на кромку пляжа, тысячи тварюшек, которых они приняли за камешки, кинулись врассыпную, шлёпаясь в воду с громким плеском.

– Тьфу ты, напугали! – Борис фыркнул, словно рассерженный жеребец, – Болотные черепахи!

– Они самые. Жаль, нет времени. Говорят, нет ничего вкуснее супа из них.

– Да и ладно. Нам всё равно не в чем было бы их сварить. Да и на обратном пути не наберём: хранить их негде.

– Вот и отлично. – лорд Дилени попробовал почву острова подошвой сапога, – Кто-нибудь хочет отдохнуть?

– Нет, милорд.

– Нет, милорд. Может, мы лучше побыстрее переберёмся через чёртову трясиину?

– Согласен. Тогда – двинулись.

– Двинулись-то мы двинулись...

– Да, Марат?

– Просьба: пусть теперь Борис, если он не против, держит наготове лук. А то у меня ладони начали потеть, и глаза слезятся. Похоже, нанюхался болотного газа.

– Борис?

– Согласен. Договорились.

Под прикрытием Бориса лорд Дилени чувствовал себя точно так же уверенно, как под прикрытием профессионального охотника: оба его спутника уже проявили себя вполне надёжными соратниками. Никто не орал благим матом, увидав легендарное чудище, и не пытался отступить, а все реагировали осмысленно, и действовали адекватно. Борис просто не успел наложить стрелу: лорд Дилени видел, как ловко тот скинул лук со своего плеча, и потянулся за спину, к колчану. Тварь просто скрылась под водой раньше.

Поверхность островка покрылась коркой льда и изморозью, так что почти звенела под ногами, отдаваясь мерным, хоть и тихим топотом под их шагами, но суша окончилась быстро – всего через пятьдесят шагов. Дальше пошли опять куртины багульника и кочки, имелись и заводи из тины. Впрочем, хватало и открытой воды: по ней они и предпочитали идти, чтоб не спотыкаться о жёсткие стебли рогоза, и не оскользаться на инее.

На этот раз опасность возникла слева: из воды в десяти шагах впереди, появилась, поднявшись на добрых три яр-

да, грациозно длинная шея с крохотной головкой на конце: водяная гадюка! Она, как обычно делают эти твари, застыла, высовывая из пасти растроенный плетеобразный язык: пыталась лучше унюхать, ведь зрение у неё, как все знают, плохое. Стрела Бориса вошла ей точно под подбородок, если можно назвать это место так: единственное уязвимое место у монстра, покрытое перламутровой непробиваемой чешуёй в почти четверть дюйма толщиной!

Упала обратно в воду гадюка вовсе без грациозности: просто плюхнулась как и замирала: словно сгнившая ветка. Лорд Дилени кивнул головой, чуть обернувшись:

– А молодцы вы у меня. Отличная стрельба.

– Ну – так!

– На том стоим, милорд!

Однако через ещё десять минут пришлось снова снимать с плеча лук и Марату: на них напала стая пираний-водомерок. При небольших сравнительно размерах – с крупного кота! – тварюшки обладали поистине чудовищной пастью с острейшими зубками: раскрытая во всю ширь могла спокойно проглотить того же кота!

Лорд Дилени с мечом и кинжалом в разведённых в стороны руках просто ждал, приняв боевую стойку на колене, выключив и положив наземь, (вернее – на замёрзшую поверхность) свой пук хвороста, его напарники отстреливались. Как отметил лорд, не пропало ни одной стрелы из тех девяти, что лучникам пришлось потратить. Хотя, как потом

ему всё же пришлось с сожалением констатировать, всё-таки пропало: наглые твари посмели утонуть, и стрелы стали недоступны...

– Не понимаю до сих пор. Как такие несуразные уроды вообще живут. Они же, вроде, хищники. Но – мелкие. Чего же они здесь жрут?

– Думаю, Марат, жрут они то же, что и коты на земле, только сумчатых. То есть – мышей. Ну, тех, у которых по бокам брюха – пузыри с воздушными карманами.

– Хм. Вот уж – не деликатес.

– Согласен. Но для водомерок, может, как раз наоборот.

Ещё пять минут прошли спокойно, они почти бежали, радуясь, что идти можно всё время прямо, и берег недалеко – он уже нависал стеной из каких-то тёмных и невысоких растений. Однако то, что тропинка после их прохода ещё достаточно долгое время оставалась проходима, тоже вышло им боком: в пятидесяти шагах позади вдруг что-то приземистое и массивное грузно плюхнулось на скованный льдом отрезок трясины в добрых, как знал лорд, четыре шага шириной.

Тропинка ощутимо вздрогнула под ногами и прогнулась, но выдержала. И вскоре трое разведчиков наблюдали, как по их следам, тыкаясь мордой в землю, и подфыркивая, начинает приближаться, посверкивая многочисленными – не меньше двадцати! – крохотными бусинками глаз, разбросанных по всей морде, легендарная лягуха.

Вот уж малоприятный попутчик! И не сбежишь же!

– Цельтесь в морду и пасть! Всё остальное у этой твари бронированное! – Марат первым подал пример, поспешив вновь скинуть лук и прицелиться. Зло пропела стрела, вонзившись в одну из ноздрей монстра, успевшего короткими, но частыми прыжками приблизиться на двадцать шагов, – Нельзя подпускать ближе пяти шагов! Прихлопнет!

Лорду Дилени оставалось только целиться и стрелять, целиться и стрелять. То же делал и Борис. Однако хотя морда твари и стала похожа на подушечку для иголок, подыхать или убежать прочь настырная животиная явно не собиралась, выражая недовольство короткими подрёвываниями, в которых слышалась и злость, но куда явней – голод и вожделение. Видя уязвимость их позиции и тактики, лорд Дилени поступил просто.

Быстрыми движениями заморозив трясины на десяток шагов вокруг места, где они стояли, выключил и отложил трость. Вынул меч. Присел пониже. И ринулся к морде прыгавшей всё ещё короткими, «подготовительными», прыжками, лягухи. Крикнул на бегу:

– Отставить стрельбу!

После чего сам заорал во всю глотку благим матом «А-а-а-а!!!», чем умудрился действительно буквально огорошить чудище – то замерло на долю секунды, словно опешив от такой наглости: ну как же! Какая-то моська осмелилась кидаться на неё, грозу и царицу болот, ещё и вопя во весь голос, чего тут, в Царстве вековых топей, уж точно отродясь не

бывало! Кошунство и попрание традиций!..

Но лорду Дилени этих мгновений оказалось достаточно: меч вонзился снизу прямо в середину нижней челюсти, и осталось лишь, используя инерцию движения и силу мышц, направить его остриё кверху – туда, где у монстра должно быть нёбо и мозг.

Треснувшись кистями рук о склизкое тело, лорд отскочил назад, так и оставив меч торчать из челюсти.

Лягуха, поморгав своими оставшимися целыми глазками, поразевала метровую пасть, и что-то неразборчивое проурчала: словно действительно пыталась перед смертью высказаться. Интересно только – что: то ли свои соображения о том, что с ней поступили нечестно, то ли просто обругать обидчика. После этого туловище, сразу утратившее злобную целеустремлённость и некую природную грацию, словно растеклось по твёрдой поверхности льда: так, будто из него выпустили воздух.

Несколько секунд царила абсолютная тишина: заткнулись, казалось, даже неизменные болотные цикады и комары.

Затем Борис выдохнул:

– Знаете что, монсиньор... Вы или очень глупый, или очень храбрый! Я слышал про лягух, что от этих тварей, встретив, нужно просто бежать. Без оглядки. Со всей возможной скоростью. Потому что победить их невозможно...

– Да и я не знал, что их можно убить вот так, мечом...

Старики в посаде говорили, что убивали их раньше копьями – с очень длинными наконечниками. Охотников должно быть не меньше десяти. И происходить всё должно только на суше. А целиться старожилы советовали в открытую пасть – и в глотку.

– Да, я примерно так и сделал. Просто кое-кто сказал мне, что кожа, из которой состоит надувной мешок у нижней челюсти, очень эластична, и пробить её вполне возможно – там нет брони, иначе тварь не смогла бы глотать свою жертву, словно удав. Или распевать призывные рулады самочкам – вернее, самищам! – по весне... И, как видите – это сработало. Сквозь кожу горла и нёбо удалось попасть прямо в мозг! – лорд Дилени, на всякий случай отошедший от твари ещё на пяток шагов в ожидании агонии, подходить к ней снова вообще не спешил. За что никто и не подумал бы его упрекать: мало ли! Вдруг монстр просто хитро прикидывается!

Но монстр не прикидывался.

И через минуту они повынимали все свои стрелы обратно, после чего приподняли втроём морду монстра, и лорд Дилени, уперевшись ногой, еле вытянул меч из костей очень прочного черепа. Хорошо, что стальной зуб вошёл внутрь этого черепа с той стороны, где мозг твари не был надёжно прикрыт толстым костяным сводом, который по слухам не брали никакие, даже бронебойные, наконечники – что стрел, что копий...

– Повезло нам. Вернули кучу стрел в колчаны. А то на

территории врага и стрелять-то было бы нечем!

– Вот! Именно поэтому я и решил рискнуть.

– Могли бы хоть предупредить, милорд...

– Некогда было разговаривать. Да и получилось неплохо.

– Неплохо, согласен. Тварь даже не билась, как они обычно делают, в агонии.

– Верно. Но когда пробит мозг, не больно-то поагонизируешь.

– Ох, милорд... – Борис, выдохнув, только сейчас перестал дрожать мелкой дрожью, обхватив себя за плечи, – Всё равно вы – молодец. Я бы не осмелился.

– И я бы.

– Ну а мне не трудно было это сделать. Метод – не мой.

– Так вам и об этом рассказал лорд...

– Вот именно. Но не будем лишний раз называть его имя.

– Чёрт... Вот теперь я, пожалуй, понимаю, почему король всё же сохранил ему жизнь. Но... Откуда?! Он же – готов поставить свой лук против зубочистки! – никогда сам не встречался с?..

– Разумеется. Но! Память у него отменная. Он помнит всё, что ему рассказывают. Никогда ничего не забывает. Значит, когда-то кто-то упомянул при нём о таком способе победить лягуху. Или...

– Да?

– Или он сам его вычислил, наслушавшись рассказов о том, как устроена туша и органы твари. И как они поют по

весне, раздувая горловой резонатор-мешок.

– Что ж. В таком случае он... Молодец. Если бы только он ещё...

– Не был столь изощрённым и безжалостным садистом?

– Вот именно, милорд, вот именно...

– Хм. Как знать. Может, на самом-то деле он и не изощрённый садист. А только прикидывался, чтоб обратить на себя внимание короля.

– Но зачем ему это?!

– А вот тут мы вступаем в область догадок и предположений. Потому что вычислить *подлинные* намерения лорда Юркисса не может никто. Ну, или почти никто.

– Вот уж не собираюсь думать ещё и об этом. С меня довольно и задачек, которые ставит армейский паёк. Никогда не угадаешь: из нормальных он продуктов, или опять горох с душиком, мясо недоварено, а капуста с плесенью...

Ладно, милорд. Может, если вы не против, вы возьмёте снова свою секретную карту, – Борис кивком указал на пук хвороста, – и мы уберёмся отсюда побыстрее к такой-то матери? А то я чувствую себя, как гусеница, которую обступила стая воробьёв. Голодных.

– Да, Борис. Думаю, идти пора. Карта... надеюсь, в порядке. – раздалось слабое гудение, – Точно.

– Вот и слава Господу. А то, когда эта слоновая туша вылезла на тропу, я уж мысленно попрощался. С белым светом.

– А я так вообще думал, что штаны намочу.

– Вот-вот. И я.

– Честно вам скажу, соратники. – тяжкий вздох, – Я тоже.

«Эти чёртовы идиоты, мои тюремщики, похоже, действительно думают, что я описываю в этих чёртовых мемуарах только свои амурные «похождения», и расписываю подробно методы и способы пыток. Да на досуге изобретаю новые.

Не могу их за это винить. Ведь это я сам выкладываю, делая вид, словно они оказались там случайно, именно подготовленные, намеренно сделанные именно для этой цели, «крутые», и написанные крупными разборчивыми буквами страницы, наверх стопки – туда, куда попадают взгляды на-тасканных начальством бедолаг, что приносят мне еду, и лорда моего чёртова племянника. Ведь до сих пор никто из них так и не удосужился досконально прошерстить всё то, что я тут на самом деле накорябал. Может, если б кто сделал такое, мнение обо мне слегка изменилось бы. Мягко говоря.

Потому что плевать мне на самом деле на интересики и замашки доморощенного садиста-изверга, которым я уж постарался прослыть, да и, нужно признать, руку и правда приложил. Но если я и занимался этим – то, если быть честным хотя бы с самим собой – большей частью со скуки. И, конечно, чтоб привлечь к себе внимание. (Привлѣк.)

Потому что отлично осознаю: реально умному и начитанному человеку, если он стар и одинок, абсолютно НЕХРЕНА делать в нашей чёртовой Тарсии.

Разве что возглавить её.

Но против сира Вателя я действительно ничего не имею. Он откровенный, смелый и добросовестный, тупой кобель. Мнящий себя ещё и великим воином. А это – не самый худший вариант правителя.

А вот если б он был коварный, изощрённый, и подло бьющий исподтишка беспринципный и безжалостный монстр, каковым была, например, его мамочка, я бы ещё подумал – то ли скинуть его с трона, сев самому, и избавившись от его до сих пор мирно живущего, пусть и в ссылке в провинции, младшего брата, то ли – пролезть в премьер-министры. Чтоб управлять этой страной так, как считаю нужным. Потому что если о чём и думала леди Рюген, королева-мать, так это в последнюю очередь о благе народа и страны.

Не-ет, она просто тешила своё непомерное самолюбие и грязную душонку провинциалки, пробившейся в жёны наследного принца благодаря тому, что была чертовски «сексапильна» в молодости, (Так сказать, «из грязи – в князи»!) наслаждением от осознания того факта, что любой малейший чих в этом государстве теперь происходит только по её воле. Которую она диктует этим инструментам – своим коронованным марионеточкам, своим сынкам. Даже удивительно, что наклепав их целых пять, да ещё двух дочерей, которые на свою беду (Или счастье! Не довелось им побыть разменными монетами в сложной игре под названием «династический брак», или помыкаемыми рабынями, не имеющими

своего мнения и слова!) померли в младенчестве, эта гадина не утратила интерес к традиционным развлечениям высокогородных тварей – интригам, подсиживанию, клевете, подкупу. А особенно – убийству. Причём, естественно – изощрённому и коварному. Чтоб жертва откинула копыта в мучительных конвульсиях, и желательно в полном сознании. Понимая, кто всё это устроил. Но не в силах адекватно ответить...

Убивать и сживать со света эта женщина умела как никто другой.

Даже легендарный Остин Хромой, насколько я могу судить, с ней сравниться в этом плане не мог. Подумаешь – три отравленных, три зарезанных, пять сгноённых в подвалах, и двое запятанных – якобы изменника. Плюс две погибших «от несчастных случаев» фаворитки.

У королевы же – минимум две дюжины убитых. Ну, это по имеющейся у меня, вполне достоверной, информации. Ещё о пяти-шести жертвах ходят лишь туманные слухи, но проверить или подкрепить их доказательствами уже никто не сможет за давностью лет. И в связи с предусмотрительным уничтожением улик главной убийцей.

Да, я сдуру проводил свои, личные, так сказать, дознания и расследования в плане ознакомления с методами и организацией процесса травли или умерщвления неугодных. Интересно мне, понимаете ли, было, кто, как, зачем, и какими средствами и способами решает у нас проблемы особ, при-

ближённных к королевским... Двора, проще говоря.

Занимался этим долго, но тихо и аккуратно. И, тем не менее, однажды распробовал в своём бокале с рейнским вкусом цукинты. Пришлось опустить виночерпия в подвал, и пытать. Но, похоже, эта мразь боялась меня куда меньше, чем длинной руки королевы-матери. Сознаться он не успел – умер. Не знаю только, действительно ли от сердечного приступа, или ему кто успел чего в воду подмешать...

Палачей своих я после этого просто повесил: может, они и не виноваты, но – для острастки, и в назидание остальным, будущим. Казнил я и тех из слуг, что казались мне подозрительными. Или слишком напуганными – невиновным бояться нечего!..

Яда после этого мне дать не пытались. Зато попытались застрелить из арбалета, когда я просто охотился в своих же лесах. На кабана. Но я уже ждал чего-то такого. Поэтому под парадным камзолом имелась уникальная, выкованная по древним рецептам, кольчуга. Она всегда казалась мне куда удобней тупой кирасы – поскольку и куда легче, и свободно принимает форму тела. И, главное – незаметна снаружи, особенно издалека. Поэтому лохам и наёмным убийцам кажется, что я беззащитен...

Мои телохранители арбалетчика схватили. Эта сволочь так умело сопротивлялась – даже зарубила двоих моих, пока они пытались, выполняя мой приказ, взять его только живым.

Взять, сильно помятым, но действительно – живым, смогли только когда оглушили. В подвал!

Переусердствовали только немного с ним. Так что пыток он выдержал лишь трое суток. Вот когда я разгулялся по полной программе, и даже несколько новых приёмчиков разработал. И способов. Для вящего, так сказать, развязывания языков.

Однако почти ничего нового мне этот допрос не дал.

То, что меня «заказала» мать сира Вателя, я знал и так. Сколько денег заплатила, мне до лампочки. Что держала семью стрелка в заложниках – мне тем более плевать. После смерти Виктории мне вообще на всё и на всех плевать. Но терпеть и дальше покушения на свою драгоценную персону, фактически единственно ценную у меня сейчас вещь – глупо. Никто не может гарантировать, что мне будет везти так, как какому-то там древнему тирану Гитлеру, избежавшему, по слухам, пятидесяти покушений. А по непроверенным слухам самым удачливым (Или предусмотрительным – похоже, не только я тут умный!) сукиным сыном в этом плане был какой-то кубинский король. Фердель, что ли. Чуть ли не триста попыток.

Вот я и разработал простенький, (Ха-ха!) но вполне действенный план. На деньги и угрозы не поспешил. Шантажом не пренебрёг. И семьи некоторых непосредственных исполнителей взять в заложники тоже не побрезговал...

Королеву убрал её же способом. А яд выбрал специально

такой, чтоб его действие походило на грибной токсин. Медленный. Но – абсолютно смертельный.

Поэтому и эта с-сучка догадалась, чьих рук это дело, и мучения её оказались вполне адекватны. Вот когда я порадовался, что не спешил с мезтью за мою Викторию: умирала эта мразь две недели, а уж орала, говорят, на весь королевский замок... А самое главное – всё было шито-крыто с моим алиби: я к этому времени уже больше месяца как жил в «добровольной ссылке» – в Лории. Этим «бегством» я достиг двух целей сразу: обеспечил себе алиби, и дал любимой гадине расслабиться, считая, что я отошёл от дел, испугался, и думаю лишь о спасении собственной драгоценной шкуры.

Странно, но сир Ватель после воцарения не стал меня наказывать.

Но, думаю, произошло это вовсе не от того, что он поверил в моё «алиби», или не поверил тем гадостям, что наплела ему про меня его мамочка перед смертью.

А просто его, как никого другого, устраивала ситуация. Ведь я фактически гарантировал его дальнейшее безоблачное царствование, поскольку он-то отлично понимал, что как только его младший брат Дерек войдёт в подходящий возраст, его, сира Вателя, с королевского трона уберут. И способ, вероятней всего, будет крайне мучительным и болезненным. (Поскольку мужчина он здоровый, и не склонный болеть, или нарваться на «несчастный случай на охоте».) И, само-собой, фатальным. Ведь яд эта сволочь подбирала почти

каждый раз – разный. Противоядиями не подстрахуешься. И, выпив такой токсин – не спасёшься. (Средств таких нет. Ну, во-всяком случае я их не знаю.)

Ведь это только я, дотошный и методичный, не щадя ни времени, ни здоровья, добыл и перепробовал, чтоб знать на вкус, кажется, все яды, существующие на свете. Ушло на эту роскошь, конечно, непозволительно много времени – восемь лет. Поскольку начинаешь, конечно, с половинки капли в большом количестве воды. Потом – пробуешь целую. Потом – две... Воды делаешь поменьше. (Главное – успеть вовремя выплюнуть, до того, как всосётся в щёки...) И так далее, пока не прочувствуешь, так сказать, единственный и неповторимый вкус именно *этого* яда. Ну а противоядий, к сожалению, для большинства этих гадостей и правда – нет. Иначе я точно продавал бы их. Королевским придворным. Разбогател бы. Ха-ха. Шутка.

Конечно, я почти каждый день пишу эти заметки вовсе не для того, чтоб увековечить способы и методы реально действенных пыток. И повспоминать о своих проделках и похождениях. А для того, чтоб отдать дань уважения своему прародителю. И я не стесняюсь каждый день напоминать самому себе: если б не отец – ...рен бы я стал тем, кем стал.

Так что в три тысячи двести пятьдесят девятый раз: спасибо ему, моему папе.

И пусть он сам и не читал всех тех сотен запрещённых манускриптов и пергаментов, что собирал и хранил в надёж-

ном подвале наш дед, Юрик Рыжий, и прадед, Парис Прекрасный. Зато и не приказал достать и сжечь их, когда отец сира Вателя, сир Галевин, издал по науськиванию Конклава Указ. О том, что вообще *все* книги и рукописи древних теперь являются незаконными. Крамольными. Опасными. И за хранение, недонесение и уж тем более – за чтение, положено аутодафе. С предварительными пытками. И конфискацией.

Уж я позаботился, (А вернее – этому поспособствовала и чистка, проведённая мной после самой первой, и остальными попытками королевы-матери.) чтоб в моём замке знавших о потайной комнате с манускриптами не осталось. И ключ имелся только один.

Мой.

Перечитывая иногда свои «мемуары» я, конечно, вижу, что кое-какие мысли и фразы я уже писал. И не раз. И не два. Но это – ничего. И это вовсе не признак маразма, как могли бы подумать недоброжелатели. (Вот уж кого у меня теперь – хоть отбавляй! Но все они – абсолютно безвредны! По сравнению с леди Рюген – как клопы перед тигро-рысью!) Нет, от повторения во второй, или двадцать второй раз, я только выигрываю.

Ведь как, по-идее, работали древние писатели, вроде легендарного Гоголя, первым начавшим культивировать в «просвещённой» Европе рассказы в жанре мистики и ужасов: писали в тетради своё произведение. Откладывали. Через месяц возвращались, *читали*. И снова переписывали –

в совершенно новой тетради, совершенно другими словами, повторяя, только более выразительно, прежний сюжет. Или слегка дополняя или изменяя его.

И так – до десяти раз. Выгранивая и отшлифовывая слог и сюжет рассказа. Или повести. И ведь не ленились, и не жалели о потерянном времени!

Не хочу сказать, что я – профессиональный писатель. Хотя, конечно, сам-то прекрасно понимаю, что где-то близко. (Да и правду сказать: те наши монахи, что обучены грамоте, могут лишь в сотый раз переписывать страницы Священного Писания. Ну, или вести бухгалтерский учёт поступающих средств и податей...) Ведь после того, как я прочёл всё то наследие Предтеч, что собрали дед и прадед, и сохранил отец, думаю, равных мне по кругозору и объёму знаний здесь и сейчас просто нет.

И это-то и печалит больше всего. И бесит.

Потому что я осознаю: раньше у людей имелось слишком много так называемой «демократии» – это когда каждый человек якобы «равноправен» с остальными, особенно с теми, кто им управляет, и наивно считает, что якобы и он участвует в управлении Обществом. (А сам вынужден пахать, как осёл, чтоб заработать на пропитание! Ну и чем он, по-сути, отличается от древнего раба?! Правом «избирать и быть избранным»?! Чушь – уже тогда избирали лишь аристократов из определённого сословия. А вот насчёт того, как там было у краснорубашечников – вот именно – хи-хи! Президенты-то

у них, как-то так «случайно» совпало – все были из силовых Ведомств. Типа наших легендарных ЦРУ или АНБ.)

Чушь всё это насчёт демократии и права каждого быть избранным.

Не пробиться просто так, без связей, денег, или фамилии, к кормушке.

И никто никогда ни с кем не может быть равноправен. Если даже принять за основу ту единственную книгу, что наш Конклав канонизировал, как Святую и единственно правильную – «Холи Байбл» – то и исходя из её предпосылок получается, что всех Господь создал – *разными*. И одному дал столько-то, а другому – столько-то. Будь то мозга, или силушки телесной. Или красоты. Или судьбы. Как не вспомнить про богобоязного беззаботного пастуха Авеля, и озлобившегося на милости, которыми наш Господь осыпал этого своего любимчика-фаворита, Каина...

И это, в принципе, верно. Ведь даже близнецы думают и действуют хоть и похоже, но – по-разному. Скажем, один разбил чашку, и сумел свалить вину на брата. И вот тот получает *свой* «жизненный» урок, а разбивший – свой. И исходя из этого оба и строят своё поведение и мировоззрение...

Короче: нет у людей равных прав, как нет и равных возможностей и мыслительных способностей. И тот, кто думает лучше и эффективней, и настойчивей стремится к своей Цели – и жить должен лучше. И это вполне справедливо.

То есть, закон Дарвина в применении к Социуму вполне

логичен: выживает умнейший и сильнейший. А я бы ещё добавил: и подлейший и коварнейший.

Потому что мозг – это замечательный инструмент. (Если не лениться тренировать, и пользоваться регулярно! А многие, кто действительно не понимают, что для всех на свете мышц, в том числе и той, что имеется внутри нашей черепушки, нужны регулярные тренировки и занятия – никогда никуда не поднимутся и не пробьются.)

И это он, тренированный и искушённый мозг, позволяет уравнивать силу десятка тысяч воинов любой Армии с силой мысли единственного человека, способного нейтрализовать и уничтожить эту самую армию: если полководец противника умней и, вот именно, хитрей. О-о! Так жаль всех этих придурочных качков, профессиональных солдат, что гибли по вине тупорылого и самоуверенного балбеса, свято верящего, что воюют – числом!..

Я сам столько раз сталкивался с этими фактами в старинном учебнике о Древних веках, чудом сохранившегося ещё с тех времён, когда их печатали на дороженной и недоступной сейчас бумаге. Переворачивая заплесневелые, слипшиеся от старости, и ветхие до того, что рассыпались прямо под пальцами, страницы, я и научился запоминать сразу так, чтоб не возвращаться к прочитанному: многие мои документальные раритеты-экслюзивы не смогли бы выдержать повторного перелистывания...

Так что могу с уверенностью сказать: кое-какие решения

нашего многомудрого Конклава вполне себе рационалистичны. Так, сделать не только древние, но и просто – Знания недоступными подавляющему большинству населения – это вполне действенный метод. Ведь управлять стадом баранов, не знающих исторических прецедентов, не видящих дальше своего носа, и не думающих ни о чём, кроме того, как бы нахапать побольше материальных благ, пристроить повыгодней детей, или просто – вкусно и сытно жрать – очень легко.

А ещё легче управлять тем, кто околпачен официально утверждённой сверху бодягой, что «на всё – Божий промысел!», и вынужден корпеть в поле или мастерской от зари до заката. Потому что если кто не знаком, вот именно, с историческими прецедентами, так и будет считать: всё *так* идёт уже испокон веков. И протестовать, или бунтовать против сложившегося Статус Кво нет смысла. Вот – элита, то есть – вожди, вот – скот. То есть – слуги и рабы. Одним дозволено всё, другим – только работать в поте лица, да молиться.

Так всё создал и повелел Господь!

Более того: я начинаю подумывать с позиции рационалистично мыслящего циника и прагматика, что и этого самого Господа Бога выдумали к своей пользе Большие Боссы: Президенты, Генеральные Секретари, Папы, Кардиналы, и прочие фактические Хозяева древнего Общества! Выдумали, чтоб легче было повелевать уже *своими* безропотными и тупыми баранами. И околпачивать их сказочками про то, что им, терпеливым и послушным, разумеется, воздастся. Но –

на том свете.

И если б эту кошунственную мысль обнаружили здесь, в моих записках, вряд ли от аутодафе меня спасли даже те советы, которые я уже дал, и ещё только намерен дать. Поэтому порву-ка я от греха подальше эту страницу, да сожгу в своём любимом камине...

Потому что нужно всё же делать чёткие различия: Вера – подлинная и искренняя! – в Высшую Справедливость – это святое и неотъемлемое право каждого человека. А те, кто эксплуатируя стремление доверчивых наивных или глупых верующих обеспечить себе Его высочайшее покровительство, присосался к кормушке, что зовётся нашей официальной Церковью, словно клещ к здоровому телу – это нечто другое.

Совсем другое.»

Примерно через ещё десять минут осторожного продвижения впереди уже чётко просматривалась, распадаясь вблизи на отдельные стволы и растения, тёмная, и возвышающаяся над поверхностью трясины, масса.

– Похоже, это – лес. Приготовьтесь. Сейчас тут, рядом с нормальной почвой, тварей-охотников может быть больше.

– Да, милорд.

Однако им попался лишь ещё один болотный дьявол. Куда меньшего размера: длиной всего шагов в десять. И все они обозначились под водой, когда Борис всадил стрелу в

разверстую метровую пасть: похоже, небо у твари оказалось ещё нежней, чем глаз.

– Вот ведь настырная скотина. – Борис сплюнул через плечо, – Ничего не боится! Наверняка ведь раньше людей не видала. Но всё равно – так и норовит сожрать!

– Осторожно. Вон тот бугор на поверхности может выдавать ещё какого гостя.

Однако бугор за десять шагов до них вдруг приостановился, и, чуть помедлив, удалился, направившись в ту сторону, куда уплыл отчаянно бьющийся болотный дьявол.

– Ох... Не хотел бы я знать, как выглядит тварь, питающаяся болотными дьяволами...

– Я тоже.

– И я тоже. Поэтому давайте-ка убираться отсюда поскорей. Даст Господь, в чаще вот этого леса сможем отдохнуть и спрятаться.

– Да, милорд.

– Да, милорд.

А хорошие у него напарники. Предпочитают словам действия. Конкретные. А говорят редко. И всё больше – по делу. Вот и славно. Глядишь, и удастся вернуться.

Живыми.

Сир Ватель проснулся словно от толчка.

Но открыв глаза, обнаружил, что ему лишь показалось. Всё вокруг было тихо, и даже мирное посапывание леди

Маргарет, уткнувшейся смешно сплюснутым носиком куда-то ему подмышку, не прервалось от его невольного вздрагивания при пробуждении.

В открытое окно доносился умиротворяющий треск циркад, живущих в камышах, которыми зарос околосамковый ров. (Чёрт! Давно нужно приказать повырубить эту хрень к чертям собачьим! А то во время её цветения жутко свербит в носу!) Темень в спальне стоит умеренная: перед образами в углу тлеет масляная лампадка, заменяя ночник, и делая пространство в сто квадратных ярдов вполне освещённым. Сам замок полон, конечно, ночными звуками: то часовые на стенах орут друг другу: «Посматривай!», то собака на псарне взвояет – видать, подравшись с товаркой, то загрохочут дрова, которые повара вывалят у порога кухни, принеся из дровяного подвала...

Что же его разбудило?

Он снова закрыл глаза.

Вот. Так и слышно лучше, и враг (Если он есть!) будет думать, что король изволил вновь беззаботно задряхнуть. Сир Ватель даже позволил себе чуть поворочаться и засопеть – он знал, что не храпит, а именно – сопит.

Через десяток минут это сработало: странный звук, разбудивший его, повторился: так могла бы проскрежетать по полу давно не открывавшаяся и просевшая дверь. Потайная. Потому что обычные двери в его покоях содержались в отличном состоянии.

Сир Ватель не шелохнулся. На лице продолжал удерживать полурасслабленную довольную ухмылку: словно он всё ещё наслаждается приятным и разнообразным сексом с изобретательной фавориткой. Ну, или видит сны об этом.

Дверь снова проскребла по полу. Сразу стало понятно, что тот, кто пытается пройти к ним в спальню – женщина. Причём – недалёкая и слабая. Мужчина догадался бы приподнять створку ещё после первого раза. Сир Ватель позволил себе глянуть в сторону звука сквозь пушистую (Ему говорили!) ресницу. Есть!

На пороге чёрного проёма стоит фигура в чёрном платье до пят – точно женщина!

Но что это она...

О!

У неё – арбалет, и она целится в...

Тут уж не до рассусоливаний: сир Ватель мгновенно выхватил из-под подушки кинжал, рукоять которого давно сжимала его кисть, и почти без замаха метнул.

Тренировки не прошли даром: бросок оказался удачным.

Впрочем, как посмотреть: захрипевшая, и схватившаяся за хилую грудь худощавая женщина, постояв несколько секунд, завалилась на спину, стрела из арбалета ушла в потолок, и вреда ни королю, ни его фаворитке странной гостье нанести не удалось. Но!

Допросить труп явно не представляется возможным. Проклятье!

Остаётся надеяться, что хоть что-то ему даст выяснение, кто это тут выискался такой коварный. И подлый.

А самое главное – за каким ...ем ему понадобилось убирать сира Вателя: короля, который, вроде, устраивает всех!

Сир Ватель не обольщался: он прекрасно понимал и знал, что является отнюдь не самым умным, или просто – хорошим, правителем. Но – опять-таки – но!

Он никогда ничьих интересов не ущемлял. Ну, старался, во всяком случае. К подданным и придворным относился вполне лояльно, и никого не репрессировал и не казнил. Желających отомстить вроде, не должно быть. А то, что его Указы почти ничего нового не вносили в существующее законодательство и порядок вещей – это прекрасно. Он – консерватор. И всегда за Статус Кво. Ну, или хотя бы за то, чтоб *его* Тарсии жилось не хуже, чем при деде и отце.

А вернее – при деде, а затем – при матери.

Потому что при отце все более-менее важные решения принимала его жена, урождённая Шталмайстер, сейчас почившая, хоть и не с миром, королева-мать. Которая и мужем вертела, как хотела, и двумя старшими братьями... И его, сира Вателя, хоть сколько-нибудь самостоятельного и долгого царствования уж точно не допустила бы. Считала, и почти в глаза говорила, что уж слишком сексуально озабоченный. И тупой.

Вероятно, доля истины в этом была. И весьма большая доля. Поэтому женившись, сир Ватель честно пытался вести

добропорядочный образ жизни, и жене почти не изменял. Ну, хотя бы вначале... Это уж потом, когда с рождением сыновей и дочек его стали куда реже допускать к... Ну, словом, всё вернулось на круги своя, и ни одна фрейлина или камеристка снова не могла чувствовать себя спокойно в присутствии коронованного самца номер один...

Так что когда спустя пять лет правления сира Вателя королеву-мать отравил лорд Юркисс, сир Ватель формально приказал созвать Королевский суд, допросить свидетелей, провести дознание, и т.д. Но когда королева наконец отправилась в мир иной, приказал прекратить это безобразие, то бишь – дознание, и лорда Юркисса оправдать, в связи с полным отсутствием улик. Но он-то знал, что лорд прекрасно знает о том, что он знает, что тот оказал ему услугу. Фактически спас жизнь – иначе на троне Тарсии уже девять лет как восседал бы, чутко вслушиваясь в то, что шепчет жёсткий злобный голос из-за резной позолоченной спинки, сир Дерек.

От рывка его тела во время броска леди Рашель, разумеется, проснулась. Сонно потянулась гибким телом, очевидно, посчитав, что его Величество изволили просто дёрнуться во сне. Но заметив, что повелитель и любовник не спит, и не сводит глаз с чего-то в углу спальни, посмотрела туда и сама. Вздрогнула.

– Ох! Что случилось?! К-кто это?!

– Не нужно шуметь. – сир Ватель нежно прикрыл готовый

заорать во весь голос чувственный ротик ладошкой, – Кто бы это ни был, нам он уже не угрожает.

– Как ты можешь так спокойно об этом говорить?! Ведь это... Это... Наверняка наёмный убийца! Подосланный к тебе этой гнидой – лордом Ю...

– Ч-ш-ш... – сир Ватель снова приложил ладошку к коралловым губкам. – Не нужно говорить вслух никаких имён. Во-первых, потому, что это может оказаться клеветой. А во-вторых – потому, что даже у самых прочных и надёжных с виду стен имеются, как мы имели случай убедиться, уши. А самое главное – у убийцы могут быть и сообщники. Вдруг они всё ещё там? – он кивнул на тёмный проём.

Дама, уже спустившая ноги с кровати, покивала. Под тонкой материей ночной рубашки по телу пробежала дрожь, и кожа покрылась мурашками. Сир Ватель руку со рта дамы и шеи убрал – а то уж слишком похоже было на то, что он хочет попытаться заставить замолчать свою любовницу любой ценой... Или уж – навсегда.

Но посмотрел в глаза дрожащей фаворитке сурово. Та поняла:

– Ладно, я... Не буду орать. Но и оставаться здесь страшно. Можно, я уйду к себе?

– Вот уж нет. Ты теперь будешь выполнять важнейшую миссию. Прикрывать мою задницу от тех «доброжелателей», кто попытается постучать, чтоб узнать, как мои дела, или войти через обычную дверь. Подойдёшь к ней, к двери, буде

таковые заботливые лизоблюды найдутся. Так, чтоб тебя было слышно. И негромко скажешь, что его Величество изволит почивать после трудов постельных. Ну, или праведных – сама придумаешь, каких. И приказало его до завтрака не беспокоить. Понятно?

– Понятно-то оно понятно... Но ты-то что собираешься делать? – округлившись глаза смотрели на вставшего с постели и быстро натягивавшего штаны и кольчугу короля.

– Как – что? Должен же я выяснить, кто это тут у нас лежит убитый? И логичным представляется следующим шагом – избавиться от его докучливого трупа.

– Ты... Так спокойно об этом говоришь!

– Нет, милая моя. Не спокойно. На самом деле у меня было, конечно, несколько неприятных моментов. Особенно, когда я увидел направленный тебе в спину взведённый арбалет. Кончик стрелы ведь тоже мог быть отравлен – даже если б рука дрогнула, и эта тварь не попала бы в сердце, смерть всё равно угрожала. Но – не мне. Тебе.

Потому что я-то прекрасно понимаю, что сейчас «угоден» и удобен всем. И интриг против *меня* плести не будут.

Прекрасное лицо леди Маргарет снова побледнело. Но сейчас она сама успела прикрыть рот ладошками – крик не вырвался. Король кивнул:

– Отлично, милая моя. Теперь-то я уверен, что ты насто-роже. Вот и оставайся на вахте. Бди. Я скоро буду. Это тело – он небрежно махнул рукой, – тебе уже не навредит. Но! Со-

ветую вооружиться. Вон, – ещё один небрежный кивок, уже на стену кабинета, – Оружия полно!

Лицо ночного гостя – а вернее, гостьи! – оказалось скрыто за полумаской из чёрного бархата, закрывавшей и рот и нижнюю часть лица, но король и по фигуре и по одежде уже понял, кто это. Откидывание маски лишь подтвердило подозрения – леди Осберг.

Лишь недавно – первая доверенная фрейлина его королевы.

А вот в проёме стояла чернильная тьма – то есть не видно было ни зги.

Пришлось вернуться к бюро, и взять подсвечник. Зажечь от лампадки три свечи. И двинуться вглубь узкого – только-только протиснуться! – прохода, шедшего, как оказалось, вдоль боковой и задней стены спальни. Но лабиринтом проход назвать было бы неправильно. Потому что узкий лаз из шершавых и заляпанных строительной известью необработанных торцов камней очень быстро привёл его Величество к кабинету леди Наины. Супруги короля.

Дверь туда осталась распахнута, из чего сир Ватель заключил, что её тоже побоялись лишний раз двигать – видеть, не пользовались проходом со времён королевы-матери, и эта дверь тоже скребла по полу. Стало быть, уже легче. Значит, королева по-идее спит.

Ну, это – по-идее.

А как там на самом деле – сказать пока невозможно.

Сир Ватель заглянул в альков спальни через аккуратно приоткрытую им дверь.

Вот оно как.

Леди Наина вовсе не одна. С нею спит... А, точно – это одна из новых фрейлин, эта, как её... леди Луиза Ньюэлл. Симпатичная, конечно, уж он по старой привычке рассмотрел её лицо и тело достаточно подробно. Но решил, что леди Маргарет – лучше!

С другой стороны, эта дама *здесь и сейчас* ему вовсе ни к чему.

При «семейных» разборках королевской четы присутствовать имеют право только сами супруги!

Поэтому сир Ватель вернулся, чуть прикрыл дверь в тайный ход – уж он озаботился приподнять ту, чтоб не скребла! После чего вновь подошёл к постели королевы, уже не таясь. Пнул как следует по деревянному изножью. Кровать заходила ходуном.

Дамы вздрогнули, зашевелились, разлепляя глаза. Увидев его, инстинктивно вскинулись, и прижались друг к другу. А, ну да: у него в руке всё ещё зажат длинный и отливающий фиолетовым закалом мизерикорд – кинжал для последнего удара.

– Что... Всё сие означает, сир? – вот что значит отличное самообладание! Голос королевы почти не дрожал, – Почему вы врываетесь ко мне в спальню среди ночи, с оружием, и не постучав, и не предупредив?!

– Что сие значит, я, разумеется, объясню вашему Величеству. Наедине. – сир Ватель отлично знал, что его нахмуренных бровей пугается даже премьер-министр. Потому что этот признак говорит, что король и правда – гневается.

Леди Ньюэлл вспыхнула, и поспешно натягивая на обнажившееся плечико батистовую кружевную ночную рубашечку, ринулась из спальни, пробежав почти впритык к сиру Вателю. Тот и бровью не повёл. Зато подойти к двери в коридор и повернуть торчащий из скважины ключ, снова запирая покои королевы, не забыл.

Вернувшись, просто сказал:

– Миледи. Вы можете даже не одеваться. Прошу вас проследовать со мной. Желательно добровольно. Потому что в противном случае мне придётся вести вас силой. Я собираюсь вам кое-что показать. Вы будете, возможно, удивлены. А, возможно, и не будете.

Королева и не подумала возмущаться или возражать – уж кого-кого, а сира своего мужа она знала. Да, может, он и не призовой мыслитель, но уж если сказал – сделает. Из всей одежды она накинула на плечи лишь тёплый кружевной платок, и подошла к мужу:

– Ведите, милорд. – она отлично понимает, как подумал сир Ватель, что если бы уж хотел убить – давно убил бы. Во сне.

Поэтому милорд Король не стал ничего говорить, а просто вернулся в её кабинет, и снова открыл дверцу потайного

хода:

– Прошу за мной.

Дошли за две минуты. Не доходя до проёма сиру Вателю пришлось прокашляться:

– Дорогая, не стреляй. Это мы.

Предупреждение оказалось не лишним – сидя на постели, леди Рашель целилась в проём из взведённого арбалета. Рядом лежал и второй. И тонкий меч.

Королева, войдя, чуть не споткнулась о труп:

– Господи! (Прости, что помянула все!) К-кто это?

– Вот именно этот вопрос я и собирался первым делом задать вам, ваше Величество, если б уже этого не выяснил: ведь пришла она из *вашего* кабинета. И состоит в *вашей* свите. – сир Ватель снова сдвинул маску с лица престарелой приближённой фрейлины, – Другой, не менее интересный вопрос – зачем она пыталась это сделать?

– Что – сделать?

– Пристрелить леди Маргарет.

– А почему вы думаете, сир, что... Не вас? – королева зябко передёрнула плечами.

– Потому что не в меня она целилась. А в тело, за которым меня и видно-то почти не было. Но, как вы знаете, к счастью я предпочитаю спать с кинжалом под подушкой. – сир Ватель не стал уточнять, что на самом деле – с тремя. И плюс меч в изголовье, под матрацем. Ну, и табакерка с ослепляющим жгучим порошком на тумбочке. Спасибо школе леди Рюген.

– Понятно. Но я только теперь... Хм-м... Вот, стало быть, почему она так поджимала губы в последнее время. Да и смотрела... Странно.

Что ж. Думаю, я поняла. После нашей с леди Рашель, – вежливый кивок в сторону постели, – доверительной беседы, когда мы обо всём, вроде, договорились, я не стала, как это обычно делаю, сообщать о наших договорённостях леди престарелой Жвачке. Разумеется, она пыталась подъехать ко мне. Но ничего не узнала. А кроме того...

Кроме того, милорд, вы, очевидно уже поняли моё некое... Скажем, охлаждение к леди Осберг. Поскольку вы видели и причину этого... Охлаждения.

Похоже, она почему-то решила, что это именно леди Рашель является причиной этого охлаждения. Логично, с одной стороны. Да я и сама...

Да, думаю в произошедшем имеется и моя доля вины. Я имела неосторожность после встречи с леди Рашель сказать, что она... Поразила меня. И что от *такой* фаворитки я не отказалась бы и сама.

С другой стороны – я же не обязана отчитываться в своих действиях перед своей фрейлиной. Бывшей первой фрейлиной. Да и приятно было, если честно, позлить её лишний раз. Она в последнее время слегка – да и не слегка! – меня достала. Своей ревностью и манией подозрительности. Пришлось даже запретить ей ворчать!

– Вот как. Ну, теперь ваше Величество увидали, до чего

эта ваша бывшая фаворитка и бывшая первая фрейлина до-ревновала, додулась, и додумалась.

Надеюсь, вы довольны.

– Вовсе нет, милорд. Ведь теперь и вы, сир, и леди Рашель наверняка часть вины за произошедшее перекладываете на меня. И, разумеется, не без оснований. Думаю, её нарастающую ревность и злость от того, что ей-то в фаворе было отказано, нужно было как-то выразить... В делах. Скажем так: тут наверняка сыграло роль и природное, и возрастное, и спровоцированное «любимой» хозяйкой раздражение.

Естественное для столь недалёкой особы.

И, как реалистка, я понимаю, что в какой-то степени действительно – именно спровоцировала её. Правда, она почему-то выбрала для атаки не совсем ту мишень...

– Думаю, если б она занялась вашей теперешней мишенью, – король выделил тоном это слово, – ей пришлось бы столкнуться с вашим гневом напрямую. А так, вероятно, она просто хотела хоть кого-то убить, потешив этим своё самолюбие и жажду мести. Ну а заодно и старалась выслужиться. И хотя бы попытаться вновь вернуть ваше расположение.

– Ну, моего «расположения» ей уж точно не вернуть бы ничем, и никогда.

– Охотно верю. Вкус вашего Величества в этом смысле безупречен. Леди новая фаворитка поистине бесподобна. Стройна, миловидна. И, главное – молода. И это вовсе не комплимент, а просто констатация факта.

– Могу ответить вам, сир, тем же: леди Маргарет даже без косметики и одежды – и правда, чудо, как хороша. Поистине воплощённая женственность. И это – тоже просто констатация.

– Если уж быть откровенным до конца, миледи, то вы у меня тоже – не из последних красавиц Тарсии. Даже после всех этих родов. Жаль, что мы предаёмся оценке прелестей друг друга вот так – порознь.

– Действительно, сир, жаль. Но... Если б на то была *воля и желание* вашей дамы, ваше Величество, мы бы... – королева чуть приподняла бровь, слегка приспустив с точёного плечика кружевной платок, и обнажая мраморно-матовое ухоженное тело.

Леди Маргарет вспыхнула было, но быстро что-то сообщила:

– Эта дама имеет такое желание, и даёт согласие, госпожа моя королева!

Пооткрывав рот, словно выброшенная на песок рыба, сир Ватель смог только поморгать: чёрт возьми! Похоже, всё опять произошло без его участия и инициативы!

И леди договорились хоть и не у него за спиной, а вот так, можно сказать, цинично и нагло, но отведя ему роль пассивного наблюдателя! И решив всё за него!

Чёрт возьми...

Но попробовать *так* и правда – могло бы быть интересно... Хм!

Но вначале нужно затащить в проём труп и развесить по местам всё это оружие.

Разумеется, полной гармонии и наслаждения они добились не сразу, и приспособились к желаниям и прихотям друг друга не столь быстро, как хотелось бы не любившему осложнений и неудобств сир Вателю.

Но то, что взаимное согласие и желание прочувствовать тела друг друга и помочь достичь полной гармонии присутствуют в полной мере у обеих его дам, сир король понял быстро: любая фальшь в таком деле видна, словно кусок угля на белоснежной простыне!

Так что к утру взмыленный, словно жеребец, пробежавший пятьдесят миль, и чертовски довольный сир Ватель мог шевелить только одним членом своего тела: языком. Потому что ему пришлось ответить на вполне естественный, но до этого никому в голову не пришедший вопрос, который полусонным голосом задала его супруга:

– Дорогой. Куда мы тело этой дуры-то денем?

– Не переживай, солнышко моё. На день пусть себе остаётся там, в потайном ходе. А ночью я выброшу его в чёртов ров. Там всякой дряни и так полно.

Отсиживаться в роще оказавшихся почему-то странно невысокими, сосен и елей, долго не пришлось.

Стоило солнцу подняться над холмами там, на востоке, отряд уставших разведчиков, успевший, заметив и запомнив

место, надёжно спрятать «карту», позавтракать и полежать с час на подстилке из мха и опавших листьев, двинулся вперёд. Сразу выяснилось, что никакая это была не роща, а, скорее, лесополоса: в ширину ряд деревьев и кустарника не превышал тридцати шагов!

Лорд Дилени, видя впереди просвет, покачал головой:

– Ай да лорд Хлодгар!

– А что, милорд?

– Да умный он, говорю, наш враг. По кромке болота на всякий случай высадил лесополосу. Чтоб, стало быть, наблюдателям с нашего берега не было видно, что тут у него творится на самом деле. Даже через подзорную трубу.

– А что тут у него творится?

– Сейчас и сам увидишь, Борис.

Выбравшись из поредевшего подлеска на кромке чащи, они остановились.

Лорд, предвидевший нечто такое, с удовлетворением, остальные – в изумлении. Борис и Марат поворочали головами, глядя в обе стороны. Марат почесал затылок, Борис сплюнул.

Похоже, оба впечатлились. Но вот приступ естественного удивления и прошёл:

– Чтоб мне лопнуть, милорд! Да это же... кукуруза?!

– Верно, Борис. Это кукуруза. – лорд Дилени покачал головой, показав рукой на узкую просеку, что достаточно резко отделяла лесополосу от начинавшегося в каких-то пяти ша-

гах от опушки поля, – легендарная кормовая культура, к великому сожалению совершенно утраченная у нас, в Тарсии, да и в других странах, когда произошла катастрофа. Но это, как мне кажется, не просто кукуруза. Посмотрите на стебли: они не ниже десяти-двенадцати футов! И початки – толщиной с мою икру! Значит, это кукуруза, выведенная специально, и – для северных земель. Очень урожайная. И скороспелая. И – главное! – не нуждающаяся в уходе и поливе: смотрите: всё поле внизу заросло сорняками. Которые всё равно не смогли задушить эту самую кукурузу. Или отобрать у её корней влагу.

– Я, конечно, рад, милорд, что эта кукуруза – особенная... Победившая сорняки, урожайная, растущая богарно*, и всё такое. Но что это может означать? Что у лорда Хлодгара есть свои фермеры?

* Богарная – то есть, не нуждающаяся в поливе.

– Возможно. И я даже уверен, что кто-то урожай собирать будет. Но это – не обязательно будут именно фермеры. Смотрите: никаких следов упорядоченной посадки не видно. Ни рядков, ни следов культивации. Так растёт пшеница. Значит, никто эту кукурузу не выращивает в том смысле, как мы привыкли, и не ухаживает за ней. Её просто высеяли. И, вероятно, чуть погодя, вот именно – пособирают. Думаю, просто скосят. Это говорит о двух вещах.

– Да, милорд?

– Я, разумеется, не лорд Юркисс, который на основании

вида этого поля сделал бы кучу выводов. Мне же приходит на ум лишь то, что раз выращивают маис, то и кормят им скорее всего каких-то травоядных. Потому что она, как говорили, даёт отличный привес. И второе: этими травоядными, ну, точнее – их мясом, скорее всего, питаются солдаты армии лорда Хлодгара. И, судя по размеру поля – таких травоядных и солдат должно быть много. Очень много.

– Да уж. Поле гигантское. Конца-края не видать. Но мы-то – сможем через него пройти?

– Думаю, сможем. Плохо только то, что все стебли и листья покрыты чёртовой пылью. А она, насколько я знаю, вызывает чихание. А нам чихать нельзя. Чтоб не привлекать к себе ненужного внимания.

– Так что же нам делать, милорд?!

– У нас есть запасные рубахи. Наделаем из рукавов повязок, и прикроем рты и носы. Может, поможет.

– А если... Не поможет?

– Значит, будем чихать. Пока не пройдем насквозь. А пройти так и так придётся. Ну, за дело. – лорд Дилени первым подал пример, сняв со спины сумку с припасами, и вытащив оттуда запасную льняную рубаху, которую каждый из разведчиков взял на складе. Не столько для того, чтоб иметь возможность переодеться, (Нельзя им сейчас переодеться!) сколько для того, чтоб было чем перевязать возможные раны. Но пока на них не было (тьфу-тьфу!) ни царапины. Даже с легендарной лягухой «разобрались» без получения ран

и увечий... Чудо!

Идти, протискиваясь сквозь толщу почти двухдюймовых стволов, оказалось трудно. И если б не повязки на лице, они давно бы вынуждены были остановиться: чёртова желтовато-серая пыльца, налипавшая на имеющиеся на одежде кровь тварей и пот, покрывала их теперь с ног до головы буквально сплошным слоем. Который, как обнаружилось к счастью, становясь толще и подсыхая, легко крошился и отваливался – словно корочка коросты. Жаль только что с такой корочкой уходила и маскировка-кровь.

Несмотря на то, что стебли были натыканы беспорядочно и довольно близко друг к другу, находить путь и протискиваться удавалось достаточно легко, и двигались первое время почти бесшумно: профессионалы же! Но постепенно чаща становилась плотнее, и тишину соблюдать стало куда сложнее.

Борис проворчал:

– Чтоб мне сдохнуть. Давайте побыстрее завалим какую-нибудь местную ящерицу-воина. Я готов даже обмазаться заново её кровью. Только б предварительно выкупаться! Всё чешется и зудит – словно попал в дебри крапивы!

Никто ему не ответил, и отряд продолжил протискивание, разведчики иногда шипели от злости, или вполголоса ругались, когда край какого-нибудь жёсткого листа царапал или разрезал кожу кистей рук, хотя они старались пользоваться-

ся рукавами кольчуг. Но раздвигать упругие и неподатливые стебли было сложно, и всё равно они касались и тел, иногда оставляя и длинные кровоточащие царапины на коже лиц и многострадальных кистях. Радовало только то, что штанины были заправлены в сапоги, и там всё с проникновением вездесущей пылицы было в порядке.

Ориентировались только по солнцу, которое иногда проглядывало сквозь не столь густые на верхушках растений листья. Лорд Дилени ругался про себя, его спутники – уже вслух, хоть и вполголоса. Внезапно что-то насторожило лорда, двигавшегося впереди. Он замер на месте, подняв руку со сжатым кулаком:

– Тихо! Там, впереди, кто-то есть!

И точно. Когда остановились, прекратив шелестеть и ворчать, стало отлично слышно странные звуки, шедшие спереди – как раз с той стороны, куда они двигались.

– Берём влево. Сюда! – лорд Дилени указал направление, и снова первым подал пример, – Там, вроде, пока тихо.

Ещё полчаса, уже медленного и осторожного движения, позволили оставить подозрительные звуки позади. И они, повернув, продолжили движение снова на север, уже двигаясь не столь бесшумно, и куда быстрее.

Но вот стволы-стебли снова поредели, и они вновь оказались на опушке, если так можно сказать, кукурузного леса, на обширном, поросшем высохшей сейчас травой, лугу.

– Твою же мать!.. – так прокомментировал открывшее-

ся зрелище Марат. Борис просто выругался, пытаясь соскоблить с тела и кольчуги слой пылицы. Лорд Дилени огляделся молча.

А неплохо, будь оно неладно. Отличные сельхозугодья! Ухоженные поля, аккуратно проложенные ровные дороги... Словно тут и правда – есть свои фермеры!

Сразу стало ясно, и кто и зачем производил странные звуки.

В полумиле от них отряд странных созданий пилил и складывал на повозки, запряжённые не иначе как бегемотами, стволы кукурузы, обрабатывая участок более трёхсот ярдов по фронту. Уборщики уже углубились в гущу стволос шагов на пятьдесят.

– Чтоб мне лопнуть. Где же обещанные нам пустоши, светящиеся малиновым светом по ночам, и непролазные дебри буреломов заброшенных и проклятых лесов и земель?

– Похоже, если это и была правда, то всё это – в прошлом. И лорд Хлодгар неплохо тут поработал за эти сто с чем-то там лет.

– Вот гад!

– Да нет, тут он, скорее, предстаёт перед нами как рачительный и методичный хозяин своих территорий.

– Что не мешает ему быть гадом.

– Ну... Согласен. Однако неплохо работают эти рубщики. Профессионально.

– Ага.

Марата беспокоило другое. Он указал рукой:

– Вот, значит, как. Они приручили бегемотов.

– Не думаю, что приручили, Марат. Скорее, ими управляют так же, как последними тварями – мысленными приказами. Вон: видите? Один, вернее – одно! – странное существо, похожее на человека, стоит позади всех, и словно бы обзирает происходящее. А как я не без оснований думаю, ничего не делать, но присматривать и контролировать – как раз привилегия и обязанность начальства.

– Ваша правда, милорд. Только оно не походит на человека. Оно и есть человек!

– Ну, твоему зрению, Марат, можно доверять. Значит, перед нами как раз один из похищенных, выросших, и «обработанных» Хлодгаром бедолаг – несчастных младенцев.

– А мы сможем... Попробовать уговорить его вернуться к нормальным людям?

– Нет. – ответ лорда звучал категорично, – Хлодгар – не дурак. Наверняка они фанатично преданы ему. И никогда не предадут. Иначе такие слуги давно повзбунтовались, или просто побегали бы. Не нужно зря рисковать. Никаких контактов. Ни с кем.

– Так – что? Просто убьём его?

– Ни в коем случае, Борис! Тогда эта бригада сразу прекратит работу, и вернётся, я думаю, к себе. Домой. Или где они там базируются. А если они не привезут положенной нормы, и с ними не вернётся их надсмотрщик, у их и его

начальства возникнут вполне естественные вопросы. И кто-нибудь поумней ящериц поедет разбираться на месте. Нам этого не нужно – мы должны быть незаметны!

– Ну а если мы сделаем так: труп закопаем, а сами – спрячемся?

– Зачем нам такие сложности? И потеря времени? Наша задача – не прятаться, и не убивать отдельных начальников или надсмотрщиков. Пусть и важных. Мы должны узнать что тут и как. И – главное! – чего жителям Тарсии предстоит опасаться ближайшей весной. Или следующим летом.

Поэтому просто пройдем под прикрытием стволов кукурузы вон туда, подальше, где этой бригаде нас уже не будет видно, и двинемся под прикрытием вон того холма, куда намечали.

– Хорошо, милорд. Как скажете. – но по виду Марата было заметно, что он разочарован лишением возможности пострелять ещё в кого-нибудь из тварей. Борис же просто кивнул. Марат двинулся вперёд, но по сжатым челюстям и ходящим желвакам лорд Дилени догадался, что охотник еле удерживает руку, тянущуюся к луку за спиной...

Двигаться вдоль края кукурузного поля оказалось куда легче: стебли-стволы здесь росли не столь густо, и были всё-таки пониже и потоньше. Наконец, когда бригада заготовителей скрылась за кромкой невысокого холма, они смогли двинуться на север. Но почти тут же обнаружилась новая проблема: на пути встал ручей, текущий в сторону болота за

этим самым, длинным, положим, и похожим скорее на увал, холмом.

Ручей оказался не сказать, чтоб широкий, не больше трёх шагов, но с быстрым течением, и явно глубокий. Вода казалась кристально чистой, и словно приглашала омыть зудящие тела или хотя бы разгорячённые потные лица. Лорд Дилени вздохнул. Марат, явно испытывающий те же чувства, и выражавший их сморщиванием носа и чесанием живота всей пятернёй, сказал:

– А я-то думал, за каким ...реном им там нужен мост! А ручья-то за холмами видно и не было.

– Так что – вернёмся к мосту и перейдём? – на Бориса посмотрели так, что он предпочёл сразу пояснить, – Шутка.

– Не слишком удачная.

– Точно. Виноват – не удержался.

– Так. Ладно. Если никаких разумных предложений ни у кого нет, придётся перепрыгивать.

– Да, точно. Не вброд же его переходить. Дно наверняка скользкое – ещё унесёт!

Лорду Дилени, снова подавшему пример, удалось удачно разбежаться и оттолкнуться: его тело легко перемахнуло через поросшее по берегам чуть скользкой от ещё не высохшей росы и брызг воды травы, росшей вокруг русла. Лорд оглянулся:

– Порядок. Но поосторожней с травой. Она скользкая.

– Спасибо, милорд.

Марату тоже удалось перелететь через поток, приземлившись, правда, на четвереньки. Но быстро отскочив от воды. Когда разбег начал Борис, лорд Дилени вдруг кинулся почти ему навстречу.

И вовремя! Потому что опорная нога капрала вдруг про буксовала, вырыв огромную проплешину в траве на берегу. И если б не помощь со стороны лорда, фактически принявшего на руки и перебросившего дальше, на берег, летящее уже горизонтально тело, шмякнулся бы бравый капрал прямо пузом в воду!

Лорду, однако, досталось: обе его ноги почти до середины ляжек оказались в воде.

– Спасибо, милорд! Спасли, можно сказать, от позора!

– Не от позора, Борис. А от потери маскирующего нас запаха. Если б вымокла рубаха и кольчуга... Н-да. Ладно, чего уж тут благодарить. Я сразу увидел, что не на тот участок ты собираешься наступить ногай.

– Ага. Но как же теперь с вами-то, милорд? Вы же теперь... Мокрый и без запаха?

– Нет, я не мокрый. Промокли только ноги. – лорд Дилени уже сидел на сухом берегу, снимая сапоги и выливая из них воду. – Главное, что моё туловище с остальной одеждой и кольчугой не намокло. Следовательно, запах удержится.

– Удержится-то он удержится... Только думаю, нам всё равно придётся убить одну из ящериц. И для вящей, так сказать, гарантии, снова обмазаться. Я уж готов смириться с

тем, что чёртова пыльца превратится в омерзительную кашу. Пусть себе превратится.

Только б пахла!

Им и правда – удалось добыть «подходящую» тварь.

За ручьём оказалось поле, заросшее густой и высокой – выше головы! – травой с огромным количеством мелких жёлтых цветов. Не без удивления лорд Дилени узнал в ней рапс: невысокое там, у них, где оно выросло не выше, чем по колено, растение. Дающее, кстати, отличное масло. А вот подсолнечника, масла из которого можно было добыть куда больше и проще, не видно было нигде. Ну, это – пока. Потому что не все ещё владения и уголья лорда Хлодгара они осмотрели. Да что там: они, если можно так сказать, ещё только вошли в «приёмную». А уж что ждёт подальше, в «главных парадных залах», и землях за замком врага – и представить невозможно. Может, там бродят и тучные стада, и имеются виноградники, и тенистые плодовые сады, и птицефермы... И стоят мукомольные заводы, и маслодаильни, и элеваторы, и прочее столь нужное фермерам оборудование.

Но кое-что понятно и так: похоже, сельское хозяйство у лорда Хлодгара вполне на уровне! И чтоб поддерживать его на этом уровне, нужны усилия целой армии сельхозработников! Интересно, кто тут выступает в этой роли...

Ладно, разбираться с этими тонкостями предстоит анали-

тическому уму лорда Юркисса, они же должны увидеть то, что можно увидеть за эти четыре оставшихся им до ливня дня! И крепко запомнить. В деталях.

«Подходящий» ящер вышел на них сам, словно специально.

Однако то, что в руках – то есть, лапах! – он держал самую обычную косу, сказало разведчикам о том, что он собирается скорее всего прокосить, расчистить, тропинку сквозь поле – очевидно, для проезда и с этой стороны к угольям с кукурузой основной массы телег заготовителей. Удивления при виде «коллег» ящер не проявил. Впрочем, как и агрессии: коротко глянув на путников, и поведя носом, встал у кромки поля, и принялся действительно косить: как раз оттуда, где кончались кусты рапса, и практически с того места, где должны были выйти с этого поля разведчики.

– Марат! Убей его. – лорд Дилени, внимательно оглядевшийся, убедился, что ящер один.

– Но милорд... Он же не нападает!

– Зато мы – нападаем. Они уже напали. Если вспомнишь, первыми. Неделю назад. Сколько тогда невинных фермеров погибло? Более тысячи?

Кровь бросилась в лицо Марата, губы плотно сжались. Он повернулся было к лорду, но сказать ничего не успел. Колесования и возможные возражения охотника были предвосхищены самым простым способом. Стрела, пущенная уверенной рукой, вонзилась прямо в центр лба монстра. Крови по-

что не выступило.

– Отличный выстрел, Борис. Спасибо. Теперь нужно обмазаться побыстрее. Так. Тащим его вон в ту рощицу! – лорд Дилени, довольный, что проводить «вразумляющую» беседу не нужно, но настороженный возможной попыткой неподчинения, указал на небольшую рощу берёз, мирно колышущую листвою под порывами утреннего ветерка.

Думать, как лучше руководить штатским, причём подчиняющимся ему лишь номинально, и привыкшим к принятию самостоятельных решений, человеком, он будет позже. В свободное время. В случае, если таковое у них найдётся.

Крови хватило на всех.

Но особо тщательно ею пропитывали, конечно, всё ещё сырые, хоть и тщательно выжатые, штаны лорда Дилени, и посеревшие от пылицы кольчуги и нательные рубахи всех разведчиков. Труп ящера, во избежание проблем, закопали. Неглубокую могилу вырыли мечами. Сверху накидали опавшей листвы и сухих веток.

– Порядок. – лорд Дилени, отдуваясь, махнул рукой, – выдвигаемся. Будем надеяться, что в этой роще его искать не будут. Поскольку нечего ему тут было делать.

Шли долго. Никаких проблем с местным «населением», или препятствий в виде отрядов воинов не встречали. Похоже, лорд Хлодгар настолько уверовал в непроходимость своих рубежей, охраняемых и отрядами-пикетами, и гарнизона-

ми редутов, и трясиной с монстрами, и морем с чёртовыми рыбами, что даже не высылал никаких контролирующих ситуацию подразделений.

Лорд Дилени, поднимаясь на гребень очередного невысокого холма, которыми изобиловала территория, каждый раз приостанавливался, отмечая в мозгу увиденное. Так же делали и Марат и Борис. А встречалось им много интересного. Лишний раз подтверждающего, что серьёзно и вдумчиво заниматься сельским хозяйством, причём самых разных направлений и специфики, чёрный Властелин отнюдь не брезгует.

Так, в одной из долин нашлось нечто очень похожее на гигантскую ферму – на огороженной забором из длинных жердин, привязанных к стойкам-столбикам территории, на площади в добрых две квадратных мили, паслось поистине гигантское число самых обычных коров – не менее пяти тысяч голов! Точнее сосчитать не удалось: часть животных скрывали холмы, возвышавшиеся над очередным ручейком, отсюда казавшимся тонкой серебристой ленточкой. Коровник, в который, судя по-всему стадо загоняли на ночь, раскинулся в виде «П»-образного приземистого строения почти на всю плоскую часть долины, а общая длина зданий составляла, по прикидкам Марата, не меньше полумили. Кроме того внутри «П» имелись и другие строения – явно сеновалы, амбары, и скотобойня. Но, похоже было, что доением коров и изготовлением сыра или хотя бы творога никто не занимается: чис-

ло телят поражало: почти половина стада. А, следовательно, никто не отбирал у их матерей части молока, как было бы, имейся тут штат доильщиков. Н-да, уважение такая организация производства мяса безусловно вызывала.

Борис проворчал:

– Готов прозакладывать свою шапку против зубочистки, что в амбарах – та самая кукуруза...

– Думаю, не только. Мы видели здесь и уже скошенные луга с подсохшей стернёй – похоже, там была люцерна, и обычная, дикая, трава. Ну, и можно вспомнить тот же рапс.

– Ага. А я хочу сказать, что одной люцерной кормить нельзя – от неё у коров пучит. И они болеют. Зато не пучит от моркови и капусты – а их мы тоже видели.

Видели напарники и обширные плантации кенафа – очевидно для производства веревок, или мешковины. И поля, явно оставшиеся от убранной уже пшеницы: здесь она поспела явно даже раньше, чем там, дома. А ещё попадались, как ни странно, достаточно обширные рощицы почти не тронутых листовенных деревьев: тех же берёз, дубов, осин и клёнов.

– Странно, почему при столь отлично спланированном сельском хозяйстве лорд Хлодгар допускает, чтоб весьма солидная часть отличных угодий пропадала. Ведь в таких рощах ничего полезного не растёт!

– Вряд ли это от недосмотра, Марат. Думаю, вы уже убедились, что лорд Хлодгар – вовсе не тупорылый злобный бяка, которым пугают малых детишек. Он – рачительный хозя-

ин и умелый организатор. Использующий, правда, рабский труд. Так что если он чего-то и не вырубил, так вряд ли – от недосмотра. Я уверен, что в таких рощах есть смысл. И он что-то отсюда получает-таки. Ну, или... Или земля под нами всё ещё чем-то заражена. Или отравлена. Ну а нам это – только на пользу. Потому что переходя от одной такой рощи к другой, мы отлично можем маскироваться и прятаться.

– От кого тут прятаться, милорд? Ведь нет же никого?

– Согласен: мы видели только два отряда рубщиков кукурузы, да один – косящий поле с кенафом. Пшеницу уже скосили – поэтому никого из косарей, или тех, кто перевозит сено и зерно в амбары, и нет. А рапс убирать ещё рано – вот никого и опять-таки нет. А какого-либо присмотра поля лорда, судя по-всему, не требуют. Потому что если кто и попытается их потравить, или поджечь, об этом сразу станет известно. И армия Хлодгара позаботится. – лорд Дилени указал пальцем вверх.

– Чёрт возьми! Ваша правда, милорд! И как это я раньше их не...

– Думаю, это от того, что вы оба и не думали о том, что сельхозугодья должны и здесь как-то охраняться. От возможных расхитителей урожая. А лучше соколов и сов никто с мышами не борется. Вот соколы, – лорд снова указал на едва различимые в небе десятки и даже сотни крохотных точек, – работают днём, а ночью, полагаю, совы на вахте.

– Да, умно, ничего не скажешь... Но почему тогда они не

нападают на нас?

– Да потому же, почему не нападают и на остальных ящеров и людей-начальников. Дрессировка. Или, опять же – мысленное внушение. Мы – свои. Ну, или по-крайней мере, те, на кого охотиться не надо.

– Это радует. С другой стороны, – теперь в разговор вступил Борис, – почему они не докладывают о странном передвижении трёх ящеров своим начальникам?

– Ну, они же – бессловесные твари. Кроме того, думаю, это не входит в их задачу. То есть – слежение за подозрительными перемещениями своих или чужих двуногих не входит в круг их основных обязанностей. А анализировать ситуацию – что подозрительно, а что – нет, они не могут. Мозгом не вышли.

– А-а-а... Надеюсь, вы правы, милорд. Потому что им-то, оттуда, – теперь уже Марат ткнул пальцем в небо, – видно отлично! Вот были бы шпионы...

– Думаю, не «были бы», а есть. Вспомни: над нашей Гарсией такие соколы днём, а совы – ночью, тоже летают. Другое дело, что повода поменять указания у лорда Хлодгара пока не было. Никто же до нас не проникал вглубь его территории так глубоко и нагло. Да ещё намазанный кровью его приспешников.

– Пожалуйста, не напоминайте, милорд. А то у меня снова начинается зудёж по всему телу, и тошнота подкатывает.

– У меня тоже.

– О-хо-хо. И у меня тоже, напарники. Но деваться некуда, нужно идти. До замка, если верить слухам, ещё день пути. Стало быть, сегодня придётся ночевать вон в той роще – лорд указал рукой на рощу милях в трёх, как раз хорошо освещаемую лучами закатного солнца, – К тому времени, как стемнеет, как раз дотопаем.

Ночёвка в кленово-липовой роще, с вкраплениями осин и дубов, на толстой подстилке из мха и уже опавших листьев, особым комфортом не отличалась. Да и прохладно оказалось здесь, на более северных землях, под открытым небом. Ну, или это было просто самовнушение: умом лорд Дилени отлично понимал, что климат здесь не может сильно отличаться от того, что у них в Тарсии.

Зато сторожить посменно было легко: никто покоя спящих нарушить не пытался. Похоже, как отметил себе лорд Дилени, лорд Хлодгар озаботился всех крупных хищников вроде гиено-рысей и собако-волков, или свистящих ласок, поистребить. Чтоб не наносили, стало быть, ущерб его тучным стадам. Заодно убрал и травоядных типа оленей и зубро-бизонов. А что: грамотно и рачительно. Ущерб поголовья коров от охоты, и потравы полей теперь невозможны. Быть может, именно поэтому разведчикам и удалось так легко продвинуться далеко вглубь земель чёрного Властелина.

Утром, когда его в очередной раз растолкал Борис, лорд Дилени принялся усиленно нюхать воздух. Это не прошло

незамеченным:

– В чём дело, милорд? У нас... Проблемы?

– Не думаю. Просто... Нет, вот с этой, вроде, стороны наносит. Утренний, стало быть, ветерок. А ночью дуло с другой стороны – вот мы и не чуяли! Марат – понюхай ты. Тебе же все «природные» запахи должны быть знакомы?

– Знакомы-то они, конечно, знакомы... Да только это – не «природный» запах! Явно. Давно уж чую. Тут пахнет... Отборным дерьмом! Причём – не просто дерьмом, а дерьмом каких-то животных. Но... Не медведей, рысей, или собако-волков. И не домашних – типа коров, или овец. Больше похоже на... Может, куры?

– Возможно. Ладно, придётся проверить. Сделаем небольшой крюк – просто примем вон туда, чуть влево. И поглядим – есть ли тут птицеферма, или это – что-то другое. Собственно, именно для этого мы и здесь. Увидеть всё, что можно увидеть. Как бы оно ни пахло.

Ну а пока – давайте-ка быстро позавтракаем.

Борис хмуро насупился:

– Если сможем. Мне лично от этого запаха кусок в горло не лезет.

– Ага. – Марат уже достал продукты, – Но поесть придётся. Кто знает, когда нам удастся пообедать. Да и удастся ли: это – земля врага! И если он до сих пор не препятствует нам, это не значит, что у нас не будет проблем и в дальнейшем.

– Полностью согласен, Марат. Есть придётся. – лорд Ди-

лени вздохнул, сам не чувствуя особого аппетита. Но мужественно зажал нос, и засунул в рот очередной кусок солонины. Всё хорошо, только дышать с набитым ртом уж больно трудно...

Огромное, приземистое, но широкое и длинное строение оказалось не птицефермой. В этом они убедились быстро, поскольку вокруг не стоял оглушительный гвалт, обычно окружавший такие строения и фермы, за полмили дающий проезжающим мимо знать, кто тут содержится, и чем хозяин зарабатывает на хлеб насущный. Да и запах, по уверениям Марата, «не совсем соответствовал». Хотя и был, при определённых направлениях утреннего ветра, воистину непереносим.

Окружал длинный барак ряд явно хозяйственных построек куда меньшего размера, и обслуживал явно съевший собаку на этом деле профессиональный персонал: ящеры с мешками и тачками так и сновали туда-сюда. Однако на разведчиков никто из них внимания не обратил: идут себе трое воинов-«сотоварищей» – и пусть их. Значит, надо им. Так что вошли через открытые настежь большие ворота в торце барака свободно и спокойно.

И вот они внутри. К полумраку приспособились быстро, не то что к оглушающему, словно кирпичом бьющему по голове запаху, который внутри стал в сотню раз сильнее!

– Проклятье!

– Да уж. О...ренть.

– Ай да лорд Юркисс. Именно о таком он и предупредил. – лорд Дилени покачал головой, стараясь дышать через рот. – И как вовремя. Если б не узнали, точно про...рали бы всю Тарсию. Потому что уж эти твари – пострашней ящериц. Хищники и охотники, так сказать, от природы.

– Это – драконы, милорд?

– Нет. Драконы – они с крыльями. И огнедышащие. Ну, по-идее. А эти – сугубо наземные твари. Вооружены только пастью и когтями. Называются динозавры.

– Не скажу, что этого мало.

– Да уж. Такой ротик, если тварь взрослая, наверняка легко перекусит коня. А роста в ней, насколько я помню, футов десять в холке. При длине в двадцать пять – тридцать.

Вот, стало быть, для кого все эти стада коров...

Длинные ряды небольших вольеров, огороженных чуть ли не дюймовыми стальными прутьями, шли вдоль всей длины огромного строения. С передней части имелись желоба для пищи, которые как раз и наполняли снующие туда-сюда прислужники-работники. А с торцевой стороны каждого вольера имелись проходы для сбора навоза – оттуда на тачках увозили помёт, заходя в клетушки в те моменты, когда их обитатели были заняты поглощением пищи.

Нарубленного мяса. Нарубленного крупно – похоже, чтоб твари тренировали «зубки» и мышцы шеи, вырывая куски так, как это делают, скажем, акулы.

Разумеется, чтоб обеспечить такую «тренировку» с разделкой на куски поменьше явно никто не заморачивался – видны были и фрагменты шкуры с чёрно-белой шерстью несчастных коров, и огромные кости, и рёбрышки, а кому-то в лоток вываливали и кишки и прочие внутренности, и даже копыта.

Еда происходила, мягко говоря, неприглядно. Твари буквально выхватывали друг у друга куски побольше и поаппетитней, кусаясь, шипя и рыча на соперника. Счастье, что они были ещё маленькими – похоже, не больше двух-трёх, а кое-где – четырёх-пяти недель отроду, и в высоту в холке не превышали метра. Но росли они наверняка быстро.

– Думаю, мы увидели то, зачем шли сюда. Может, уберёмся подобру-поздорову, пока живы и... целы?

– Уберёмся. Пошли. – лорд Дилени поспешил увести свой крохотный, и теперь казавшийся таким беззащитным, отряд, из здания, и затем – и с территории фермы, никак, впрочем, от окружавшей её местности не отгороженной. Но почему-то лорд Дилени был уверен, что «побегов» или ещё каких случаев неповиновения среди питомцев не бывает. Уж менталисты, то есть – надсмотрщики-люди, исполнительные и непреклонные подчинённые лорда Хлодгара, наверняка заботятся. Приучая к повиновению и слепому подчинению с детства. И все они, похоже, проживают в большом и добротном доме, расположенном с подветренной стороны фермы, в полумиле от неё.

Некоторых надсмотрщиков Марат разглядел – прямо через окна, забранные даже стеклом. Счастье, что с той стороны стёкол изображение наверняка выглядело искажённым, иначе разведчиков в облике «ящеров», быстро двинувшихся прочь от фермы, точно смогли бы вычислить.

И только когда лорд и его соратники оказались в не менее чем миле, в очередной роще, лорд Дилени продолжил фразу, словно и не было перерыва на четверть часа. – Но не думаю, что мы узнали *всё*, что хотели.

– Почему, милорд?

– Потому что насколько я знаю, сейчас нет в живых ни одной мамаша, которая производила бы на свет древних динозавров. Следовательно – где-то кто-то их рождает. Ну, или, если верить легендам, откладывает яйца. Из которых они потом вылупляются.

А сюда этих малышей привозят уже только на «дорацивание».

Ну, как рассаду – в теплицы.

«... её промежность. Возможно, она не ждала такого, и поэтому я чувствовал, как напряжены и конвульсивно сжимаются и дрожат мышцы её испуганной кошечки. Похоже, она ждала как раз подвоха – например, что я цапну её всеми своими сохранившимися зубами именно там. Или даже начну выгрызать куски тёплой, трепещущей, и опухшей от обработки плетью, плоти!

Но я просто продолжал целовать и облизывать, а вернее даже – вылизывать то местечко, куда намеревался вскоре проникнуть. Конечно, она не подозревала, для чего я это делаю на самом деле. Ведь сейчас её куночка там, внутри, наминает пустыню Сахару – такая же бесплодная, шершавая и сухая. А моя слюна – отличная смазка. Вот я и постарался привести её туда, проникнув языком как можно глубже!

Я решил, что двух минут такой «обработки» вполне довольно, и нужно приступать к более решительным действиям. Поэтому плюнул и растёр и на макушку красноглазого воина, не забыв показать ей. Теперь, когда она поняла, что и как, завывала и задёргалась.

Но у меня не забалуешь: как уже говорил, зафиксировал её тело крепко! А уж ножки как растянул! Подумал, может, добавить грузов-то фунтов по десять – чтоб ей повеселей-то жилось, а то, небось, привыкла! Потом передумал – и так достаточно хорошо: прямо тебе натуральный шпагат! И вот я...»

Лорд Говард заставил глаза оторваться от листа, лежавшего поверх стопки исписанной бумаги. Сглотнул. И продолжил:

– Так вот. Мы, пока погода позволяет, выроем там канаву во всех местах, где слой почвы достаточно толстый, и вкопаем в неё частокол из заострённых брёвен. А с другой, наружной, стороны получившегося тына, выроем ещё и траншею поглубже. В пяти шагах.

Лорд Юркисс, так и остававшийся спиной к племяннику, и потиравший протянутые к пылающему в камине огню руки, усмехнулся:

– Канава, говорите, лорд Говард? Не смешите. Нет там, на перешейке, мест, где слой почвы был бы толще фута-двух. А под ним – скала. На которой надёжно покоится фундамент Милдредра, Ваннахейма и Гритнера. А Шлосберг так и стоит на голой скале.

И как же вы собираетесь уберечь брёвна от падения, если закопать их глубже, чем на два фута не удастся? Такой тын-частвокол можно уронить, просто сильно нажав, навалившись, на брёвна. Не говоря уж о том, что перешагнуть или перепрыгнуть ров глубиной в два фута сможет и любой кролик.

– Ну... Мы могли бы сделать горизонтальные брусья-лежаки, и приделать к ним диагональные поперечины-распорки. В виде треугольной рамы. И устанавливать вертикальные брёвна так, чтоб они опирались на этот каркас.

– Чушь!

– Ну хорошо, любимый дядя, – лорду Говарду не удалось скрыть язвительности в тоне, которым он задал новый вопрос, – Частвокол тебе не нравится, ров там не выкопать, и рогатки из колючей проволоки, или врытые короткие кольца остриями наружу не задержат никого. А чем же нам прикажешь задерживать новые орды, которые, по твоим же, кстати, уверениям, скоро полезут на нас?!

– Начнём по порядку. – лорд Юркисс наконец развернулся лицом к посетителю, – То, что новые орды полезут, сомнения ни у кого, в том числе и у нашего любимого государя, не вызывает. Потому что лорд Хлодгар не из тех, кто начатое не доводит до конца.

И он не успокоится, пока не подберёт, или не создаст тех тварей, что смогут зачистить Тарсию от её теперешнего населения. От людей. Лезут все эти твари, или, как в случае с воронами, или вампирами-мышами, летят, только через одно доступное место – чёртов перешеек, ограниченный заливом с одной, и непроходимой трясиной с другой стороны. А доступно это место именно потому, что сделать его недоступным мы не в силах. Вернее, я хотел сказать – непроходимым, но ты же понял, о чём я?

Почвы там – кот наплакал. Да сооруди мы там хоть пятиметровый завал из брёвен – ничего не стоит сжечь всё это, когда брёвна неизбежно высохнут – облив маслом, или смолой. Выждать сутки, или меньше, пока прогорит. А можно даже и не сразу заходить на угольки: ведь восстановить такую титаническую конструкцию, на которую, кстати, и правда – уйдёт уйма строевого леса, и море людского труда, можно будет лишь за несколько месяцев. Если не за год. И пожалуйста: в любой момент до такой реставрации – заходи кто хочешь, убивай, кого хочешь...

И мы опять оказываемся в той же ситуации, что и без завала, или тына, а материала истратили и труда положили –

уйму! Впрочем, не буду повторять все доводы в пятый раз – ты и сам всё отлично знаешь.

– Я понимаю, конечно, что бессмысленные действия – э-э... бессмысленны. И проекты с частоколом... или завалом – несостоятельны... – лорд Говард замялся, лорд Юркисс услужливо подсказал:

– Это – мягко говоря.

– Ладно, согласен. Ты привёл достаточно сильных аргументов. А как тогда насчёт каменной стены?

– Каменная стена. Уже лучше. Но в наших условиях – неосуществимо. Потому что она должна быть ну *очень* высокой и прочной! (Вспомни: десяти-двенадцатифутовые тыны наших укреплённых посёлков-посадов не явились сколько-нибудь серьёзным препятствием для даже невысоких, ну, тех, последних, тварей.) Да если б было по-другому – уже давно всё построили бы отец или дед нашего сира Вателя. Потому что как ты построишь каменную стену на болоте, в которое упирается западный край пустоши-перешейка?! А там, в лесу? А каменистая и крепкая почва, (Которую, кстати, всё равно пришлось бы выкапывать, чтоб добраться до надёжной и прочной скалы – не на грунте же ты собрался возводить эту самую стену?!) есть только на двух-трёх милях из почти восьмимильной общей ширины перешейка, где проникновение, собственно, и происходит.

С другой стороны, даже если б и удалось, потратив ещё больше сил и времени, соорудить пятнадцатифутовую стену

на этих трёх милях, неужели ты думаешь, что лорд Хлодгар не сообразил бы просто обойти её? Или не нашёл средств для штурма? Несколько хороших таранов, или элементарных пандусов на колёсах – и п...дец вашей стене! Ведь держать там большой гарнизон, как в, скажем, Милдредде, абсолютно нереально! Как и понастроить смыкающихся стенами крепостей – на это не хватит и жизни пяти поколений.

– Ну хорошо, я понял. Убедительно. Что же делать-то? – лорд Говард, чувствовавший, как к концу полтора часовой беседы, когда аргументы исчерпаны, а доводы повторены действительно по пять раз, нарастает в груди глухое раздражение, тем не менее заставил голос звучать спокойно. Ну, почти спокойно.

Лорд Юркисс, разумеется, его состояние вычислил легко: – Злиться и дуться на меня бессмысленно. Я сейчас лишь повторял то, что ваш чёртов Штаб уже наверняка проработал и пережевал добрую сотню раз за последние пятнадцать лет. Перекрыть перешеек так, чтоб избежать проникновения тем или иным способом, нереально. Отсюда мораль: зачем убивать труд наших уже не столь многочисленных земляпашцев, и даже солдат, на заведомо бесполезные проекты. А вот продлить тын в Чернореченском лесу, и поглубже сделать вал и ров Адриана – вполне нам по силам. И имеет смысл. Так же, как и укрепить валы, прикрывающие западное и восточное направления. Впрочем, ты это наверняка знаешь и сам, и я готов прозакладывать свой камзол против

плевка, раз десять требовал от его Величества именно этого.

Лорд Говард почувствовал, как краска заливает лицо и шею. Лорд Юркисс продолжил, раздражённо дёрнув плечом:

– Вот именно. Наше Величество, очевидно, уверовав в свою «высокую» миссию, и в непобедимость нашей бравой Армии, упорно желает – именно драться. Чтоб уничтожать и уничтожать чудесным образом возрождающиеся легионы чёрного Властелина.

Это желание как мне кажется, со временем превращается у него в навязчивую идею. Манию. И чем больше врагов понабежит из земель Хлодгара, тем лучше. Чтоб сражение было уж воистину кровопролитным и свирепым. Чтоб чёртовы сказители и барды могли слагать эпос и баллады о том, как «храбро сражалась дружина непоколебимого Вателя!» И что «сыны людские погибали, но не сдавались!»

– Ты не прав. Наш король понимает реальность опасности. И никогда не кидается в драку просто для того, чтоб подраться.

– Ага. Он кидается в неё для того, чтоб «красиво» победить. Само по себе желание не такое уж и плохое. Истинно «королевские» забавы – как раз охота и война.

Единственное, что меня напрягает в такой ситуации, так это тупое непонимание того, что рано или поздно лорд Хлодгар пресытится простыми проверками, и «ничьими», а наравит на нас реально непобедимых и неуязвимых монстров. Против которых не помогут ни стрелочки, ни зубочисточ-

ки копий, ни тем более – ваши дурацкие тыкалки-мечи. Он просто создаст кого-нибудь с дом размером, и с кожей, которая окажется непробиваемой для даже бронебойных накопечников. И которые просто вытопчут или загрызут тех, кто попытается сопротивляться их продвижению. (Отсюда снова та же мораль: тын у вала Адриана надо продлить и укрепить, а вал и ров – соответственно насыпать и вырыть поглубже!)

– Но почему тогда чёртвов Хлодгар давно уже не натравил на нас таких монстров?

– Откуда я знаю? Я не пророк... Хотя я и работаю над этим... Однако могу предположить: он, как и сир Ватель – игрок. Любит вначале пустить пешек. Потом в ход идут – ладьи и кони. И только затем – ферзь. И – шах и мат! Впрочем, зачем я тебе это говорю: ты же не играешь в шахматы. Они запрещены Конклавом.

– Ну, запрещены. – лорд Говард снова набычился, – Ну и что?

– А то. Ты можешь и правда не понимать подлинного смысла такого запрета, и верить той чуши, которую наш милый Конклав вешает всем вам на уши. Но я-то понимаю: шахматы развивают мозг. И делают возможным *стратегическое* мышление. Когда смотришь вперёд не на ход-два, а на пять. Десять. Ручаюсь своей головой, – лорд Юркисс схватился за макушку, – уж лорд Хлодгар ежедневными партейками не пренебрегает... У него же нет Конклава!

Ладно, проехали. Что там у тебя ещё?

– Ну... Больше ничего. Может, всё же просветишь нас, туповатых и «не наученных предвидеть на десять ходов вперёд» солдафонов, что нам *возможно* сделать, чтоб подготовиться к следующему набегу.

– Что сделать, что сделать...

А ничего. Пока нет *достоверной* информации, незачем распылять наши, и без того невеликие, силы. Нужно дождаться возвращения лорда Дилени, и решать только тогда. Потому что гадание на кофейной гуще не входит в число моих любимых игр.

Я любитель фактов.

– А почему там оставалось несколько незанятых вольеров? – здесь, с наветренной стороны фермы, сидеть в очередной роще было куда сподручней. А отдых пришлось устроить, потому что только сейчас разведчики осознали всю реальность угрозы, таящейся в скромном и неказистом на вид бараке, и риск того, что их могли засечь и опознать люди-менталисты. И ноги тряслись у всех – Борис так и сказал, и Марат поддержал его. И вот они сидят на траве и листьях в соседней с фермой роще, скрытые ото всех возможных глаз специально выбранным местом с густым подлеском. Лорд Дилени и сам чувствовал, что дыхание сбивается, и лицо бледнеет при воспоминаниях о монстрах с чудовищными пастьями, и о том, как жадно они рвут на куски туши травоядных...

– Думаю, Марат, это потому, что эти вольеры только предстоит заселить. А пока монстры для них ещё не готовы. Не рождены, или не «вылуплены». Лорд Хлодгар наверняка всё детально и чётко проработал, и действует строго по плану. Не сомневаюсь, что последних напавших на нас ящеров, – лорд приподнял плечи, показывая кольчугу, – он вывел и вырастил точно так же.

Ведь ящерицы растут быстро. И те, предыдущие, и эти. Хищники же. То есть – на столь питательном корме, как мясо, растут чрезвычайно быстро! И, что самое интересное, думаю, происходило выращивание наших прототипов – ну, тех, чью одежду мы носим, и чьей кровью обмазаны! – на этой же, а, может, ещё и на других, подобных, фермах.

Так что нам в какой-то степени теперь проще и легче. Не нужно заходить в каждое такое строение. Достаточно просто хорошенько понюхать. – он постарался улыбнуться, но быстро понял, что попытка пошутить не удалась. Лица спутников остались мрачными и озабоченными. И вопросы их интересовали сугубо практичные и насущные:

– Получается, нам осталось только выяснить, откуда берутся совсем маленькие динозаврики. Кто их рождает. Или сносит яйца.

– Получается так. А ещё хорошо бы перед самым уходом раздобыть хотя бы одного такого птенца. Как доказательство. – о том, что скорее всего имеются ещё и фермы с огромными прочными вольерами, где окончательно, до «боево-

го» вида и состояния, «дорастивают» уже выросших в более крупных, например, пятифутовых в холке, монстров, лорд Дилени предпочёл промолчать – не хватало только им сунуться и туда! Уж там-то потенциальная самоходящая «пища» неуученной и невостребованной не останется!

– Ага. Только думаю, нам это не удастся.

– Почему, Борис?

– Если в том доме, со стеклёнными окнами, действительно живут менталисты, управляющие чёртовым стадом, они тут же засекут, если кого-то из их питомцев кто-то убьёт! И безнаказанными таких убийц не оставят!

– Да, это похоже на правду. Однако! Мы же видели, как они, ну, динозавры, грызутся и дерутся между собой! И наверняка случаются и убийства! Естественный, так сказать отбор, как в любой стае хищников – где выживают самые сильные и свирепые! Что, если нам удастся такого убитого выкрасть? – Марат пошкрёб бок, поморщившись: чесалось и словно свербило, если честно, всё давно немытое и провонявшее потом и кровью тварей, тело. Но спутники же терпят – значит, должен и он!

– Хм... Возможно, Марат, что ты подал нам хорошую идею. Ладно, посмотрим, как будет со временем. В любом случае – сделать это можно будет только на обратном пути. Сейчас же главное – выяснить, откуда чёртов лорд Хлодгар берёт «рассаду» для своих теплиц и парников...

К вечеру дошли до того места, откуда можно было уже рассмотреть верхушки башен замка – резиденции главного злодея. Предания гласили, что называется, вернее, назывался он Эксельсиор. Поскольку был разрушен. А как уже лорд Хлодгар назвал восстановленную громадину, не знал сейчас никто.

Высокий холм, поросший пожухлой желтовато-серой невзрачной травкой явно природного происхождения, каким-то образом избежал распашки, или засева чем-то кормовым или масличным. Но и того, что было освоено, засеяно, а в большинстве уже и убрано и скошено холоуями-рабами хозяйственного и поднаторевшего в этом самом сельском хозяйстве лорда, казалось вполне достаточно для прокорма: как несметных стад и отар – да, они видели издали и баранов, и свиней, похожих издали на этикие бугристые сардельки на ножках, (Марат тогда предположил: «Это – для самог о лорда. Похоже, он любитель салыца!») так и сонма плотоядных.

А по большому счёту всё, что они увидели, произвело гнетущее впечатление.

Невольно напрашивалась мысль, что когда власть и управление сосредоточены в одних руках, процесс выращивания и сельхозрастений, и животных для получения мяса, организовать можно куда легче и эффективней, чем когда это делает несколько тысяч самостоятельных фермеров, с собственным представлением о том, чего именно ему, хозяину, посадить в этом году, и кого и сколько – выращивать для молока,

убоя и продажи...

Лорд Дилени по этому поводу сказал: «похоже, лорд Хлодгар куда лучший организатор, чем мы думали. У него хватает мозгов и на войну и на солидную подготовку к ней».

Марат на это возразил:

– Если уж он такой умный, милорд, почему же он сразу не начал выращивать вот таких тварей – а насылал на нас заведомо глупых и не столь опасных крыс и мышей?

– Думаю, он просто развлекался. А заодно и отрабатывал способы ведения войны – как дневной, с бабуинами и тварями-ящерами, так и ночной – с крысами и летучими вампирами-мышами. И испытывал, конечно, варианты всяких тварей. Учился, стало быть.

И, конечно, отрабатывал методику создания.

– Тоже мне, творец выискался!

– Не нужно иронизировать, Марат. Да, похоже, полученные после проникновения в Подземелья Предтеч лордом Хлодгаром знания и возможности сделали нашего врага почти всемогущим. Ну а то, что тварей он создавать может, и разных, вы уже видели и сами. Думаю, он может создавать теперь не только тех, кого мы уже знаем, но и многих, многих других. (Правда, как мне почему-то кажется, в этом плане он ограничен. Может конструировать в основном холоднокровных. Пресмыкающихся. Ну, то есть – ящеров. Или он сам, сознательно, остановился на них. Вероятно, потому, что они *очень* быстро растут по сравнению с млекопитающими.)

И если пока не делает этого, то наверняка из сугубо практических соображений. Думаю, проблема только в контроле.

– Как, милорд?

– Ну, проще говоря, в эффективном управлении выращенными и воспитанными тварями. Лорду Хлодгару как никому понятно, что вырвавшиеся на свободу или отбившиеся от рук, такие монстры куда опасней ему самому, чем нам, людям. Хищники же!

Поэтому именно это – похищение младенцев! Если вспомнишь – в последний раз похитили более тридцати мальчиков! – и было, как мне кажется, основной целью этого самого набега. Из этих несчастных вырастят новых погонял-менталистов. Ну, не сразу, конечно. Думаю, в «дело» такие всё равно смогут вступить не раньше, чем через десять-двенадцать лет. Возможно, к этому моменту лорд Хлодгар как раз и будет готов к захвату *всего* Семиречья: ещё бы! С армией огромных, и прошедших к тому времени боевую проверку на жителях Тарсии ящеров, и – главное! – отрядом натасканных и преданных слуг-менталистов. Про то, что тылы он себе обеспечил, я уж не говорю... А после уничтожения всех наших людей он и там, у нас, на наших землях, организует такое же образцово-показательное хозяйство...

Ну и ещё, конечно, у него наверняка было желание проверить, как действуют новые ящеры-бойцы. Да и поля пожечь.

– Так что – получается, без этого... Эффективного управления менталистов – все эти орды и толпы чудовищ – беспо-

лезны Хлодгару?!

– Разумеется, Борис. Ведь толпа ящеров – не Армия. Ящеры не заключают Контракт, не работают за деньги, и не ходят строем, не говоря уж об изнурительных тренировках или обучения владению оружием – они скорее всего даже не поняли бы, что это такое – служба. Они просто подчиняются. Вожаку или вожакам. Приучены с детства. И делают то, чему их научили инстинкты – кусать, рвать, топтать...

Думаю, у тех, кто даёт им мысленные приказы, предусмотрено и наказание нерадивым за неповиновение – вероятно чертовски болезненное и ужасное: во избежание повторения. И как пример в назидание остальным. И, конечно, тех, кто послушен – поощряют. Пищей ли, дополнительным отдыхом. Самкой. Или ещё как.

– Кстати, милорд! Вот вы упомянули самок. А что, ведь если рассуждать логично – где-то они должны быть! Кто-то ведь несёт все эти яйца? И рождает всех этих ящерниц, мышей-вампиров, и крыс? Ну, или рожал.

– Вот-вот. То, что мы и должны найти. Кого-то. Или что-то.

– Не понял, милорд?

– Э-эх... Думаю, ничего страшного не будет, если я скажу вам.

Лорд Юркисс считает, что наш славный лорд Хлодгар добрался-таки до наследия Предтеч. То есть – раскопать-то он их Пещеры раскопал давно... Но пробиться сквозь защиту

и ловушки не мог. А сейчас, похоже, смог. И освоил всё то, что там хранилось. И все эти уроды и монстры – продукт тех устройств, тех машин, что стояли там.

Стояли в целости, сохранности, и готовности к работе долгие годы и века. Ожидая, пока кто-нибудь снова не запустит их смертоносные механизмы. Ну, теперь-то они в «нужных» руках. Ведь лорду Хлодгару на... рать на указания нашего Конклава. И он не боится пользоваться тем, что, возможно, и погубило почти всех людей во времена Предтеч. И плевать ему на сулимую нашими служителями церкви «Небесную кару» за такие деяния. Думаете, что я кощунствую, говоря о таком? – спутники лорда покачали головами, и он продолжил, – Но так или иначе, на лорда Хлодгара никакие людские или религиозные запреты и Указы не распространяются. Может, это от того, что он не считает себя человеком.

А, возможно, уже и действительно не является им.

– В-смысле, милорд? Как это – лорд Хлодгар – не человек?!

– А очень просто. Ты вот, Борис, когда впервые услышал о нём?

– Ну... С детства и услышал. Мать всегда говорила о нём, и пугала, что заберёт, сам, или его слуги, когда кто-то из нас, детей, не слушался. Баловался. Или не хотел ложиться спать...

– А ты, Марат?

– Да почти так же. С того момента, как себя помню, про него и знаю.

– Вот именно. А до этого – им, чёрным Властелином, с загребущими когтистыми руками и горящими буркалами-глазами, точно так же пугали и ваших родителей, когда они были детьми. А ещё до этого – родителей родителей. То есть, получается, что лорду Хлодгару должно быть ну никак не меньше сотни с чем-то лет, а он – всё тот же. И ничто у него в теле не меняется.

А ведь люди по сто лет не живут. А он к тому же пришёл сюда, на эти земли, отнюдь не мальчиком.

– Дьявол его раздери – точно! Вот теперь я понял, что и правда – это не может быть *тот же самый* лорд Хлодгар! Но... Может, он всё-таки рождает и наследников, просто... Называет каждого такого очередного сына тоже – Хлодгаром!

– Ну, это вряд ли... – Борис, ковыряя в зубах тонкой травинкой, как обычно делал после еды, покачал головой, – Мой дед, тоже воин-контрактник, рассказывал, что ещё при нём лорда – видели. Он сам, лично, управлял одним из первых набегов. Ну, когда они вторглись за перешеек. Когда за лорда ещё сражались люди. Было это, если мне не изменяет память, сорок восемь лет назад. Битва тогда была чудовищная. В-смысле, по жестокости и ярости. В живых осталось тысяч пять с нашей стороны, и две – у Хлодгара.

Наши пытались преследовать, чтоб добить окончательно

– ничего не вышло. Укрепления, рвы, и огромные гарнизоны в форпостах, редутах и крепостях на границе не позволили пробиться. Уж на что Хлодгар не пожалел сил и средств – так это вот именно – на надёжную оборону своих рубежей. Люди, что воевали тогда за него, отступили и остались в живых. Правда, никто, насколько я знаю, больше никогда их не видел... А гарнизоны эти, приграничные, думаю, он не трогает никогда. Ну, в-смысле, численность их остаётся большой, а вот состав-то может, конечно, меняться. Люди, обезьяны, ящеры... И они остаются на месте, когда его очередная орда, будь то из сухопутных монстров, или летучих, совершает набег на Тарсию...

– Ты прав, Борис. – лорд Дилени сделал рукой жест, приглашая спутников следовать за ним, первым начав спускаться с холма в лощину, – Укрепления эти, как и гарнизоны, давно стали притчей во языцех. Потому что ну никак не удаётся просочиться мимо них – ни самым умелым охотникам-одиночкам, ни, тем более, большим отрядам, пытающимся прорваться с боем. Собственно, в этом наша основная беда: мы не обладаем нужными ресурсами, чтоб и самим понастроить таких же редутов и укреплений – уже с нашей стороны. Если честно – нам не хватает и людей, чтоб укомплектовать гарнизоны таких крепостей-редутов. И до сих пор мы фактически не знали, что лорд Хлодгар делает на *своих* землях. К чему готовится. Чем нам угрожает.

– Ну, теперь-то знаем, милорд. Поля у него славные. Стада

– тучные. Цыплята на птицефермах – свирепые и сильные. И везде проложены отличные ровные дороги. Жаль, кстати, что нам нельзя по ним ходить – так было бы куда быстрее.

– Само-собой, быстрее. Но тогда мы были бы отлично видны всем тем, кто ехал бы нам навстречу. А кто может дать гарантию, что среди них нет менталистов? Уж они-то быстро бы нас учуяли или вычислили – хотя бы по тем признакам, что мы не откликаемся на мысленные приказы!

– Ваша правда, милорд... – Марат тяжело вздохнул, – Так – что? Мы заночуем вон в том подлеске?

– Нет, Марат. Думаю, сегодня ночью нам лучше не спать. А двигаться дальше. За сегодняшнюю ночь нам предстоит добраться до замка, и порыскать по его окрестностям. Думаю, наши ответы – там.

– Почему, милорд?

– Собственно, вычислить это нетрудно. Производство свежевылупившихся динозавриков – самая ответственная часть плана лорда Хлордгара. Так что вряд ли он захотел бы, чтоб этот наверняка сложный процесс происходил без его регулярного контроля и присмотра. С другой стороны – вонючка от этих пресмыкающихся действительно – жуткая. Так что в самом замке эти устройства, в которых всё и создаётся, точно не стоят. Значит, ищем большое здание, находящееся с наветренной стороны замка, и – не дальше одной-двух миль от основной твердыни Хлордгара. Логично?

– Да, милорд. Логично-то оно логично... Но как знать –

может, эта фабрика для зародышей и младенцев ящеров и охраняется получше? Скажем, есть часовые. И целый гарнизон для охраны?

– Скорее всего, так и есть. Но мы почему идём туда именно ночью? Потому, что все люди, в том числе и менталисты – имеют привычку ночами спать. Зачастую нагло отлынивая от своих основных обязанностей. Например, по охране какого-либо важного объекта! Какому часовому, или его начальнику не случилось прикорнуть на пару минут где-нибудь в уголке, понадеявшись, что раз всё до сих пор тихо, так же будет и дальше!

Борис почувал, как кровь бросилась в лицо – да, случилось, на часах и он позволял себе на пару мгновений отключиться, причём не мешало даже то, что он стоял. Пусть и опираясь на копьё. Да и многие другие, как он знал... А молодец лорд. Чётко просчитал ситуацию. (Похоже, и сам сталкивался с...) Может, им и правда – удастся подобраться незамеченными, и даже залезть внутрь.

Главное теперь – найти всё-таки эту самую фабрику.

Фабрику нашли без особых проблем – она действительно пахла.

Впрочем, этим слабым словом не передать подлинных ощущений от этого мерзкого запаха. На самом деле фабрика воняла. Оглушительно. Неимоверно. Так, что от едкого запаха резало в глазах, и они слезились. Ком тошноты посто-

янно подступал к горлу, и если бы не постоянный самоконтроль, лорда Дилени давно бы уже вывернуло наизнанку.

Подбирались они к ней вначале на четвереньках, а затем и ползком. Когда до приземистого длиннющего кирпичного (!) барака оставалось не больше пятидесяти шагов, оставший Борис был вынужден окончательно остановиться. Донёсся его тихий шёпот:

– Простите, милорд. Мне придётся... Избавиться от ужина!

Звуки рвоты, по возможности сдержанные, раздавались минуты три. Затем Борис продышался:

– Порядок. Поползли!

Они и правда поползли. Небо на востоке уже начало чуть светлеть, когда лорд Дилени смог наконец заглянуть в забранное очень прочной и частой металлической не то сеткой, не то – решёткой, небольшое окно.

– Порядок. Никого! Можем попробовать зайти так же, как в тот, первый – через дверь в воротах в торце.

Оно и верно: дверь в воротах имелась. И даже легко и без предательского скрипа отворилась вовнутрь, когда Марат и Борис вдвоём чуть приподняли её, чтоб не скрипеть о косяк порога. Внутри оказалось светло: на потолке горели странные фонари, из какого-то матово-белого стекла, дающие равномерный, но мертвенно-голубой свет. Невольно вспоминались Кладбищенские Мигалки... Из-за этого в помещении, казалось, нет теней, и поэтому на душе начинали скрести

свирепые кошки: колдовство!..

Лорд Дилени быстро просёк состояние напарников. Поспешил ободрить:

– Это – не колдовство. Это называлось раньше – наука. И, судя по всему, случилось именно так, как я вам и говорил. Лорд Хлодгар поставил её себе на службу. Хитёр, ничего не скажешь. Ведь те, кто не знает, что это – те силы, что раньше покорно и верно служили Предтечам, так и подумают: колдовство!

И будут бояться. И его и чёрного Властелина.

А нам этот свет сейчас только поможет. *Так* всё видно гораздо лучше, чем если б мы лезли сюда с факелами.

Видно, и правда, всё было отлично.

Длинные ровные ряды странных приземистых, и равномерно и тихо гудящих, белых агрегатов. Высотой примерно по пояс. Размером они были каждый – с большой стол, используемый в походном Штабе для собраний и совещаний руководства, и за которым свободно размещалось десять человек. Ряды агрегатов уходили вдаль, туда, где в противоположной торцевой стене имелись ещё одни ворота: похоже, ведущие в смежный барак. Над каждым ящиком имелся странный как бы конус из очень тонкого металла: лорд Дилени понял, что именно через эти конусы с толстой трубой, выходящей через крышу, и осуществляется вытяжка. А она здесь точно нужна: запах – умереть не встать!

Лорд Дилени быстро посчитал: два ряда по двадцать четы-

ре «стола» – сорок восемь. Наверняка лорд Хлодгар задействовал всё, что удалось вытащить из подземелья Предтеч.

Но что же там, внутри?..

На этот вопрос очень быстро нашёлся ответ: Марат как раз застыл, схватившись рукой за рот, и выпучив глаза на прозрачное окошко, что имелось на верхней крышке ближайшего агрегата. Сразу нашёлся ответ и на вопрос, откуда чёртов запах: невероятная вонь шла из странной решётки, расположенной на боковой поверхности «стола». Лорд Дилени быстро осмотрелся, и осмотрел и «стол»: да, помимо странных ручек, шкал со стрелками, тумблеров и переключателей на верхней панели, и разных других непонятных устройств и приборчиков, торчащих по бокам, у каждого автоклава сверху имелось и такое же окошко – очевидно, для визуального контроля того, что происходило внутри. Чтоб при необходимости подправить происходящее – наверняка с помощью этих самых рукояток и переключателей...

Освоил, стало быть, чёртов Хлодгар «наследие»... Научился. «Творец» ...ренов!

Лорд Дилени подошёл к Марату, отметив, что Борис, удовлетворённый осмотром помещения, и явно признавший его безопасным, уже пододвинулся к охотнику с другой стороны. Почти сразу послышался его сдавленный взглас:

– Срань Господня!..

Лорд Дилени отреагировал на увиденное сдержанней: промолчал. Только губы прикусил изнутри зубами, чтоб не

заорать во весь голос.

Там, внутри, за совершенно прозрачным окном, творилось...

Колдовство.

На этот раз уж – настоящее!

Потому что на их глазах нечто, раньше явно бывшее курицей, обрастало вместо на глазах растворившихся перьев – серовато-зелёной кожей, висящей сейчас по бокам отвратительными складками. По кромке позвоночника появлялись роговые пластины, крылья превращались в крохотные недоразвитые лапки с коготками, и ноги преобразовывались в мощные когтистые лапы. Но самым страшным оказалось наблюдать, как прямо на глазах блекло-жёлтый клюв превращается в огромную пасть, усаженную острейшими, хоть пока и маленькими, треугольными белыми зубками...

Дверь, через которую они вошли, внезапно распахнулась – разведчики не успели даже спрятаться за агрегат, перед которым стояли. На пороге появился, и быстро вошёл внутрь человек.

Нет, не человек – подобие человека!

Если руки и ноги были как у людей, то лицо... Глаза – огромные, как у ящеров – с вертикальными узкими зрачками! На щеках – чешуя! Одет был... В рубаху, куртку и штаны! И сапоги. Из рта выглянул и снова пропал тонкий, раздвоенный на конце язык.

Увидев людей, странное создание на долю секунды замеш-

калось, замерев на месте. Этой секунды Марату оказалось достаточно. Над ухом он услышал быстрый шёпот:

– Целься между глаз!

Звенькнула тетива, стрела и правда – вонзилась прямо в лоб между глаз! Ящеро-человек рухнул как подкошенный.

– Отличный выстрел. Ну а теперь быстро хватаем его, и бежим обратно в лес!

Разведчики, больше ни на что не отвлекаясь, и не мешкая, кинулись выполнять распоряжение лорда Дилени. Наружу тело вытащили всего за несколько секунд – хорошо, что дальше первых двух агрегатов отойти не успели! Лорд, выбежавший следом, поспешил прикрыть дверь – порядок!

В чащу леса тело тащили почти не скрываясь – бегом. За минуту покрыли расстояние, на которое ползком ушло минут двадцать, и оказались наконец в достаточно густом подлеске. Плохо было только то, что глаза, привыкшие к хорошему яркому освещению, теперь не спешили приспособиться снова к чернильному мраку, державшемуся в чаще. Однако помогало то, что на востоке небо уже посветлело до тёмно-сиреневого цвета.

Лорд Дилени, бежавший последним, и успевший скинуть со спины и свой лук, заполз в гущу кустов ежевики и папоротника последним:

– Порядок. Он был один.

– Но если этот гад...

– Нет, не думаю. Он был один. И заходил так, словно зол

оттого, что вынужден заниматься привычной, обрыдшей, работой. Просто контролёр. Думаю, обойдя все сорок восемь агрегатов, и проверив ход процесса, он просто ушёл бы обратно к себе в дом. Досыпать. Так что ментальное послание, если б и захотел, никому из своих послать всё равно не успел бы. Об этом позаботился ты.

– В-смысле, когда попал ему в лоб?

– Точно. Уж это-то, насколько я знаю, выключает сознание мгновенно... А сейчас расслаживаться некогда. Думаю, и смысла ждать нет. Хватайте тело, и бежим!

– Куда, милорд?

– Как это – куда? Домой, понятное дело. Кратчайшим путём – на юг!

Нести тело, пусть и всящее не больше пятидесяти килограмм, оказалось не просто утомительно, а очень утомительно. Даже сменяясь с лордом Дилени, за час они успели отнести его от замка всего на каких-то шесть-семь километров.

– Нет, так не пойдёт. Да и не получится: если трое ящеров, идущих по своим делам и не привлекали внимания, то трое, несущие труп четвёртого, привлекут уж точно. Ну-ка, принимайтесь копать яму. – в очередной рощице, где они остановились, всё ещё было достаточно темно: край солнца только-только показался над горизонтом, – Придётся лорду Юркиссу довольствоваться только нашим рассказом. Осмотрим, ощупаем, да закопаем.

Пока напарники лорда Дилени, с усердием сопя, долбили и выгребали мечами и кинжалами рыхлую землю под неизбежным мхом и опавшей листвой, лорд взял на себя работу по освобождению тела от одежды. И вот он перед ними – голый труп.

– Твою же ... раскудрить через коромысло! Вот же ...! Это же, это...

– Да, Марат. Согласен: святотатство. И гнусное свинство. Бориса тоже проняло:

– Но ведь мы точно знаем: твари Хлодгара похищают только младенцев мужского пола! Где же?..

– Думаю, лорд Хлодгар в первую очередь избавляет их от *этого*. Кастрация – достаточно простая операция. Странно только, что шрамов никаких не видно. (Теперь понятно, почему и женщин никаких тут нет, и, похоже, не предусматривается и в будущем!) Зато у Хозяина такого бесполого существа после *такой* операции уж точно не возникает проблем с ненужными мыслями этого самого слуги, отвлекающими от служения. Например, с желаниями такого раба вступить в брак. Или просто – связь. С особью противоположного пола. И гормоны соответствующие не вырабатываются.

– Чего, простите?

– Нет, ничего. Я говорю, что превратив мальчика, будущего мужчину, в бесполое существо, лорд Хлодгар наверняка предотвращает массу проблем. Такой слуга безопасен. И никогда не предаст. Незачем! Поскольку отсутствует основной

инстинкт. Размножения. – лорд Дилени тяжело вздохнул. – Ладно. Перевернём-ка его и на живот – осмотрим спину.

Осмотр спины ничего интересного не дал: спина как спина. Человеческая. Но вот отсутствие того, что делает мужчиной – мужчиной, похоже, произвело на его спутников сильное впечатление: они всё никак не могли перестать вздыхать и качать головами.

– Ну хорошо. Может, кто-то из вас видит что-то ещё такое, чего нет на обычном человеке? Или наоборот – что-то лишнее?

– Нет, милорд.

– Нет.

– Хорошо. Надеюсь, мы запомнили хорошо. Закапываем.

Идти без тяжёлого, и подозрительно выглядящего, даже, вероятно, на взгляд самого раступого ящера, груза, оказалось куда легче и быстрее. Они за день покрыли расстояние никак не меньше тридцати миль – теперь они двигались быстрым уверенным шагом, почти не скрывались, избегая лишь многочисленных и хорошо наезженных дорог, по которым сновали телеги, запряжённые всё теми же бегемотами: и гружённые и порожние.

Разговаривали редко – лорд Дилени понимал, что и ему, и его спутникам есть что обдумать. Молчание прервал капрал:

– Надо же.

– Что, Борис?

– Да я вот говорю, если б у нас было времени побольше, можно было бы вообще никуда не ходить, и ничего не пытаться тут разведать дополнительно. Мы бы могли всё и так узнать, посидев сутки-другие в засаде у обочины такой вот дороги. По содержимому телег. Вон: повезли явно туши коров на ферму динозавриков. А вон та телега, с поднятыми бортами, везёт сено. На ферму коров. А та, которую встретили вчера – ну, мы ещё тогда поудивлялись, думали, что кур везут к столу лорда Хлодгара! – оказывается, везла с какой-то птицефермы материал. Туда. Для автоклавов. Э-эх... А вон та... э-э... Похоже, везёт початки кукурузы – забыл, что они тут какие-то совсем уж гигантские.

– Да, точно. – Марат пощурился, наклонив голову в одну а потом и в другую сторону, чтоб лучше видеть, – Початки. А вон та телега, с отдельными клетками, и под охраной тридцати вооружённых ящеров – наверняка везёт свежую партию детёнышей из этих... Автоклавов. На доразивание. Кстати, милорд. Вот не прошло и двух дней, решил спросить: а какого размера они будут, когда вырастут полностью?

– Думаю, как раз такого, как описано в древних преданиях. В длину – футов двадцать пять – тридцать, в холке – футов десять-двенадцать.

– Жутко. Настоящие чудовища. Как же они сами-то будут с ними справляться?! Ведь эти твари разнесут там этот крохотный сарайчик по брёвнышку!

– Не думаю, что они забалуют, или выкажут неповинове-

ние хозяевам-тренерам. Я же говорил – проблема контроля, похоже, у Хлодгара теперь вполне успешно решена. Поэтому он и решил наконец выращивать полномасштабных, так сказать, монстров. Да и дорастивают совсем уж больших и взрослых явно где-то в другом месте. Странно, что мы таких пока не встретили, потому что я думаю, располагаться они должны как раз поближе к нашим границам – чтоб тварям не бегать понапрасну по ненаселённым долинам и полям. И если б удалось сосчитать число таких ферм, и вольеров в них, мы бы примерно знали, сколько тварей Хлодгар считает достаточным для покорения Тарсии...

– Может, первая партия по-настоящему огромных тварей ещё и не выросла. – Борис сплюнул, – поэтому мы и не видели огромных казарм. Тьфу ты – бараков.

– А вон: посмотрите. Как раз подошло бы по размерчику. То, что вокруг понатыкано особо много сарайчиков, сараев, и прочих хозяйственных построек, и огромный дом – снова со стёклами! – может означать, что именно сюда и привезут. Первую готовую партию. А пока за ненадобностью здесь никого и не живёт!

– Это хорошо. Ну-ка, примем немного в сторону, и осмотрим!

«Они воображают, что и правда живут в мире, где возможны чудеса и колдовство.

В моём рассыпающемся в серую труху учебнике истории

такое время называлось «Средними веками». Именно тогда неграмотной массе простолюдинов, да и знати, верховными служителями Христианства, узурпировавшими привилегию «колена Левита», и разжиревшими на своей халявной «десятине», и втюхивалась мысль, что всё – от Бога! Смена времён года – происходит по воле Божией. Вода зимой замерзает – по воле Божией. Люди рожают, дети болеют, умирают, погибают на войне – всё по воле Божией. И никто не может её знать. И нужно усиленно молиться, чтоб её величество Судьба, тоже направляемая рукой Божией, была полагосклонней – для чего опять-таки нужно вести праведный и простой образ жизни, и работать. И терпеть. И молча покоряться воле Божией, даже если ничего не «вымолилось».

И ведь верят! И молятся! И терпят...

Наивно? Наивно.

Зато не нужно напрягаться, чего-то учить, и ломать голову, пытаюсь постичь подлинные Законы, управляющие всем на свете: ни физики с её сложными для понимания понятиями и формулами, ни химии, объясняющей, как одни вещества могут преобразовываться в совсем другие, ни сопротивления материалов, объясняющего какой свод или потолок, скажем, в церкви – будет держаться, а какой – просто рухнет под собственной тяжестью. Или уж рухнет, когда на крышу нападает метровый слой снега.

Рухнуло, задавив часть паствы прямо во время молебна? Так на всё – воля Божья!.. Не искренне, стало быть, моли-

лись. И погрязли в грехах!..

И это, особо упорно насаждаемое, суеверие – вера в «Чудеса»!..

Дескать, раз на какой-то там иконе выступила кровь или слёзы – так это – Чудо! И нужно опять-таки усиленно молиться, веря, что уж она-то, эта икона, поможет! Вылечить заразившегося Красной чумой грудничка. Или собрать хороший урожай. Или удачно пристроить дочь замуж... Или избавиться от горба. Или костылей. Проклятье!..

Да достаточно посмотреть на лоснящиеся довольные рожи слугителей Божьих, в церкви которых это мироточение иконы вдруг ни с того ни с сего произошло, и станет понятно, что это, как говаривали древние – просто удачный маркетинговый ход.

Да: нужно делать различие. Между *верой* и теми прихлебателями, что её «обслуживают». Вера – священна и подлинно верить человеку необходимо, как писал, и буду писать ещё десятки раз. Так уж устроена человеческая натура. Вера в Высшие силы, окончательную, верховную, справедливость, и лучший мир, что ожидает *там* – нужна. Потому что если не верить – пропадут, пропадут из нашего общества последние остатки совести и чести. Если не нужно бояться ада на том свете – зачем, спрашивается, «поступать с другими так, как ты хотел бы, чтоб они поступали с тобой?!»

Можно вести себя, как последняя мразь. Сволочь. Д...мо. Зная, что нет никакого «того света». И, соответственно, не

будет наказания. Но!

Но, как уже упоминал, нужно делать различие. Потому что присосавшихся к трогательной вере подлинно верящих и надеющихся обычных землепашцев, гнусных пиявок-паразитов на самом-то деле все эти самые истинно верующие кормить вовсе не обязаны! Иисус сам говорил: «где соберутся трое, верующих в меня – там и Церковь!»

Но умники в помпезно расшитых и украшенных золотом и драгоценностями рясах решили, что проще получать стабильный доход, построив огромные солидные каменные дома-храмы, где и обирают сотни тысяч прихожан. Наивно думающих, что если они помолятся в Храме Божиим, прилюдно, *эта* молитва дойдёт и будет слышна лучше, чем если они то же самое сделают у себя в сарае. Где-нибудь в укромном уголке. Или в поле.

А ведь Иисус ходил в рубище...

Раздражает, да. Потому что только я, ну, может, и ещё с десяток умников в нашей любимой Тарсии способны понять, что светлые и святые чувства людей просто цинично эксплуатируют. И что надо опять-таки делать различие – между чудом, и явлением Природы.

Первое – непостижимо, а второе...

Второе, если судить по наследию Предтеч – вполне нам по зубам. Объяснимо, постижимо и вполне поддаётся контролю и даже управлению!

И я верю, что законы, которые на самом деле управля-

ют Вселенной – и правда постижимы. И молитвами холеры, Красной чумы, или хромоты не вылечить. Как не исправить и бедности. (Чтоб её «исправить» – нужно не тратить время на молитвы, а вот именно – пахать! Ну, и думать.) И Предтечи отнюдь не были богохульниками, колдунами или заключившими сделку с дьяволом мерзавцами, продавшими душу. Нет: они просто эти самые законы *знали*. И пользовались к своей выгоде. Лечили – лекарствами. Или делали какие-то там операции – с помощью инструментов. Удобные и многоэтажные дома строили – по расчётам. И кое-где на юге, я знаю, до сих пор стоят такие дома – просто не селятся в них: «проклятые места»!.. И то, что сейчас всех людей призывают навсегда предать анафеме все те «чудеса», что имелись в распоряжении *всех* людей в те времена, вовсе не показатель и не гарантия богоугодного и спокойного и мирного образа жизни.

А показатель нашего бессилия. И страха.

Да, мы, а вернее – «служители» Господа, боятся, что человек снова захочет и сможет поставить себе на службу силы, которые в мириады раз сильнее того же, скажем, буйвола. Или лошади. Вон: в преданиях есть фрагменты, где упоминаются какие-то автомобили. Так они позволяли человеку нестись со скоростью в десять раз быстрее лучшего коня! А самолёты якобы вообще летали над поверхностью земли как птицы. Только в сто раз быстрее, и с сотнями самых обычных пассажиров-людей на борту.

И что же в *этом* плохого?!

А плохого в этом то, что при такой жизни никто не будет верить в силу горячо любимого всеми попами Бога, и люди будут надеяться на *свои*. Руки, мозги, и машины...

Следовательно, доходы слугителей Церкви упадут.

Ладно, что-то повело меня сегодня. (Опять придётся страничку жечь!)

Хотел же не об этом написать. А о том, как меня посетили (Оказав, есс-но, Великую Честь!) лично его Величество сир Ватель.

Сейчас, когда вспоминаю, смешно. А тогда, в первую секунду – удивился. Вот уж, как говорится, не ждали! Нет, подзревал, конечно, что рано или поздно... Впрочем, уже во вторую (Ну, или третью – не суть!) секунду вычислил нашего сиятельного властителя.

А вычислить его было до смешного нетрудно: он изо всех сил старался на столешницу, заваленную моими исписанными страницами, не смотреть! Стало быть, не утерпел-таки лорд Говард – рассказал, что я тут в свободное время кропаю скабрёзные мемуарчики... И на цветистые описания и похабщину в описываемых сценах не скуплюсь.

Да и ладно.

Приветствовал я короля как положено: согнулся в глубоком поклоне:

– Сир Ватель! Позвольте приветствовать вас в моём скромном обиталище!

– Ну, не такое уж оно и скромное, как я погляжу. – вот он и подходит, преодолев первое смущение, и чуть щурясь: похоже, начинается близорукость. Да, стареет, стареет молодящийся рубака. Впрочем, насколько я помню, ему тридцать один. Расцвет. Вернее – это в старые времена был бы расцвет. Сейчас же уже в сорок человек считается дряхлым стариком. С поседевшими волосами и выпавшими зубами. И если не успел жениться в пятнадцать – вообще рискует не дожить до внуков! – Смотрю, лорд Говард не даёт своему дяде пропасть от холода и бытовых неудобств.

– Благодарю вас, сир. Это действительно так: дрожащий от холода и сырости, и думающий лишь о том, как бы не умереть с голода, я не был бы хоть сколько-нибудь полезен моему племяннику, государству, и, смею лелеять надежду, вам. Потому что просто не смог бы ничего путного вспомнить! И уж тем более – посоветовать.

Но ведь вы, ваше Величество, пришли вовсе не для того, чтоб убедиться в том, что условия моего содержания вполне... Приемлемы?

– Нет. Нет... – чувствую, замялось вновь его «величество», когда я напомнил ему о подлинной цели его визита, – Хотя то, что у вас тут вполне... э-э... комфортно, меня радует. Следовательно, вы не дрожите тут сутки напролёт, натянув на себя грязные обноски, и забившись в тёмный уголок, а можете весьма продуктивно проводить свободное время.

Вижу, как он вновь чуть расслабился. Однако то, что до

сих пор ни разу не назвал меня по имени, говорит о том, что недолюбливает. И если б не любопытство, и, вероятно, ещё кое-что, ни за что бы не «снизошёл». Следовательно, мне нельзя перегибать палку, и быть с ним грубым, непочтительным, или излишне вульгарным. Но вот он продолжил:

– Вот об этом самом проведении... Свободного времени. До меня дошли сведения, что вы, милорд, некоторым образом предаётесь воспоминаниям. И даже записываете их. Это правда?

– Да, сир. Я ведь сейчас веду почти отшельнический образ жизни. Обречён, так сказать, на одиночество. Чтоб не подавать отвратительных примеров, и не общаться ни с кем. И было бы странно, если б я не пытался выразить в воспоминаниях все те мысли, что посещают меня, когда я пытаюсь по-новому осмыслить своё, так сказать, земное, существование. И эти мысли весьма разнообразны. Прошу прощения за это, ваше Величество. Надеюсь, безопасности нашего Государства такие стариковские записки не угрожают?

– Нет. Безопасности не угрожают. Но вот спокойствию духа руководства нашей страны, согласно последнему Указу нашего священного Конклава, вся книжная и даже рукописная продукция – угрожает. А посему она подлежит изъятию и уничтожению.

– Что ж. Не смею препятствовать исполнению Закона. Вы прикажете сжечь всё это, – обвожу глазами и дланью столешницу, – мне самому, ваше Величество? – беру в охапку стоп-

ку исписанных листков, и направляюсь к огню, полыхающему в камине.

– Пойдите!.. Э-э... Милорд. Не нужно трактовать указания нашего Конклава столь буквально и прямолинейно. – вижу, он в замешательстве, так как явно ждал совсем другой реакции. Ждал, что я начну зубами и когтями упираться, и брыкаться, пытаюсь сохранить своё «наваянное». Не хотел его разочаровывать – но хотя я ни за что не позволил бы сжечь всё это, ему показывать своих подлинных чувств я не собираюсь. А сыграть пофигиста мне – раз плюнуть. С нашими «благородными» аристократами только играть и нужно. А вот подлинного лица или эмоций им показывать ни в коем случае нельзя.

Запрягут и поедут.

– Если и имелось в виду сжечь, так это наверняка касалось в первую очередь вот именно – всех *книг*. Изданных в эпоху Предтеч. То есть – всего того, что противоречит нашей священной «Холи Байбл». Надеюсь, у вас ведь тут, в написанном, нет ничего противного Священному Писанию?

– Ну... Как вам сказать, ваше Величество. Скорее, наоборот. Всё *вполне* богоугодное. Ведь Священное Писание в своё время, насколько известно мне и вам, да и всем остальным истинно верующим, призывало, да и сейчас призывает к борьбе с ересью и колдовством. Любыми средствами и способами. И вполне допускало применение пыток. И допросов, так сказать, с пристрастием – когда речь шла о выясне-

нии этих самых фактов: ереси, колдовства, случаев неистинной веры, и прочей крамолы. Для установления, так сказать, правды! А уж в изобретательности, когда речь идёт о развязывании языков, льщу себя скромной надеждой, я мало кому уступлю!..

Ну вот примерно об этом и у меня идёт речь. О способах, как наилучшими, и крайне болезненными способами выбить из отступника, или ведьмы – эту самую правду!

– Вот как? Хм-м... – его Величество делает вид, что удивлён *такой* трактовкой того, чем я занимался. Хотя я вижу, что уши его пылают, и естество даже натянуло ткань на том месте, где у нашего призового жеребца оно располагается, – Интересно. А, может, руководство нашего Конклава могло бы почерпнуть для себя кое-что полезное, и даже применить на практике кое-какие ваши... Методы? Если они оказались... Продуктивны.

– Они оказались, ваше Величество. И продуктивны, и действенны. И я даже могу предложить вам, не считите за хамство или неучтивость, ознакомиться с ними. Разумеется, если будет на то ваша высочайшая воля, сир!

– Она будет. Я... Прошу вас, милорд, передать мне для... Ознакомления. Ваши могущие оказаться полезными для нашего Конклава, материалы.

– Прошу вас, сир! – а то я не приготовился и на такой случай! Материалы, где описаны именно те самые «способы и средства», лежат на самом верху. Страницы пронумерованы.

Нужно только не облажаться, и не передать страницы из того, что на самом деле я тут пишу. Минуточку... Ага – есть! Отделил.

– А почему... Эта стопка куда тоньше той, что осталась у вас на столе, милорд?

– Ну, это просто, ваше Величество. Вот в этой стопке, что я передаю вам – как раз мои... э-э... опыты в извлечении из людей и ведьм истины. А здесь – описания всех моих детских воспоминаний. Я начал с самого начала. (Времени же... э-э... достаточно!) Всё, что я запомнил из моего беспечного и счастливого детства. Здесь я рассказываю, какая у меня была няня, какие песни она мне пела, какие сказки рассказывала на ночь, сколько братьев я пережил, чем они болели, да какой камзол мне подарили на семилетие... Словом – настоящие мемуары. Про пока что – вот именно – детство. Про юность ещё не дошёл – записываю, что хорошо помню. Самое, так сказать, яркое. Или...

Или вашему Величеству интересно прочесть и про моё воспитание и шалости? – зная, что играть нужно убедительно, храбро протягиваю ему и эту пачку. Хотя если он захочет её взять, мне придётся его придушить. Не хватало ещё, чтоб он прочёл про себя и свою маму, что они на мой взгляд из себя представляли и представляют в действительности! Тупорылый самовлюблённый жеребец и гнусная хитро...опая с-сука!

– Хм. – он делает вид, что колеблется, хотя я уже понял,

что плевать ему на моё «детство». С высокой колокольни. – Нет, благодарю, милорд. Давайте пока с этим повременим. А пока я постараюсь внимательно изучить более насущные и актуальные материалы. – он начинает поворот к двери, я почтительно бормочу:

– Не смею настаивать, сир. И приношу самые искренние мои заверения в уважении, и желаю вам и вашим близким всяческих благ! – вновь почтительный поклон в пояс, и вот уже его Величество удаляется, оставив меня одного ехидно ухмыляться себе в усы, отвернувшись от окошка, в котором злобно скалится очередной «рьяный» охранник.

Никак, уломал наш жеребец ещё и королеву присоединиться – и теперь они кувыркаются с ней и леди Маргарет втроём.

Что весьма, знаю по опыту, утомительно. Хоть и пикантно.

Но быстро приедается. И сила этого самого – вот именно: «духа»! – уже не та.

И поэтому нашему поистрепавшему кое-какие органы за годы бесшабашной юности и зрелости кобелино нужны дополнительные стимулы для поднятия. Духа.

А интересно. Полезная информация.

Теперь можно будет сыграть и на этом.

Осмотр подтвердил предположения Бориса.

Высота потолков огромного барака из грубо обработан-

ных блоков-камней, скреплённых известковым раствором, достигала двадцати футов. Внутри имелась и длинная вереница загонов-клеток. Стальные прутья в два дюйма диаметром, расположенные так часто, что и человеку не пролезть, сказали бы о том, каких пленников-питомцев тут собираются содержать, даже если б разведчики этого уже не знали.

А содержать взрослых пленников явно предполагалось поодиночке – междувольерные перегородки были глухими, из толстенных брёвен: словно тын перед валом Адриана. Да и правильно: уж если свирепые монстры выросли, глупо позволить им теперь, после всех забот и хлопот, просто поперегрызть друг другу глотки сдуру, пока надсмотрщики, скажем, спят. Или твари насмерть передерутся из-за туши барана или свиньи...

Ещё поразила людей печь – гигантская, тоже сложенная из камня, её труба выходила через крышу, крытую черепицей. Впрочем, печь имелась не одна: длинный ряд их шёл вдоль всей боковой стены, и располагались такие массивные конструкции через каждые пятьдесят шагов.

– Буду спорить на свой годовой заработок, в самом большом сарае – дрова. И во втором – тоже.

Однако никто с Борисом спорить не захотел – зачем, если и так все согласны?

– Похоже, у Хлодгара действительно всё продумано и подготовлено. Построить такие печи и барак (А, может, и не один!) из камня – это работёнка не на один год.

С другой стороны, как я сейчас задним умом понимаю, чтоб мы не скучали, и заодно думали, что он – идиот, ни на что большее не способный, он и подбрасывал нам – то крыс, то летучих вампиров, то ящеров – их-то долгой зимой обогревать и кормить не нужно! Поскольку мы их попросту перебьём.

А умно. Если б не план лорда Юркисса, и не наш поход, облажались бы мы. В следующий-то раз. В очередное лето.

– Но милорд... Разве этим тварям нужно тепло?

– Нужно. Ведь они жили в эпоху, когда климат был куда жарче. И холодных зим со снегами и метелями тогда, говорят, не было. Так что если нападение и состоится, то только летом. Следующим, или через одно – это зависит от того, насколько быстро могут расти эти твари до «боевого» состояния. И сколько их Хлодгар успеет понаклепать.

– Ну, если судить по этим... автоклавам, у него дело поставлено, конечно, на поток... Но – не больше сорока восьми за сутки!

– Нет, я думаю что всё же поменьше. Дело в том, что мы ведь заглянули только в два этих прибора. А что, если преобразование занимает побольше суток? Неспроста же ночью там нет дежурных – стало быть, ночью никто не вылупляется. Да и не думаю, что вылупляются – вот прямо все! Наверняка случаются и неполадки, и значит, несколько из преобразовавшихся тварей окажутся или бракованными, или просто мёртвыми.

Но, конечно, жаль, что мы не видели ни одного «вылупления».

– Нет уж, милорд. А я как раз рад, что не видели. Вонища, наверное, несусветная!

– Наверное. Хотя и того, что имелось, честно говоря, вполне хватало. Собственно, мы поэтому и нашли, если вспомнишь, это место так легко. И оно как раз с наветренной стороны от замка. Думаю, что после каждого «вылупления» лорд Хлодгар лично посещает питомник, и проверяет всех преобразованных «птичек» сам. Отбирая на доразращивание только здоровых и «нормальных».

На это никто ничего не ответил, и разведчики вновь углубились в очередной лесок.

Уже на закате Борис взмолился:

– Милорд! Давайте сделаем привал! А то у меня ноги гудят, да глаза слипаются: мы ведь не ели весь день, если не считать перекуса на ходу, и не спали всю ночь!

Лорд Дилени, и сам чувствовавший себя не лучшим образом, и после бессонной ночи, а особенно после увиденного и передуманного, согласился быстро:

– Хорошо. Расположимся прямо здесь. Правда, здесь, в чаще, темно, но у нас такие продукты, что их можно брать и на ощупь. А вот водой мы днём зря не запаслись. У меня во фляжке – не больше трёх глотков.

– Ничего, милорд, можете взять из моей. Я сегодня почти

не пил. Не мог, будь оно неладно. Это всё этот запах... – лорд Дилени скорее почувствовал, чем увидел, как Марат протягивает ему свою флягу.

– Спасибо, Марат. – лорд с удовольствием отхлебнул, и передал сосуд назад, – Думаю, завтра к вечеру, или чуть раньше, мы дойдём до нашего любимого болота.

– Пожалуй. Однако вот что, милорд. Если мы дойдём до болота до того, как хлынет ливень, может, нам выждать до рассвета?

– Это ещё почему?

– Ну... Просто враги нас уж точно не увидят – мы же будем за лесом и за кукурузой. А вот все те твари, что поджидают нас там, в глубине трясины, будут днём спать!

– Это разумно. Ладно, пожалуй мы так и сделаем. А сейчас – ложитесь. Первая вахта – как всегда моя.

Возражений не последовало, и привыкшие к крошечной темени очередной чащобы глаза лорда Дилени отметили, что оба его напарника располагаются на ночлег там же, где и сидели: на подстилке из мха и листвы. Сам он нашёл нужным встать: после еды глаза слипались особенно настойчиво, и лорд чувствовал, что если не хочет отключиться прямо на месте, нужно как-то развеяться.

Для «развеивания» он выбрал южное направление: захотел ещё раз осмотреть путь, которым предстоит двигаться завтра.

Выбраться к опушке удалось быстро, меньше, чем за ми-

нута. А вот то, что предстало взору лорда, вовсе не способствовало спокойствию духа, или засыпанию.

Бегом он вернулся к уже похрапывающим спутникам. Принялся грубо трясти каждого, зло шипя:

– Быстрее! Вставайте! Нас обнаружили! Или вычислили. Чёртовы орды ящеров перекрывают южное направление!

Нужно отдать должное выдержке его спутников: никто и не подумал ворчать или задавать глупые вопросы: все знали, что лорд зря шуметь не будет, и они и сами всё прекрасно увидят, когда выйдут из роши.

Зрелище, конечно, было не для слабонервных: как оказалось, в распоряжении лорда Хлодгара осталось не менее нескольких тысяч ящероподобных воинов. И это – явно не считая тех, кто сидел в редутах и гарнизонах на границе! И сейчас многомильные цепи ящеров, вооружённых ничуть не хуже, чем при нападении, организовано и быстро разворачивались, двигаясь так, чтоб предотвратить любое проникновение за охраняемый периметр! Позади, на не то – троне, не то – помосте, виднелась человекоподобная фигура: явно один из ментальных командиров! Впрочем, далее, справа и слева, скорее угадывались, чем виднелись и другие помосты – командиров, стало быть, много!

Лорд Дилени шёпотом приказал:

– Ползком! Прямо к нему. Марат. С какого расстояния сможешь попасть в лоб?

– Ну... Со ста шагов.

– Отлично. Недостающие триста уж как-нибудь проползём. Вперёд!

На преодоление трёхсот шагов ползком ушло минут двадцать – разведчики старались двигаться так, чтоб уж ни одна, как говорится, былинка не шелохнулась. На руку им было и то, что вечерний ветер дул от ящеров к ним.

Уже в полной темноте выползли прямо к позиции, занимаемой командиром подразделения из более чем пятисот ящеров: те теперь стояли двумя правильными до удивления рядами, и расстояние между отдельными бойцами не превышало пяти шагов – мышь не проскочит! И, что самое плохое, приблизившись, разведчики обнаружили, что командир-то – и правда не один: в нескольких сотнях шагов справа и слева стали чётко видны ещё такие же тумбы-помосты, сколоченные словно из досок или брусьев – они выделялись в темноте своей чуть более светлой окраской, и в высоту достигали десяти футов. И, разумеется, на каждой такой десятифутовой тумбе находился и командир своего подразделения...

Марат, ползший на пять шагов левее лорда, наложил стрелу:

– Могу попробовать, милорд. – тихого шёпота наверняка не было слышно дальше десяти шагов – и только лазутчикам: Борис полз на пять шагов правее лорда.

– Отлично. Действуй по готовности.

– Хорошо, милорд. Только... Вот что, милорд. Если они бросятся бежать, вы с Борисом... Ни в коем случае не вста-

вайте! Иначе... Всё будет напрасно.

– Не понял, Марат – что будет «напрасно»?

Лорд не успел закончить вопроса, как звенькнула спускаемая тетива, и в центре лба монстра, пристально вглядывавшегося в темноту, возник третий глаз. Марат же после того, как получеловек завалился на спину, успев что-то простонать, вдруг вскочил в полный рост. И бросился бежать назад – по направлению к роще, откуда они выползли.

Вот теперь лорд Дилени понял, что задумал охотник, но было поздно. Потому что из темноты донесся его злой и зычный голос:

– Живым не дамся!

Чёрт возьми!..

Лорду Дилени и Борису оставалось лишь, стиснув зубы и кулаки, смотреть, как огромная масса из не менее чем пары тысяч ближайших ящероподобных тварей кинулась вслед Марату. Разумеется, несясь бесшумно, но не столь быстро, поскольку развить человеческую скорость мешали короткие ноги-лапы. Несколько тварей пробежали буквально в паре шагов от вжавшихся в землю и траву лорда и Бориса, не обратив, впрочем, на тех никакого внимания – в отсутствии приказов своего непосредственного командира они исполняли явно приказы чужих, непривычных, и незнакомых, и не отвлекались на какую-либо «самодеятельность»!

Так что своей цели Марат явно достиг: два соседних, оставшихся целыми, человека-командира, соскочив со своих

помостов-тронов, кинулись тоже вперёд – туда, где маячила светлым пятном фигура охотника. (Лорд Дилени подумал, что кольчугу охотник явно стянул заранее, и теперь его нательная рубаха являлась отличным ориентиром в темноте!) При этом полулюди-командиры, конечно, не разговаривали – да и зачем разговаривать, если они отлично читают мысли и друг друга, и своих подчинённых, и, возможно, даже видят глазами преследователей!

Только когда фигура Марата скрылась в чаще, а люди-менталисты в азарте погони даже не подумавшие зачем бы стрелку так глупо выдавать себя, и старающиеся не отстать от подопечных, пробежали разведчикам за спины на пару сотен шагов, лорд Дилени и Борис двинулись снова вперёд: вначале ползком, на четвереньках, а потом и бегом, пригнувшись, и стараясь двигаться бесшумно.

Когда скрылись в очередной роще, Борис, сжимавший кулаки, простонал:

– Зачем?! Зачем он это сделал?!

– Не зачем, а – почему. Потому что понимал не хуже нас: пробиться с боем не удастся. И если что-то и делать, то делать надо быстро: иначе рассветёт, или ветер переменится, и нас будет видно как на ладони, или выдаст запах! А один труп лучше трёх.

А ещё он отлично понимал, что сведения, которые мы тут добыли, стоят человеческой жизни. Думаю, он свою продаст дорого. Ведь мысль о мести, мы ведь видели, никуда у него

не делась... У него ещё оставалось не менее двадцати стрел.

– Но потом... Он же не сможет молчать! пытками... Или копанием прямо в мозгу – у него вытянут всё, что он знает!

– Не вытянут. Он нам так и сказал, сразу подумав об этом.

– Точно. Он сказал, что живым не дастся...

– Жаль Марата. Дстойнейший был бы дворянин. А человеком он был отличным, похоже, всегда.

– Согласен, милорд. И теперь мы просто обязаны добратся живыми до наших земель. И чем быстрее, тем лучше. Бежим?

– Бежим!

К утру они добежали до поля кукурузы – правильнее было бы назвать его, скорее, поясом. Потому что – что налево, что направо – конца-краю этому поясу видно не было!

Проламываясь сквозь частокол прочных стволов с помощью меча и кинжала, и уже почти не скрываясь, поскольку никаких рубшиков поблизости не было, лорд Дилени ругался уже в голос – от злости и ненависти к хотро... опому врагу. Марат шёл следом, иногда расширяя просеку.

Но через десять минут они поменялись местами – с уставшего лорда так и лило.

Однако так меняться пришлось четыре раза – в этом месте пояс кукурузы оказался куда шире, чем там, где они вступили на земли Хлодгара. Едкий пот заливал глаза, рубахи и штаны промокли насквозь, но проклятая пыльца не поз-

воляла даже утереться как следует: липкими жирными потёками она расползалась по лицу и шее. Теперь пришлось использовать и подолы рубах, поскольку рукавов для повязок на лицо не осталось.

Наконец поле кончилось, сквозь лесополосу они проскочили, даже не заметив, и вот перед ними во всей «красе» трясина с её неизменными кочками, и зелёными разводами травки-ряски на лужах, низкорослого камыша, и мха на фоне чёрной жижи.

– Судя по-всему, мы забрали гораздо восточней, чем надо. Ну-ка поторопимся!

Они снова припустили вперёд, вдоль кромки воды, задыхаясь, но игнорируя призывы тела плюнуть на всё и просто грохнуться на землю, чтоб дать ноющим и отказывающимся повиноваться мышцам хоть минутный отдых!

На то, чтоб добраться до знакомого места, откуда они отправились сквозь лесополосу вглубь кукурузы, ушло не меньше часа. Но стоило этому месту замаячить впереди придающей сил доступностью, и радующей глаз знакомой перебитой молнией сосной, лорд Дилени уловил подозрительные признаки.

Похоже, Борис тоже их уловил, потому что чуть притормозил, словно прислушиваясь, и широко расставив ноги, посмотрев под них, и вновь на лорда:

– Милорд! Что это?!

– Это, Борис, штукovina, с которой, поверь мне, ты не за-

хочешь познакомиться поближе! – лорд, уже понявший, что может вызывать странную дрожь земли, и, слыша звук сми-наемых за их спинами стволов и подлеска, махнул рукой, – Беги изо всех сил!

Они действительно побежали: побежали так, как, наверное, никогда в жизни не бегали, и им удалось добраться к тайнику раньше, чем преследователь показался в виду.

Ринувшись к тайнику, лорд Дилени поспешил вытащить «карту» на свет Божий.

Сомневался лорд лишь в одном: не подменил ли его драгоценный артефакт тот загадочный мерзавец, что перепрыгнул его и в склепе лорда Юркисса. Но беглый осмотр показал, что всё в порядке. (Да и как бы «мерзавец» перемахнул через эту самую трясину?!) Устройство – то самое, и, вроде, в порядке. Заморачиваться с маскировкой трости в вязанке дров уже не было времени. Да и кого бы он тут обманул: посторонних пока не было, а Борис и так в курсе, что за «карта» их ведёт сквозь топи...

Включить удалось без проблем, и вскоре они уже бежали, настолько быстро, насколько позволяли ноги, вперёд – ориентируясь на взошедшее солнце, с трудом и временами пробивающееся сквозь хмару набежавших с севера туч. Здесь, на поверхности льда, не отдавались в подошвы те странные толчки, что преследовали их последние минуты.

Лорд подумал, что насчёт ливня и похолодания чёртовы народные приметы, похоже, не солгали. А интересно бы по-

смотреть, как трость будет действовать во время дождя. Отдельные капли замёрзнут, и будут как шарики биться о тропинку?..

Но вскоре стало кристально ясно, что не о том его мозг взялся думать, и не ту проблему решать. Потому что проблема эта вдруг возникла во всей своей грозной и неумолимой мощи и красе у их тайника.

О том, что это произошло, лорду Дилени сказало отсутствие топота сапог Бориса за спиной. Он оглянулся.

Да, нет сомнения, что это – именно то страшилище, что выращивается в питомниках и на фермах Хлодгара сейчас. И выращивается массово.

Но это – уже выросло.

Огромные ноги-рычаги держали массивное и сужающееся на заднем конце наподобии толстого веретена, туловище. На переднем же... Вот это «ротик»! Вполне соответствует общим размерам!

В монстре и правда – было не меньше двадцати пяти футов длины. А когда чудище оторвало морду от поверхности земли и того места, где они прятали трость, обнаружилось, что росту в нём действительно не меньше десяти футов в холке. А в раскрывшуюся вдруг в злобном оскале пасть, усаженную гигантскими зубьями-лезвиями – монстр увидел беглецов! – свободно могла бы войти корова.

Окрестность огласил злобный басовитый рёв: уж это-то страшилище молчать не собиралось!

– Борис! Да Борис же! – лорду пришлось метнуться назад. И как следует тряхнуть за плечи так и застывшего напарника, – Хватит любоваться! Догонит – сожрёт!

Борис, рот которого оставался всё это время открытым, вдруг дёрнулся всем телом, и выдохнул. Выдохнул снова воздух в лёгкие:

– Срань Господня! Вот уж монстр так монстр. Я... Ну, словно впал в ступор!

– Вот именно. На это и расчёт Хлодгара! На ужас от размеров! И всего прочего! Бежим же, а то догонит!

Они снова ринулись вперёд по тропе, которую лорд снова прокладывал, опустив задранный было к небу передний рас-труб снова в «рабочее» положение. Однако первые несколько шагов лорду пришлось-таки чуть ли не силой тащить Бориса за руку – тот похоже, никак не мог справиться с мышцами ног, которые упорно не желали сокращаться как положено.

Однако когда отбежали на пару десятков шагов, лорда неприятно поразило: тропа под ними вдруг стала вздрагивать ещё сильнее и страшней, чем только что болотистая почва! Да что же это!..

Брошенный через плечо взгляд подтвердил самые худшие подозрения: увидев предполагаемую пищу, тварь кинулась вперёд уверенно и стремительно, покрывая за шаг не меньше десятка футов, и развив поистине чудовищную скорость! Однако лорд не стал сообщать об этом своему спутнику.

Вместо этого он снова схватил того за руку:

– Двигаемся вместе!

Направить трость вправо, чуть в сторону от их главного направления бега, было нетрудно. А через пару десятков шагов лорд резко сменил направление – уже приняв почти под прямым углом влево. Они успели пробежать так ещё шагов двадцать, после чего, словно петляющий заяц, вновь метнулись вправо – словно двигаясь гигантским зигзагом. И теперь уж бежали так, под углом к своему маршруту, до тех пор, пока не услышали того, чего ухо лорда Дилени нетерпеливо ждало с таким вожделением: смачного плеска и возмущённого рёва!

Вот теперь они остановились, и оглянулись.

Зрелище потрясало.

Даже ушедший наполовину своего серо-зелёного тела под поверхность тины монстр выглядел ужасающе. Задние лапы, не встречая опоры, пытались вынести массивное туловище вновь на твёрдую поверхность, которая вдруг предательски ушла из-под них, а крохотные, гротескно смотрящиеся передние тщетно били по воздуху, словно сообщая, что их хозяин в отчаянии! Пасть разевалась и снова захлопывалась, но помочь вертикально уходившей в глубину твари это никак не могло, поскольку массивный таз и крестец, выпирающий острым бугром у основания задних лап, уже почти скрылся под поверхностью болота. Теперь наружу торчала только массивная голова на десятифутовой мускулистой шее.

Монстр больше не интересовался людьми, нет: он изо всех сил пытался ухватиться пастью и передними лапками за какую-нибудь кочку или камыш. Но тщетно! Погружение происходило быстро и неумолимо. Тварь выла и извивалась. Выла так, что буквально мурашки бежали по коже! И становилось понятно, что человеку встречаться лицом к лицу с таким противником – ну никак нельзя! Если сказать мягко – разные весовые категории.

Но лорд Дилени понимал, что сейчас на счету каждая секунда:

– Хватит любоваться! Сейчас за ним прибегут и его погонщики-надсмотрщики!

Они снова со всех ног припустили – теперь уже в правильном направлении, и не прошло и десяти минут, как Борис крикнул:

– Вижу! Туда, милорд, – он указал рукой. Лорд Дилени быстро скорректировал их курс, и вот они уже, задыхаясь, и мысленно благодаря небо, плюхнулись с разбегу на болотистую, низкую, но приятно твёрдую поверхность знакомого островка.

Сделали они это очень вовремя: развернувшийся назад лорд Дилени тихо спросил:

– Это – люди?

Несколько секунд приглядывавшийся к замаячившим вдруг на оставленном ими берегу фигурам, капрал тоже шёпотом подтвердил:

– Люди, милорд. Но почему... Их так много? Мы же думали, что погонщик будет один? С мелкими же тварями так и вообще – один человек управляется с сотней-другой?

– Похоже, дело в размере. Впрочем, нет – вряд ли. Я неправ. Мозги у этого ящера устроены так же, как и у всех прочих ящериц, в противном случае Хлодгар его бы не выбрал. А так – дело уже привычное, методика явно отработана.

Погонщик, скорее всего, и был один. А остальные – элитная стража. Телохранители! Вон: видишь, у них есть и луки! Не попусти Бог, чтоб они обнаружили нашу тропу! Иначе...

Однако спустя десять минут преследователи так и не нашли тропы, и лорд Дилени понял, что указания лорда Юркисса оказались чертовски предусмотрительными: тропа, не замороженная на солидную глубину, скорее всего, уже успела вновь растаять, превратившись в болотную воду! Ф-ф-у-у...

Спустя ещё полчаса преследователи удалились из виду – быть может, как предположил Борис, затаились в лесу, следя: может, те, за кем они гнались, купятся на это и вылезут из своего тайника... Поэтому они так и продолжали лежать, стараясь без нужды даже не чесаться. Впрочем, разговаривать это не мешало.

– А странно. Щупая трясину с помощью слег, или даже просто проверяя ногами, до нас можно было бы быстро добраться.

– Не думаю. Тропа скорее всего уже растаяла. Когда держишь трость – тьфу ты – карту! – выше трёх футов, её действия хватает на десять минут.

– Ну, стало быть, повезло нам. Но милорд... Я вот, не прошло и часа, собрался спросить: а как вы догадались, что бежать надо зигзагом?

– Ну, это было совсем просто. Хотя и потребовало, если честно, всего мужества, которое у меня имелось: после того, как увидел за спиной, всего-то в каких-нибудь сотне футов, этот хлопающий сундук с зубами, эту чудовищную пасть, хотелось просто со всех ног ломить напрямую со всей возможной скоростью!

Но я понимал, что чудище тогда легко догнало бы: оно куда быстрее! Однако! Пока оно пользовалось обонянием, чтоб найти и догнать нас – оно двигалось медленно. Ну, сравнительно. И ориентировалось только по запаху.

Зато когда увидело...

Переключилось на зрение и мозг. А мозг машины-убийцы говорит только об одном: надо срезать углы, чтоб поскорее приблизиться к убегающему обеду! Так же делают и волко-рыси, и гепарды, и львы...

И вот чудо совершилось: с разбегу тварь не заметила, как потеряла под ногами опору, и плюхнулась прямо в центр трясины! Нам повезло и в том, что от берега мы уже были далеко. Она не достала ногами, как я боялся, до дна. И утонула раньше, чем на берег выбежал её погонщик.

У лорда Дилени к этому моменту словно гора свалилась с плеч: их не вычислили и не догнали. Следовательно, если Марат мёртв, Хлодгару кроме смутных подозрений и мысленных рассуждений опереться не на что.

Но отправиться снова в путь они смогли только когда стемнело: головы, возникающие из чащи побегов, и фигуры, вскоре снова вылезшие из чащи, и бродившие туда-сюда вдоль трясины, людей и ещё одного, уже не столь большого и впечатляющего, серого монстра-динозавра, размером лишь с крупного вола, сновали вдоль кромки лесополосы до самого заката. Возможно, они и продолжали двигаться там, но лорд Дилени и Борис, успевшие за время вынужденного безделья поесть, отдохнуть, и даже поспать, покинули спасительную твердь островка, как только ночь вступила в свои права.

Двигались быстро, не останавливаясь и не меняя направления: даже если лорд Хлодгар пошлёт им вслед чёртовых летучих мышей, деваться некуда: сквозь Энгаденскую трясину пробиться надо! Потому что все другие пути им сейчас заказаны!

Раздумывать, впрочем, лорд старался на бегу: они с Борисом ни на секунду не присели. А поскольку ничто больше их на землях врага не держало, и тьма скрывала их силуэты, бежали настолько быстро, насколько позволяли уже с трудом двигавшиеся ноги – отлёживание в неподвижности не сильно поспособствовало отдохновению этих столь нужных сей-

час конечностей.

Монстров и тварей, к счастью, не попадалось. Ну, почти не попадалось – прикрывающий спину лорда, прокладывавшего тропу, Борис лишь однажды выстрелил в странного вида морду, поднявшуюся над трясинной в тридцати шагах слева.

Лорд с удовлетворением отметил, что ни усталость, ни пот, ни то, что капрал запыхался, и дышал уже с хрипом и присвистом, не снизило верности боя его руки: стрела вонзилась двухфутовой морде точно между глаз, заставив ту нырнуть. Вода на этом месте забурлила, вокруг разошлись круги, но желания отомстить, или выплыть снова тварь не проявила.

Пока добежали до основного берега, начался и рассвет. Выбрались и пробежали по лугу до деревьев роши уже на последнем издыхании. Борис прохрипел:

– Милорд! Пожалуйста. Хотя бы десять минут!

– Согласен. Падаем тут.

Они, как стояли, так и грохнулись наземь, даже не позаботившись выбрать, где помягче. Оставшуюся, к счастью, воду пили жадно, и только из фляги Бориса – у лорда Дилени её не осталось ещё на ночёвке в давешнем лесу.

Опустевшие фляги выбросили, и грязные вонючие кольца сняли и бросили наземь ровно через десять минут – больше лорд отдыхать им не позволил. Бежали уже не так резво: понимали, что даже если преследователи догадались,

что их провели, и кинулись проверять границы, увидеть сверху две крошечные серые точки, передвигающиеся под прикрытием ветвей и листьев нереально – ни летучим мышам, ни воронам.

– Интересно, у них есть собаки-ищейки? – Борис, дышавший в спину лорда Дилени в трёх шагах позади, проворчал это словно бы под нос, и самому себе.

– Вряд ли. – лорд позволил себе короткий взгляд через плечо, – Тогда бы мы их увидели. И раскусили бы нас сразу, а не на четвёртый день. Думаю, собаки не совсем подходящая компания для именно – ящеров. Поэтому лорд Хлодгар, если они у него и были, всё-таки избавился. Теперь, наверное, жалует.

– Кстати, милорд. Вот уж никак не возьму в толк: как нас раскрыли-то?!

– Сам точно не знаю. Но скорее всего – нашли самого первого нашего ящера. Того, который косил рапс. Его начальство наверняка что-то заподозрило, когда прервалась связь с ним. И ведь он тропу через поле – не выкосил. Такой случай вопиющего непослушания тут наверняка невозможен. Ну вот – за три дня как раз и нашли. Если прочёсывали.

А мы-то... Зарыли же – неглубоко!

– Чёрт. Похоже на правду. Значит, мы раскрыты?

– Не совсем. Если Марат и правда – живым не дастся, вернее – уже не дался! – Светлая ему, бедняге, память! – мы ещё можем надеяться на то, что нашу миссию не вычислят.

Но вот если его поймают живым, и допросят...

– Мы – в ...опе! – закончил эту немудрёную мысль Борис. – И накрылась одним местом наша миссия!

– Ну почему – накрылась? Если удастся – а уже удалось! – добраться до наших земель, а теперь и до Милдред и Клауда, и рассказать обо всём, что увидели, лорду Юркиссу, может, он и придумает. Как нам действовать *теперь*.

– Но ведь лорд Хлодгар – вы сами говорили! – не дурак! И даже если Марат не заговорит, или будет мёртв – легко всё вычислит и сам! – они снова бежали сквозь лес, уже чуть по-медленнее, но старались поддерживать крейсерский ход для боевых подразделений на марше – шесть миль в час, – И поспешит что-нибудь сделать! Получается, сейчас наша Тарсия в ещё большей опасности, чем до нашего похода!

– Да? Думаешь? А вот я как раз уверен в обратном.

– Это почему же?!

– А что, к примеру, по-твоему, Хлодгар сможет *сделать*? – лорд глянул на Бориса на этот раз с подлинным любопытством во взоре, – Что *реально* он сейчас сможет сделать?

– Ну... – Борис замолчал, пытаясь придумать, чем бы лорд Хлодгар мог им и стране и правда – навредить. Но быстро понял, что, собственно, ничем: «партия» последних ящеров-пехотинцев – перебита! Да и в самом разгаре страда по уборке кормовых культур, и число свободных ящеров-работников в распоряжении их врага лишь такое, чтоб справиться

до зимы! А гарнизоны редутов трогать нельзя!

– Вот именно. Людей. – тьфу ты, ящеров! – у него в обрез. Да и те, что остались – явно специализируются на владении серпами, пилами и вилами, а не мечами и вообще – оружием. Не обучены, стало быть. А если он не запасёт на зиму кормов – погибнут все его коровы. Стало быть – нечем будет кормить подрастающее поколение динозавров. А без динозавров невозможно подлинно серьёзное нападение на наши земли. И наших соседей.

Так что думаю, в ближайшие месяцы – ну, до весны-то точно! – нам никаких действий от лорда Хлодгара ждать не придётся. Даже если он и заподозрит, что Марат навевывался к нему не один, и часть отряда выжила. И расскажет об увиденном.

– Но ведь тогда получается, что он, ну, лорд Хлодгар, будет готов? К тому, что его пташек-переростков весной достойно встретят?

– Получается так. Но не думаю, что на его планы это как-то повлияет.

– Это почему же?

– Ну, во-первых – он провёл слишком серьёзную подготовку к этому вторжению. Во-вторых, он уверен, (И не без оснований, надо признать!) что против бронированных шкур его монстров никакие наши средства так и так не помогут. И в-третьих, даже если *эту* его очередную партию монстров мы сможем уничтожить, или нейтрализовать – ни-

кто не помешает ему вырастить новых! Других. Ещё более страшных и огромных.

– Проклятье! – Борис выругался, – Получается, мы – в тупике?!

– Нет, Борис. Мы – не в тупике. А пока что – в патовой ситуации. А, да – ты не знаешь... Поясню.

Мы сейчас – как игроки в шахматы. (Жаль, что Конклав запретил эту игру!) С одной стороны – лорд Хлодгар. Имеющий возможность, и постепенно осваивающий хитрости управления машинами Предтеч, и работающий над тем, чтоб создавать всё более страшных и могучих монстров. А с другой – мы. Жители Тарсии. Во главе – только не нужно оболыщаться, поскольку и мы, и командование Армии в лице лорда Главнокомандующего, пользуемся в-основном – *его* мозгами! – с лордом Юркиссом.

И эти двое сейчас разыгрывают опаснейший гамбит, а мы – только пешки в их руках. Правда, иногда и пешка проходит в королевы... Ну, это к слову. А так – нам сейчас нужно просто добраться живыми и сравнительно целыми до замка короля, и как можно скорее рассказать обо всём увиденном тому, кто сможет принять верное решение.

Единственно верное решение.

И не даст нам проиграть в этой партии.

Потому что на кону – жизни всех наших сограждан!

«... вот уж насладился! Как говорится – по-полной!

Делая сильные и размашистые движения взад-вперёд, слушая, как она вопит, воеет и рыдает, и наблюдая, как корчится и дрожит это прелестное тело, мотается в разные стороны голова со слипшимися от пота волосами, и как сменяются выражения на этом самом когда-то миловидном, а сейчас сморщенным, словно печеное яблоко, личике, я старался только сдерживаться – думать о погоде, природе, моей няне-кормилице – вот уж воистину святая была женщина! – и продлить её страдания как можно дольше!

Но вот он и финал! О-о-о!!!

Восторг! Искры в глазах! Фейерверк наслаждения!

Я зарычал – никогда не могу в такие моменты сдержаться! – и надал. Вот! Сейчас... Она завывала совсем уж по-дикому, рот раскрылся так, что я испугался, что сейчас челюсть вывернется, куночка непроизвольно стала сокращаться, затем расслабилась, и дама, наконец, отключилась. Выпученные глаза словно втянулись назад, в глазницы, и закрылись веками. Из груди будто выпустили весь воздух – она замолкла.

Тело обмякло, голова откинулась на подушку, которую подкладываю им всем – чтоб не бились затылком о доски...

Я вынул наружу своё опавшее достоинство, и отёр его приготовленной тряпкой.

Попутно пришла мысль, почему производить мои экзекуции куда приятней именно – с симпатичной, пусть и не мускулистой, аристократкой, чем с более крепкой и выносли-

вой крестьянкой. У которой, вроде, и куночка устроена точно так же, и вопить она может куда громче, и терпеть всё это – куда дольше. Но от которой – ну вот нет *такого*.

Удовлетворения.

Человеческое, а вернее – мужское, естество всегда направлено только к одной цели – продлить свой род. Передать дальше свои гены. А если заниматься «продлением» рода с элитной самкой – то подсознание автоматически отмечает, что именно *такая* сможет дать потомству и здоровье, и отличную наследственность. И тогда «достоинство» сохраняет упругость и прочие кондиции гораздо дольше – чтоб те крохотные червячки, что несут наши наследственные черты, были активней и имели больше шансов подарить зачатие!..

Поэтому инстинктивно в первую очередь мужчина оценивает самку снаружи – экстерьер, так сказать. Как у неё соотношение «бёдра-талия»? А какого размера грудь? А упруга ли и шелковиста кожа? И, наконец – приятное ли лицо.

Может, я – извращённый эстет? Или это – у всех мужиков так?..

Но вот и настал момент, когда я закончил с ней.

Стоит ли продолжать? Продлить её жизнь и мучения ещё на денёк-другой?

Или можно уже считать, что с *этой* игрушкой я «наигрался»? Натешился. И осталось просто – или сложно! – убить её? Может, применить гарроту, да удушить? Или, скажем, влить ей туда, куда мне уже соваться неинтересно, расплав-

ленный свинец? Или...»

Сир Ватель отложил рукопись.

Подумал, что хотя этот гад – и настоящий сволоочь, мразь, извращенец чёртов, но пишет так...

Да, что всё встаёт, и готово. Только что не звенит.

Ну, так вперёд. Не стоит заставляя ждать дам – довольно им наслаждаться лишь друг другом.

Войдя из кабинета в спальню, он обнаружил, что разгул страстей уже достиг кульминации – девушки, лежащие в позиции шестьдесят девять, как раз дошли до пика: леди Маргарет, бывшая сверху, застонала, королева же, лежавшая снизу, и потому подвергавшаяся куда более интенсивной обработке своей куночки языком и губами, завопила и заби-лась в судорогах неизвестно какого по счёту оргазма! Сир Ватель знал, что его жена любит – чтоб почаще и побольше, а леди Рашель наоборот: предпочитает один – но подольше. Ну вот и славно. Сейчас он вполне готов.

И сможет показать, где, согласно древней поговорке, «раки зимуют» и той и той. Ну, в-смысле, когда вон та девушка очнётся – королева отключилась, похоже, переусердствовав с самоласканием своей груди и промежности – это у неё осо-бо чувствительные места! Да и леди Маргарет не подкачала: быстро вычислила и выучила, *как* и сколько может вынести её королева!

И вот, на какое-то время, они и вновь наедине с леди Ра-шель!

Сир Ватель подошёл к широкому ложу, проворковав:

– А кто это у нас тут такой большой и красивый? И кто хочет спрятаться в тёмном и влажном подвале? Уже подготовленном к его посещению?

– О, сир! Вы как всегда оригинальны! Если честно, вы могли бы вашего жеребца кружевной салфеточкой и не прикрывать! Я уж давно догадалась, что это не фокус, что она у вас не падает! – приятно, что его неназойливый и достаточно (Будем честны с самим собой!) примитивный юмор, леди Рашель всячески поддерживает. И его капризам – потакает. И против секса на троих ничего не имеет. Или хотя бы делает вид.

Умна, зар-раза!

Вот она – точно на своём месте!

Законной фаворитки.

К замку Милдред выбрались к утру следующего дня.

Лорд Дилени помахал часовым, те его узнали. Загремели цепи, и заскрежетал подъёмный мост, медленно опускаясь на своё место, и вот они смогли, перейдя полузаплывший тиной так называемый ров – а точнее – канаву двух футов глубиной, и десять – шириной! – пройти внутрь, на брусчатку двора.

– Милорд! Вы выглядите...

– Да, я знаю, Кнут. Прикажи скорее подать нам во что переодеться – нормальное, человеческое. И свежих лошадей. Время не терпит. А, да – и фляги с водой!

В замке Милдред они пробыли не дольше десяти минут – именно столько заняло переодевание и получение новых фляг со свежей водой взамен выброшенных ещё на болоте. Лорд не стал даже терять время на питьё – знал, что они смогут напиться и по дороге. Борис вообще молчал – похоже, не хотел выдавать своих чувств и мыслей лейтенанту, оставшемуся за коменданта на время, пока отсутствовал лорд Дилени.

Ощущать, как работают под седлом и ногами мускулистые тела армейских тренированных жеребцов, было приятно. И то, что они добрались до своих земель и гарнизона крепости целыми, тоже радовало. Но пока та информация, что добыта, не передана по назначению, дело не сделано! Поэтому нужно спешить. Мало ли.

Вдруг лорд Хлодгар, вопреки всем мыслям, уверениям, и самоуверениям лорда Дилени о том, что делать враг ничего не сможет и не будет, всё-таки – будет!..

Лорд не сомневался, что аналитический разум самого ценного узника замка Клауд сможет решить эту проблему. И сообщить нужно в первую очередь именно ему. А не королю, или лорду Говарду. Но он – офицер. То есть – принадлежит не себе, а Армии.

И не имеет формально права действовать через голову начальства.

Следовательно – необходимо всё же доложить непосред-

ственно Главнокомандующему. И, если тот сочтёт нужным – повторить доклад королю.

И уж только потом – можно будет предстать пред светлы очи умника из подземелья. И там уж – ничего не утаивать, и вспоминать всё до мельчайших подробностей.

Лорд Дилени, если честно, недоумевал: за каким ...ем лорду Юркиссу нужна была вся эта комедия (Если можно назвать все эти страсти и убийства столь пошлым словом!) с якобы бегством от гнева королевы, и последовавшими затем гнусными пытками невинных женщин, если он фактически – Главный в их Тарсии, и продолжает и из темницы фактически руководить всей обороной страны? Да и всем её хозяйством и экономикой.

Или он просто не хочет рисоваться на троне? И предпочитает, как древние кукловоды, тянуть за верёвочки своих марионеток – из-за кулис?.. Как он, собственно, и говорил? А лорд-то Дилени тогда посчитал это за браваду и рисовку...

А ещё лорду Дилени в голову закрадывались смутные подозрения и сомнения: не вступил ли их основной «консультант» в тайный сговор с главным врагом?!

И, если вступил, как они будут разыгрывать между собой чёртову партию?!..

Ливень, сопровождаемый пронизывающим ветром, сверканием огненных всполохов молний, и раскатами грома, хлынул, когда они уже подъезжали к Дробанту.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО. (Замок, Гохостервитц, бесплатные изображения.)